

В этом номере

ISSN № 0130-7045

М. ХОЛОВ
**ЖИВОТВОРНАЯ СИЛА
БРАТСКОГО СОЮЗА**

Д. УГРИНОВИЧ
РЕЛИГИЯ
как социальное явление

Т. ГРЕКОВА
**КАК УСВАИВАЕТСЯ
СЛОВО?**

Ф. ЗИННУРОВ
**«ВОЗНЕСЕНИЕ»
МЛАДШЕГО
СЕРЖАНТА**

НАУКА И РЕЛИГИЯ

В. КОНИК
**В ПОИСКАХ
ПРИВЕРЖЕНЦЕВ**

В. ЛЕДКОВ
**ЖИВАЯ
ТУНДРА**
Начало повести

А. ИСМАИЛОВ
**ФИДЕИЗМ
СЕГОДНЯ**

8 • 1982

НАША ОБЛОЖКА

Средняя Азия — это огромная, более миллиона квадратных километров территория, раскинувшаяся от Каспийского моря на западе до восточных государственных границ, соседствующая на юге с Ираном и Афганистаном. Древняя земля издавна знаменита своими природными богатствами и сказочно прекрасными творениями народных мастеров. Только редко выпадали на протяжении ее истории мирные времена: из века в век погибали люди в бесконечных междоусобных войнах, в которых феодальные правители делили награбленное у народа добро и земпи; иноземные завоеватели опустошали цветущие города, разрушали оросительные системы, множество прекрасных созданий народного таланта навсегда исчезали, уничтоженные в этих войнах. Только редко бывали сыты и счастливы люди, населявшие этот богатый край: полям не хватало воды, урожай отбирали ханы, эмиры и баи, богатства земпи, ее плоды отторгались от народа; шелковые сюзаны и великолепные ковры украшали дворцы правителей, там журчали прохладные фонтаны, там на стенах висело сделанное руками умельцев оружие, там на ханских наложницах звенело изумительное серебряное кружево украшений, какие умели делать только в Средней Азии... История была жестока к людям, трудившимся на среднеазиатской земле. Жили они под гнетом восточных деспотов, сохранявших в своих владениях средневековые порядки еще и в начале XX века. А служители Аллаха напоминали тем, кто трудится и не владеет ничем: «Аллах дал преимущество одним над другими, ваша доля — покорность, рай наступит после смерти».

Так было до Великого Октября. Он изменил историю Средней Азии. С приходом Советской власти на этой земле началось грандиозное строительство новой жизни по ленинским предначертаниям. Исчезло с карт прежнее название Средней Азии — Туркестан (что означает «страна тюркских народов»), оно не отражало ни национального состава населения, ни происхождения здешних народов. В первые же годы Советской власти в Средней Азии началось государственное строительство. В результате на карте мира появились четыре молодых социалистических государства, четыре советские республики — Узбекская, Туркменская, Таджикская и Киргизская, в которых народы объединились согласно этническим особенностям, общности национальной культуры и истории. Эти республики вошли полноправными членами в Союз ССР.

Каждая из среднеазиатских республик сегодня — одна из самых передовых на Востоке, каждая из них поднялась на уровень высших достижений мировой экономики и культуры. К каждой в полной мере относятся слова, сказанные Л. И. Брежневым об Узбекской ССР при вручении республике ордена Ленина: «С неуклонным претворением в жизнь ленинских принципов национальной политики связаны и все успехи вашей республики — в экономике, в социальной области, в культуре. Именно потому, что Советский Узбекистан все время шел бок о бок, в неразрывном строю со всеми братскими народами СССР, он смог так быстро подняться из былой отсталости и превратиться во всесторонне развитую, процветающую республику...»

Цветет советская Средняя Азия, бережно хранит лучшие национальные традиции, обогащая свою духовную жизнь достижениями других народов страны. Трудится во имя мира на земле, счастья своих детей советская Средняя Азия, народы ее уверены в своем будущем, ибо они знают — в братстве советских республик — неиссякаемый источник великой силы нашей страны.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
«ЗНАНИЕ»

Издается с сентября 1959 года

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. С. ИВАНОВ
(главный редактор),

И. Ш. АЛИСКЕРОВ,
А. В. БЕЛОВ,
В. И. ГАРАДЖА,
М. М. ДАНИЛОВА,
Е. В. ДУБРОВСКИЙ
(ответственный секретарь),
Н. А. КОВАЛЬСКИЙ,
Э. И. ЛИСАВЦЕВ,
Б. М. МАРЬЯНОВ
(зам. главного редактора),
В. П. МАСЛИН,
С. И. НИКИШОВ,
М. П. НОВИКОВ,
И. К. ПАНТИН,
И. Д. ПАНЦХАВА,
В. Е. РОЖНОВ,
В. Ф. ТЕНДРЯКОВ,
В. В. ШЕВЕЛЕВ.

Художественный редактор
С. И. Мартымянова.
Технический редактор
С. В. Сегаль.
Корректор
Р. Ю. Грошева.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

© Журнал
«Наука и религия», 1982.

На наших обложках — фотографии, запечатлевшие лишь некоторые факты из многогранной современной жизни среднеазиатских Советских Социалистических Республик.

На 2-й странице обложки, слева сверху вниз: Руки, выращивающие хлопок. Столица Киргизии Фрунзе — один из самых красивых городов Средней Азии. Телевидение пришло в поселок Гасан-Купи Красноводской области Туркмении. Площадь Ленина в Душанбе.

Справа сверху вниз: В лаборатории селекции хлопчатника отбирают лучшие сорта туркменского хлопка. На комбинате имени Ленина (Узбекистан). Молодой животновод коммунист Жолдоныбай Субанов из киргизского совхоза «50 лет СССР».

Фото Н. Софьиной,
В. Иващенко и
Фотохроники ТАСС.

ДУХОВНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

- 2 М. Холов.
Животворная сила
братского союза
- 8 С. Мирзоев
Приглашение к празднику
- 14 А. Розанов.
Семей — город взлета

УНИВЕРСИТЕТ ЛЕКТОРА

- 17 Д. Угринович.
Религия как социальное явление
- 21 А. Меркис.
Если есть объект
исследования
- 24 Н. Трохимчук.
Наши заботы

ЧЕЛОВЕКУ О ЧЕЛОВЕКЕ

- 25 Т. Грекова.
Узоры бегущих строк

ЗЕМНЫЕ КОРНИ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОГО

- 28 Ф. Зиннуров.
«Вознесение» младшего
сержанта
- 31 А. Вейн.
Тройное пробуждение

ЧИТАТЕЛЬ СООБЩАЕТ, СОВЕТУЕТ, СПРАШИВАЕТ

- 33 М. Миррахимов.
Звезда Ахмада Зохира
- 33 Письма читателей

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- 36 В. Панова.
«Зову живых!»

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ, ВЕРУЮЩИЙ

- 40 В. Коник.
«Божьи посланники» ищут
последователей

ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

- 43 В. Ледков.
Живая тундра
- 48 М. Рыбина,
А. Кочетов.
Как Христос
перестал быть богом

В СТРАНАХ СОЦИАЛИЗМА

- 52 А. Попеску.
Румынская свадьба
- 52 С. Меламед.
Вокруг «чуда»

ЗА РУБЕЖОМ

- 54 И. Григулевич.
И снова Черный
континент
- 57 А. Исмаилов.
Исламский фидеизм
сегодня

- 60 М. Гольденберг.
Верующие против
сионизма

ЖИВОТВОРНАЯ СИЛА БРАТСКОГО СОЮЗА

Духовный мир
человека

ТАДЖИКИСТАН немного моложе Союза ССР: он появился на карте в 1924 году, с учреждением Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики, которая в 1929-м была преобразована в Союзную, непосредственно входящую в СССР. III Чрезвычайный съезд Советов Таджикской АССР объявил, что «верховой волею трудящихся Таджикистан преобразуется из Автономной ССР в Союзную Советскую Социалистическую Республику», которая добровольно входит «в состав Союза Советских Социалистических Республик на правах полноправного члена и на основах Декларации Первого Съезда Союза ССР». До этих исторических событий древний народ, создавший замечательную культуру, в течение нескольких веков не имел своей государственности, влачил нищенское существование под игом разного рода угнетателей. Последним из них был бухарский эмир, средневековый деспот, чья власть над подданными была неограниченной. Феодальные порядки освящались догмами ислама, нормами шариата. Революция, охватившая Среднюю Азию, уничтожила эмираты и ханства, они ушли в прошлое, как и русская монархия, под властью которой они жили. Но тяжкое наследие оставили после себя эти владыки, наместники бога на земле. За четыре года до Октябрьской революции В. И. Ленин писал, что «такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были ограблены в смысле образования, света и знания, — такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России». Среди этих масс были и таджики.

Великая ленинская идея о создании невиданного ранее общества без эксплуатации и угнетения, без баев, помещиков, без капиталистов овладела умами и сердцами людей, стала мощной преобразующей силой. Это был научно обоснованный план выравнивания уровней развития всех народов страны, план борьбы с отсталостью и в экономике, и в культуре, и в сознании людей. Только в равноправном союзе республик, при участии каждой из них в общем строительстве и всех в строительстве каждой могли сформироваться социалистические нации, могла быть преодолена вековая отсталость. 60-летняя история этого замечательного Союза — многонационального государства нового типа — показала точность ленинского предвидения, всю мудрость ленинской национальной политики, сплотившей в единую семью разные по своей истории, социально-экономическому и культурному развитию народы.

Все, что составляет историю Советского Таджикистана, все происходившее на пути к развитию социализму, осуществлялось вместе с другими народами, при их помощи. Все, что создавалось на таджикской земле, теснейшими узами связывало таджиков с другими краями и народами. Еще в 1921 году РСФСР посылала в Восточную Бухару лес, оконное стекло, уголь, нефть, ткани, спички, швейные ма-

Таджикистан — одна из республик Средней Азии, часть Советского Востока, нашедшего свою счастливую судьбу в Союзе социалистических республик, 60-летие которого отмечаем мы в нынешнем году. Сегодня это высокоразвитая во всех отношениях республика. История социалистической таджикской нации начиналась с фронтов, на каждом надо было победить. Один фронт — против контрреволюционного басмачества, другой — против голода и нищеты, за орошение пустынь, за переделку рабской асилопогии дехкан; ликвидация почти стопроцентной безграмотности — тоже фронт; создание промышленности, организация медицинской помощи народу, никогда ее не имевшему, приобщение масс к культуре и образованию — везде велась борьба за счастье людей, против вековой отсталости, против мешающих новому предрассудков.

Народы Средней Азии в семье братских народов огромной страны пошли по пути коренных политических и социальных преобразований, показав всему миру невиданный в истории пример перехода к социализму, минуя стадию капитализма.

О пути таджикского народа к зрелому социализму рассказывает Председатель Президиума Верховного Совета Таджикской ССР Махмадулла Холмович ХОЛМОВ, около 20 лет работающий на этом посту.

шины... В том же году Бухара взяла на содержание 500 детей из голодающей Басмачии. Как ни скромна была эта взаимопомощь, она означала зарождение новых отношений между народами, прорыв национальной замкнутости, практические ростки интернационализма.

Обширная программа первых пятилеток осуществлялась в Таджикистане с помощью русских ученых, специалистов, присланных партией из промышленных районов России — Москвы, Ленинграда, Харькова, Урала, Иваново-Вознесенска. А из Таджикистана тысячи людей направлялись в Россию — за опытом, знаниями, мастерством. Возвратившись, они строили заводы, фабрики, дороги, электростанции, сами учили земляков. Так создавались национальные кадры, опора партии, без которой продвижение вперед было бы невозможно. Эти люди, пройдя школу рабочей дружбы, глубоко проникнувшись идеей социализма, становились страстными пропагандистами нового, борцами за преобразование края — не только экономического, но и духовного. А перестройка сознания людей шла медленно, трудно. Надо было, чтобы пробудились «послушные и измученные», как говорил о своих братьях основоположник советской таджикской литературы Садриддин Айни.

Земельно-водная реформа давала дехканам землю и воду. Но дехкан надо было еще убедить, что земля и вода — не «чужая собственность», освященная Кораном, как это им внушали мусульманские вожди, а по праву принадлежит им, так как от века трудились на ней их отцы и деды. Дехкане должны были понять, что хозяин земли не угнетатель, а тот, кто трудится на ней. Лучшие представители народа, разбуженные революцией, помогали им обрести свободу духа, выйти на правильный путь. В первые годы Советской власти мудрый Садриддин Айни написал «Марш свободы», который пели тогда на мотив «Марсельезы»:

О рабы, поднимайтесь из праха.
Красным знаменем мир озарен!
Сбросьте иго покорства и страха —
Засияла свободы заря.

Надо было преодолевать и национальные предрассудки, недоверие к людям другого вероисповедания, которое в прошлые века закреплялось в сознании людей, так как от «неверных» они терпели притеснения, унижения в эпоху царизма. Немало дехкан религиозные вдохновители басмачей сбивали с истинного пути, грозили карой Аллаха всем,

кто примет новую власть и новую жизнь, разжигали вражду к иноверцам, пугали людей тем, что у них отнимут их веру, запретят обычаи.

Но шло время, и постепенно трудящиеся массы стали понимать, кто их истинный друг, а кто враг. И вот уже трудящиеся Файзабадского района обращаются к правительству Таджикской АССР и ГПУ с просьбой защитить их от банд басмачей, которыми руководили родственники

бывшего эмира Гаюр-бек и Исма-тулла-бек, дать возможность мирно трудиться. Интернациональные отряды очистили Таджикистан от басмачей. Конкретные шаги партии и государства, реальные дела на таджикской земле преодолевали национальную замкнутость. Школой интернационализма стал знаменитый Вахшстрой — первая крупная стройка республики, самая важная в те годы, ибо с нее началась история ирригационного строительства, давшего воду Вахшской долине. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что орошение в Средней Азии более всего способно преобразовать край.

Вахш был некогда благодатным краем, но частые засухи истощили землю, и люди покинули ее.

Большевики решили вернуть людям землю отцов. Сказали: «Справимся всем миром», и Вахшская стройка была объявлена Всесоюзной ударной. Было это в 1931-м. Три с половиной года в страшно трудных условиях шла эта стройка. И помогала ей вся страна. Так появилась Вахшская ирригационная система из 1700 гидросооружений, 2,5 тысячи километров оросительных сетей. В долину вернулись люди. На конференции АН СССР в 1933 году в Ленинграде ученые наметили план освоения Вахшской долины, и эта благодатная земля щедро ответила на заботу.

Сегодня Вахшская долина, на территории которой расположен ордена Ленина Курган-Тюбинский район, — жемчужина нашей республики. Здесь родина нашего тонковолокнистого хлопка, знаменитого на весь мир. Здесь же центр нашего цитрусоводства.

Но не только материальные богатства принес народу Вахшстрой. Это был огромный шаг в создании нового общества, замечательная школа трудового сотрудничества разных наций. Здесь рождались нравственные ценности социализма, создавалось наше духовное богатство — залог всех будущих побед, преодоления грядущих испытаний.

Орошение земель — один из множества образцов того, как строился социализм, побеждалась вековая отсталость. Сельское хозяйство Таджикистана перестраивалось на социалистических началах — с участием специалистов, ученых. Колоссальные преобразования в этой традиционной сфере труда таджиков меняли их мировоззрение, способствовали формированию правильных взглядов на природу и общество.

Вклад всей страны в развитие сельского хозяйства Таджикистана принес много прекрасных результатов, сказавшихся на общем благосостоянии государства.

В 1930 году в республику была прислана комплексная экспедиция Академии наук СССР во главе с академиком Н. П. Горбуновым. Она изучила и рассчитала природные ресурсы Таджикистана, обратила внимание на огромные энергетические богатства, которые несут горные реки, разработала пути их освоения.

Предвоенные пятилетки — годы бурного строительства нового Таджикистана. Входили в строй электростанции, положившие начало будущему грандиозному энергетическому строительству, заводы, фабрики, осваивались новые земли. Целая эпоха в жизни края — это строительство дорог. Только семь процентов территории Таджикистана находится на равнине, и в зимнее время во многих районах прекращалась всякая связь между селениями. Горные кишлаки были отрезаны от долин: тропинки в горах, где летом мог пробраться лишь конь или ослик да пешеходы, зимой становились непроходимыми. Да и на равнине не было хороших дорог. И эта проблема решалась при участии других республик.

На строительство железной дороги Термез — Душанбе

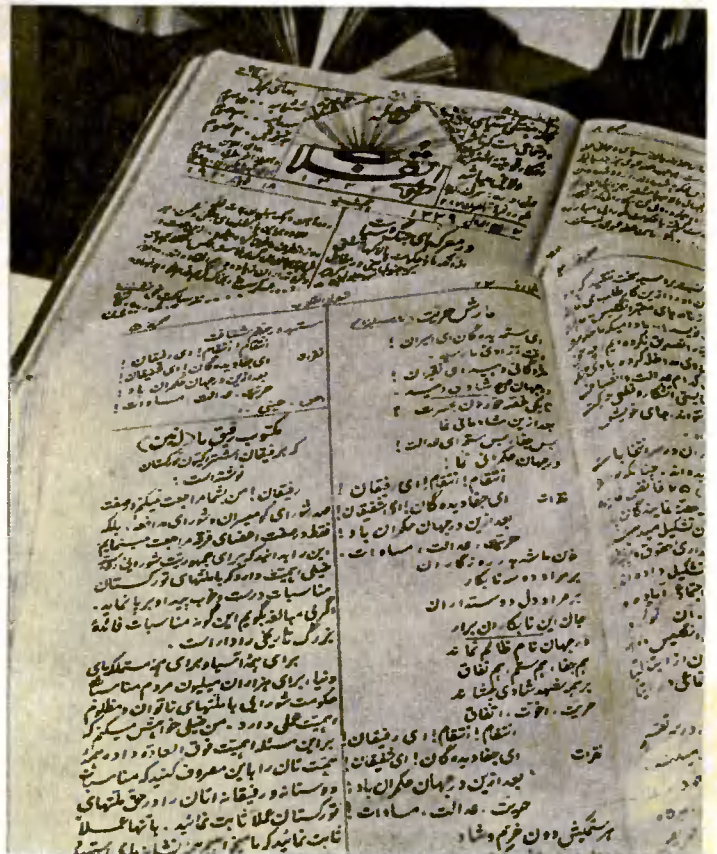
Душанбе сегодня: площадь В. И. Ленина.

Строительство Большого Памирского тракта. 1940 г.

В Республиканской библиотеке имени Фирдоуси хранится подшивка газеты «Пламя революции», выходящей в 1919—1921 годах от имени самаркандской больше-

вистской организации. На снимке: страницы этой газеты с докладом В. И. Ленина на VII Всероссийском съезде Советов.

Советское правительство отпустило 14 миллионов рублей. Методом интернациональной стройки был сооружен в 1940 году Большой Памирский тракт, сыгравший важную роль в освоении горных районов, в дальнейшем строительстве гидроэлектростанций.

Вместе с ростом экономики в Таджикистане осуществлялись социальные перемены, невероятные по масштабам культурные преобразования. Эти процессы и тесно связаны, и взаимообусловлены. Они меняли духовный облик народа, выходившего из тьмы невежества к свету знаний, к освоению богатств мировой культуры, в том числе и своей собственной древней культуры, скрытой от него веками прозябания в условиях восточной деспотии и религиозного мракобесия. Что знал, что умел, что смел простой труженик — таджик, подданный бухарского эмира? Он знал выматывающий труд на хозяина. Он был неграмотен, он не ведал книг, он не имел представлений о мире, кроме тех, что внушали ему в мектебе, если он туда, конечно, попадал, что редко случалось с сыновьями дехкан. Он не смел усомниться в том, что истинны лишь слова муллы да эмира...

Конечно, были и сомневающиеся, и знающие литературу и поэзию, и хранившие самобытные ремесла, стремившиеся к творчеству — ведь душа народа хранит свое национальное богатство. Но если невыносим гнет, если долгие века народ живет на грани нищеты и гибели, то гибель грозит и самой прекрасной культуре. История человечества знает такие примеры. История таджиков совершила счастливый поворот — к возрождению и новому невиданному взлету. Культурная революция 30-х годов дала таджикам грамоту. В первые же годы Советской власти была создана Чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности, а затем добровольное общество «Долой неграмотность!». По всей республике, начиная с 1926 года, открываются ликбезы, общеобразовательные школы, учебные заведения. За короткое время была подготовлена огромная армия учителей. За первую пятилетку их число выросло с 543 до 3795, а количество учащихся — с 13 785 до 125 тысяч. Ленин говорил, что безграмотный человек стоит вне политики, а нам надо было вовлечь в нее все трудящиеся массы. Советская власть с первых своих шагов начала решать вопрос об обучении детей нерусских национальностей: 31 декабря 1918 года Наркомпрос РСФСР принял постановление «О школах национальных меньшинств», где говорилось, что все национальности, населяющие страну, пользуются правом организации обучения на родном языке. Это было важным условием развития национальной школы, просвещения народов.

К концу 30-х годов неграмотность взрослого населения в Таджикистане была в основном ликвидирована, все дети были охвачены начальным образованием. К этому времени прекратили свое существование и религиозные школы. Некоторое время они действовали наряду со светскими, но потом люди перестали отдавать в мектебы детей — им стало очевидно, что в новой школе учат лучше и учат тому, что нужно в жизни.

Нелегко было нести грамоту людям в те годы. Большое сопротивление просвещению масс оказывало мусульманское духовенство. В расчеты врагов нового общества не входило, чтобы простой труженик приобщился к грамоте, избавился от былой темноты. Немало учителей стало жертвами контрреволюционных служителей религии. Преодолели и это. И поднялись к вершинам знаний. С помощью других республик в Таджикистане были созданы высшие учебные заведения, которые теперь обеспечивают потребность республики в специалистах разного профиля. До войны вузов было 4, сейчас — 10.

Сегодня почти половина студентов в республике — девушки. Казалось бы, что особенного в этом факте? А в нем тоже целая эпоха, революция и в психологии самой женщины, и в сознании тех, кто воспитывался всегда в убеждении, что женщина не должна выходить за ворота своего дома, что ей не нужны грамота и образование.

В первое время многие из девушек, кто хотели учиться, убегали из дому. Жили эти студентки в страхе, что их вернут домой, что накажут. Да так и бывало не раз. Открывали в республике и женские школы, и женские отделения в институтах — с учетом традиции, запрещавшей женщине появляться среди посторонних мужчин. А места в них все равно пустовали. Но жизнь, как говорится, брала свое. И здесь преодолевались пережитки прошлого, взгляд на женщину менялся. Постепенно отпала необходимость в раздельном обучении. Сегодня уже не требуется административное воздействие на родителей, не пускавших детей в школу. Сейчас женщина-таджичка занимает достойное место в общественной жизни республики и страны. А девушки-таджички на равных участвуют в конкурсе желающих поступить в институт.

Как-то таджикский писатель А. Дехоти дал остроумный ответ на вопрос иностранного гостя о том, чего добились в республике в вопросах просвещения. Он сказал: «Раньше, то есть до революции, самым грамотным человеком считался в моем кишлаке мулла. Недавно, побывав на родине, я узнал, что там остался один неграмотный человек — мулла».

Особо хочу сказать о роли русского языка в просвещении таджикского народа, в приобщении его к культуре. Русский язык — язык дружбы, он для нас был ключом к духовным богатствам других народов. Благодаря ему и наши культурные достижения, наша литература стали достоянием всей страны. Без русского языка многое было бы невозможно в жизни республики. Научные связи, экономические сотрудничества, культурный обмен между республиками — все это происходит благодаря тому, что все народы СССР владеют замечательным средством межнационального общения — русским языком, языком Ленина. Прекрасно сказал об этом наш выдающийся современник замечательный мастер слова Мирзо Турсунзаде: «О Русь! Таджикистан, как сын, приветствует тебя!.. С тобою рядом мы идем и, твой язык любя, мы все на языке родном приветствуем тебя!» Это слова не только о языке, но о духовном единстве наших народов. Единстве равных, достигших высокого расцвета культуры.

Наше братство, родившееся в годы становления Советской власти, окрепшее в первых пятилетках, показало свою могучую силу в тяжком испытании — во время Великой Отечественной войны. Союз, созданный по ленинским предначертаниям, воплотивший лучшие нравственные идеалы человечества, выстоял против страшной напасти — фашизма. То, что было вложено в экономику Таджикистана всей страной, во время войны надежно служило для общего спасения. Республика стала одной из баз снабжения Советской Армии. Население отдавало без раздумий и личные свои средства на помощь фронту. На них были созданы танковые колонны «Колхозник Таджикистана», «Комсомолец Таджикистана», эскадрилья «Советский Таджикистан» и т. д. Тысячи героев из нашего горного края жизнью заплатили за мир и счастье своих соотечественников разных национальностей. Наше братство скреплено кровью, это святая кровь, она делает наш союз нерушимым. Сегодня в Таджикском молодежном театре имени М. Вахидова идет спектакль, созданный по поэме нашего поэта Мумина Канюата «Голоса Сталинграда». Страстно, сильно, с большой болью пишет он о тех, кто погиб на этом священном месте, священном для русских, таджиков, туркмен, белорусов, грузин, — для каждого из нас, граждан СССР.

Кровью героев,
кровью друзей
Здесь щедро полита
каждая пядь.

Спите, родные...
По этой земле
Клянусь я осторожно
ступать.

Мы преклоняемся перед тем, что священо для нас...
Для советских людей война — это точка отсчета, когда мы говорим о том, что сделано. Справедливая точка отсчета. И война, и восстановление разрушенного, и дальнейший стремительный рост — это проверка нашей жиз-

Говорили когда-то:
таджик — это тот, кто отстал
от всемирных путей,
от всечеловеческого каравана...
Говорили:
таджик — это тот,
кто смирился и духом упал,
говорили, что он полумертв,
что народа душа бездыханна.
Но шумит Сырдарья,
и пылают Нурека огни,
но звенят наковальни в цехах
молодого Явана,
и душа Рудаки,
обнимаясь со словом Айни,
над землею кружит,
как струя голубого тумана.

Мумин КАНОАТ
Перевод с таджикского

Каждый год открываются в Таджикистане новые школы.

Новый родильный дом в колхозе имени Урунходжаева Ленина-бадской области.

Справа:
По дороге в Варзобское ущелье можно утолить жажду родниковой водой, которая льется из этого великолепного чайника.

Дояр Теша Салехов и доярка Мохби Шамсова из совхоза «Файзабад» Файзабадского района.

Новый межколхозный санаторий-профилакторий в колхозе имени Ленина Восейского района Кулябской области. Здешние минеральные воды аналогичны знаменитым трускавецким.

Ленинабадский шелковый комбинат выпускает 50 наименований тканей.

На снимке вверху — в аппаратном цехе за отделкой ткани ударник коммунистического труда С. Хасанов. Внизу — в комнате образцов комбината.

ТАДЖИКИСТАН В ЦИФРАХ

★ В народном хозяйстве работают 283 500 человек с высшим и средним специальным образованием.

★ Ученую степень доктора наук имеют 183 человека, кандидата — 2505.

★ Расходы на просвещение в 1980 году составили 523 миллиона 600 тысяч рублей.

★ В республике 2688 общеобразовательных школ.

★ В высших учебных заведениях в 1980/81 учебном году занимались 56 762 студента, из них девушек — 20 487.

★ 1648 библиотек располагают книжным фондом 13 миллионов 455 тысяч экземпляров.

★ В сельской местности работает 1107 клубов и дворцов культуры.

★ В 1177 народных университетах обучаются 134 782 человека.

★ В 1980 году выпущено книг и брошюр общим тиражом 6 миллионов 6 тысяч экземпляров.

★ Годовой тираж издающихся в республике газет и журналов — около 17 миллионов экземпляров.

★ В республике работают 9,5 тысячи врачей, свыше 26 тысяч человек среднего медицинского персонала.

Выпускница Ивановского химико-технологического техникума Ольга Грашлева работает на Ленинабадском шелковом комбинате.

неспособности. Сделанное свидетельствует, что Союз, созданный Лениным, развивающийся по его предназначениям, — самый надежный оплот мирного труда, созидания, путь к духовному совершенствованию.

Таджикистан за послевоенные годы достиг огромных успехов во всех сферах — в индустрии, сельском хозяйстве, науке, социальном развитии, культуре, образовании... И во всем этом — снова и снова проявляется во всех своих замечательных чертах интернационализм, социалистическая кооперация.

Возьму для примера важную веху этого периода — строительство Нурекской ГЭС на Вахше, которая дала толчок к 50-летию образования СССР. Сейчас уже введены в строй все ее агрегаты. Нурекскую ГЭС строили все республики; около 20 научных учреждений Москвы, Ленинграда, Харькова, Тбилиси, других городов выполняли для стройки расчеты, исследования, здесь показала свой высокий уровень сейсмическая и геологическая наука Таджикистана — без ее разработок Нурек был бы невозможен. Более 100 заводов разных республик поставляли сюда материалы, оборудование. Люди 40 национальностей стали жителями молодого современного города — Нурека, создали образец великолепного содружества, переплетения обычаев, восприятия традиций, новых черт быта, психологии. Есть ли такое явление где бы то ни было еще в мире?

Благодаря нурекской электроэнергии возник город Яван, ожила Яванская пустыня, орошенная водой из Вахша, здесь создан крупный центр химической промышленности, район превратился в высокоразвитый сельскохозяйственный комплекс. Ток пришел на плато Регар — там вырос алюминиевый завод и новый город — Турсунзаде. А тем временем разворачивается новая стройка на Вахшском каскаде — Рогунская ГЭС — еще более мощная, чем Нурекская, открывающая огромные перспективы развития Южно-Таджикского территориально-производственного комплекса.

Все больше возможностей для развития личности, повышения культуры, все больше заботы о человеке проявляют партия и правительство. Яркий пример этого — организация охраны здоровья населения. У народа, давшего миру великого врача всех времен Абу Али Ибн Сину, до революции не было защиты от эпидемий, антисанитарии, от детской смертности — таким оказался парадокс истории. Лечили людей муллы, знахари и, конечно, за редким исключением, ничем не могли помочь больным. Одно из замечательных достижений социализма — ликвидация смертельных эпидемий, создание сильного отряда врачей (их сейчас в республике 9,5 тысячи), сети учреждений здравоохранения, санаториев, больниц, поликлиник. К 1000-летию Ибн Сины в Душанбе открыт великолепный памятник этому древнему мудрецу, познавшему тайны организма. Наши врачи — его наследники много сделали для сохранения здоровья народа. Не случайно в нашей республике — самый высокий прирост населения в стране.

Обо всем, что произошло за годы Советской власти, уже написано много книг, но в них, как бы хороши они ни были, — не может быть рассказано обо всем, слишком велики свершения, многозначны, полны глубокого смысла; они ждут еще своих исследователей — писателей, поэтов, ученых всех специальностей.

В своем далеко не полном рассказе я хотел бы остановиться еще на такой важной стороне нашей жизни, как развитие демократии, участие широких масс в управлении своим государством. Начало этому было положено с появлением Таджикской республики. С тех пор развилась, расширилась система Советов народных депутатов. Им принадлежит вся полнота государственной власти — такова была одна из главных черт созданного в 1922 году Союза Советских Социалистических Республик. Последние годы совершенствовались формы народного представительства, повысилась роль Советов во всех сферах хозяйственного и культурного строительства. Способство-

вал этому принятый в республике Закон «О кишлачном, поселковом Совете Таджикской ССР». Выполняя его требования, местные Советы глубже стали вникать в вопросы местной жизни, депутаты, опираясь на широкую общественность, лучше учитывают в своей деятельности замечания, предложения, просьбы трудящихся.

Советская демократия обеспечивает полноценную жизнь представителям некоренных национальностей, живущих в Таджикистане. Удовлетворяются их специфические запросы в области языка, культуры, быта, они представлены в партийных и государственных органах. В Верховном Совете республики, в местных Советах есть представители 20 национальностей и народностей страны. Председатель колхоза имени Ленина Ленинабадской области узбек Абдугафур Саматов — депутат Верховного Совета СССР, дважды Герой Социалистического Труда. Директор совхоза «Москва» туркмен Мавлян Карягдиев — депутат Верховного Совета Таджикской ССР. Это — не единичные примеры.

В нынешнем году на заседаниях Президиума Верховного Совета мы регулярно слушаем отчеты о том, как готовятся местные Советы к юбилею СССР. Везде в республике в эти дни растет активность масс — политическая, трудовая. Жизнь еще и еще раз подтверждает, что в условиях СССР созданы лучшие возможности для самостоятельного творчества трудящихся. Отлично готовится к юбилею Зайнабабадский кишлачный Совет народных депутатов Ленинского района. Здесь берегут память о легендарной Зайнаббиге — первой таджичке — председателе ревкома, действовавшего на территории Совета, — теперь он носит ее имя. В жизни здешнего населения воплотилось все, за что боролась патриотка и интернационалистка Зайнаб. Дружной семьей трудятся представители 25 национальностей; дети учатся в 14 школах, красивые многоэтажные дома возведены в кишлаках и поселках. Колхоз «Ленинград», другие сельскохозяйственные и промышленные предприятия успешно завершили задания первого года пятилетки.

Уместно упомянуть такое обстоятельство в работе Советов. Они обязаны, в частности, следить за соблюдением законодательства о религиозных культах. И этот вопрос регулярно рассматривается на заседаниях Советов. Бывает, что в кишлаках незаконно действуют служители культа, под прикрытием религии занимаются спекуляцией, «открывают» так называемые святыне места, торгуют амулетами. Эта деятельность решительно пресекается. В то же время Советы обязаны — и они это делают — следить и за тем, чтобы не нарушались права верующих, предоставленные им Конституцией СССР и Таджикской ССР.

Наши идеологические противники говорят нередко

о тяжелой жизни мусульман в СССР, которым, мол, приходится даже скрывать свою религиозную принадлежность, украдкой отправлять обряды. Всякий, кто хочет непредвзято ознакомиться с жизнью мусульман в СССР, в частности и в Таджикистане, не найдет у нас ничего похожего на эти измышления. Вот свидетельство одного гостя Средней Азии: «Мы убедились, что мусульмане имеют здесь свободу совершения религиозных обрядов, поклонений, религиозной жизни, включая моления и бракосочетания... Мы убедились, что власти не вмешиваются в дела религии... Мусульмане в СССР, как и остальные граждане, принимают участие во всех областях жизни, в экономике, культуре, сфере образования». Это написал министр вакуфов, исламских дел и святынь Иордании Абдель Азиз аль-Хаят.

В нашей стране религиозные убеждения человека не влияют на его равноправие ни в одной сфере жизни общества. Основной закон нашего государства — Конституция СССР обеспечивает право на свободу совести. Он также запрещает возбуждение вражды на религиозной почве. Мы не миримся с теми случаями, когда религиозный фактор вызывает явления, противоречащие нашему образу жизни, — националистические настроения, препятствия девушкам в учебе, ущемление прав женщин на основе мусульманских установлений, нарушения законодательства о культах. Наш долг — помочь тем, кто еще заблуждается относительно развития законов природы и общества, воспитывать молодое поколение в духе научного миропонимания, но здесь недопустимо администрирование, применяется лишь убеждение.

Опыт решения религиозного вопроса в СССР, тесно связанного с решением вопроса национального, имеет большое теоретическое и практическое значение для тех народов Востока, которые находятся на той же ступени развития, на какой была Средняя Азия к моменту создания Союза ССР. Опыт строительства социализма в СССР подтверждает ленинский тезис о том, что осуществление чаяний трудящихся возможно лишь на путях научного социализма, который освобождает народы от духовного гнета, открывает им путь к всестороннему развитию. А сплочение их в едином братском союзе, юбилей которого мы отмечаем, многократно ускорило этот путь. «Мы вправе гордиться тем, — говорится в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования СССР», — что в общем строю с трудящимися всех наций страны народы бывших национальных окраин, обреченные прежде на вековую отсталость, уверенно шагнули в социалистическое будущее, минуя капитализм, и достигли высот социального прогресса». Такой национальной окраиной был край таджиков. Теперь такой окраины больше нет. Есть социалистическая республика, устремленная в будущее.

Еще строится, но уже и дает продукцию Таджикский алюминиевый завод в Турсунзаде — предприятие, оснащенное самой современной техникой.

Дома в Нуреке построены с учетом сейсмических особенностей района.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПРАЗДНИКУ

— Султан Шарипович, юбилей СССР привлекает внимание к разным сторонам жизни наций и народностей нашей страны. Это естественно, всему миру интересен наш уникальный опыт решения национального вопроса. Однако, как вы, конечно, знаете, он не всегда оценивается справедливо. Иные по неведению, а иные и по злому умыслу, преследуя свои цели, утверждают, что нации, объединившиеся в Союз Советских Республик, теряют свои национальные черты, подвергаются повсеместной русификации и т. п. Рассуждающие таким образом нередко называют в числе причин «потери самобытности» исчезновение религии и утверждение атеизма в образе жизни наций. Единственный хранитель национальных ценностей в Средней Азии, говорят они, — ислам, и только при его существовании сохраняются и национальные черты жизни народов. Что скажете вы о сохранении национального достояния таджиков, о развитии их национальной культуры в обществе массового атеизма?

— Действительно, наши идеологические противники немало стараются, чтобы исказить картину национальной жизни в СССР, дискредитировать наш опыт. Что касается тех, кто находится в неведении, то могу сказать, что если они горюют об утрате национальных черт народов нашей страны, то степень их неведения очень велика. А дезинформаторы, видимо, находятся в кризисе, раз им приходится прибегать к таким аргументам.

На торжественном заседании в Ташкенте, посвященном вручению ордена Ленина Узбекской ССР, Л. И. Брежнев говорил: «Жизнь наглядно показывает, что, вопреки клевете наших недругов, социализм не только не ведет к утрате народами своего неповторимого лица, особенностей культуры, традиций, а поднимает это своеобразие на новую высоту и делает его достоянием многих других народов». Примером этого может служить и наша республика.

— Забота о сбережении ценностей про-

Богата и многокрасочна панорама культурной жизни Советского Таджикистана. Любое ее событие — будь то первая республиканская выставка скульптуры или конкурс народного творчества «Бустон»; премьера шедевра шекспировского «Короля Лира» в Государственном Таджикском драматическом театре или открытие памятника древнему поэту и философу; отчетный концерт студентов Института искусств или выступление детского оркестра; выход в свет нового таджикского романа, молниеносно исчезающего с прилавков, или поэтический вечер накануне традиционного народного праздника навруза — любое из этих событий свидетельствует о величайшем духовном взлете народа, создавшего на основе возрожденной древней культуры — новую, социалистическую, которая, кроме неповторимых национальных черт, несет в себе все лучшее, что присуще сегодня единой интернациональной культуре советского народа. Естественно, что явления сегодняшней таджикской культуры многозначны. Нашего корреспондента в беседе с министром культуры республики С. Ш. МИРЗОШОЕВЫМ интересовали те проблемы, которые наиболее актуальны для формирования личности нового человека, свободного от предрассудков, мешающих духовному развитию, отвыкшего на все лучшее, что происходит в сфере культуры всей страны, правильно оценивающего культурные события.

шлого в культуре народов всегда была органической частью ленинской национальной политики, одним из ее принципов. Это отразилось в первых же документах Советской власти. В остальных окраинах России темнота и невежество масс ко времени начала строительства социализма были настолько велики, что народу была недоступна не только мировая культура, но и те духовные ценности, которые создавались его лучшими сыновьями. Были лишены просвещения, грамоты и таджики, долгое время жившие под властью бухарского эмира. В условиях изоляции от культуры других народов, под ударами разных завоевателей, под гнетом исламской идеологии древняя культура приходила в упадок. Могли ли таджики читать произведения своих великих поэтов — Фирдоуси, Джами, Саади, других, если 99 процентов их ко времени установления Советской власти не знали грамоты? Есть у нашего поэта Абулькасима Лахути такие слова: «При шахах и при эмирах — кому, кроме богатых сынков, свой открывала надменный лик прекрасная пери — грамота? Наложницей баев она и мулл была в течение веков, но неприступной считать привык ты, бедный дехканин, грамоту».

Неведомы были простым труженикам и многие другие достижения таджикской культуры. Прекрасные миниатюры скрывались в рукописях, принадлежавших немногим; замечательные произведения декоративно-прикладного искусства украшали жилища богачей; музыка тоже в основном служила для услаждения чувств обитателей дворцов, а для «черни» считалась греховной. Дехканин мог любоваться творениями зодчих, но нечасто попадал в город, где высились величественные сооружения. Конечно, даже в самые мрачные периоды своей истории народ стремился сохранить духовную самобытность, жила в нем любовь к художественному творчеству, к поэзии, к песне. Однако только социализм открыл таджикам путь к вершине мировой культуры, поднял их собственную духовную жизнь на общечеловеческие высоты.

Культурная революция, происшедшая в Средней Азии в 30-е годы, дала таджикам грамоту, совершила колоссальные преобразования в их быту, сознании. Народ начал постигать свою древнюю культуру, свою историю. Сегодня этот интерес, это внимание к национальной культуре повысились во много раз благодаря росту общей культуры и образованности. Сейчас мы сохраняем свое на-

Главный вход в мавзолей шейха Маслихадина в Ленинабаде. Это — один из самых интересных памятников архитектуры в республике.

Мастера резьбы по дереву С. Абдуллаев (слева) и И. Марахимов участвуют в реставрации медресе Мирраджаб-додхо в Канибадаме.

Часть архитектурного заповедника в Гиссаре — мечеть.

циональное достояние на научной основе, а значит — надежно, у нас для этого есть и материальные возможности. И делаем это, так сказать, не только для своего «внутреннего» потребления, но и для всей страны, для человечества. Ведь подлинно национальное интересно всем народам, и наш интернациональный долг — сберечь его и развить.

Яркий пример — наша литература. Произведения великих таджикских поэтов издаются сегодня в миллионах экземпляров, их творчество глубоко изучают наши литературоведы, лингвисты. Открываются новые тексты, восстанавливаются древние рукописи, издается заново то, что веками было недоступно массам, мертвым грузом лежало в частных библиотеках или считалось утраченным. В творчестве советских таджикских писателей и поэтов живут традиции их великих предков, воспринятые на новом уровне.

У таджиков особенно высоко ценится поэтическое слово — это тоже давняя традиция. Сегодня в Таджикистане очень популярны известные с древних времен поэтические состязания — мушоиры, когда поэты собираются в парках или в сельском клубе, на полеваном стане, в чайхане и читают свои стихи, импровизируют, вступают в поэтический диалог. Слушатели чутко реагируют на все тонкости мушоиры. Говорят, что нет таджика, не знающего наизусть хотя бы десятка стихотворений своих поэтов. Люди знакомы с лучшими образцами, и поэтому нелегко получить признание.

Свыше 1100 памятников истории и культуры, созданных мастерами прошлого, взяты на учет, реставрируются, их красота возвращается к людям. При нашем министерстве есть государственная инспекция по охране памятников, реставрационные мастерские. Каждый год на реставрацию памятников выделяется миллион рублей. По решению нашего правительства в поселке Гиссар, например, создается архитектурный заповедник. Реставрируется также мавзолей Амира Саида Хамадани в Кулябе, мечеть Абдул-Латиф Султана в Ура-Тюбе, медресе Мир-Раджаб Додхо в Канибадаме, Олим Додхо в Пенджикенте.

Мечети, минареты, мавзолеи — все они в свое время были призваны увековечить

Искусство керамики долгие века живет на таджикской земле. Еще двести лет назад предки народного художника Таджикистана Сафарбой Сохибова славились своими гончарными изделиями. Сегодня семейную славу хранит Сафарбой — его изделия известны и за рубежом.

ислам, строились во славу Аллаха и его посланника и разных святых, но остались они не памятниками религии и ее деятелей, а бесценным свидетельством мастерства людей, создавших красоту, затмевающую само небо. Как ни принимал ислам человека, как ни внушали служители религии, что он — прах у ног святых, что он должен смирять свой дух, человек проявлял удивительное величие таланта и силу духа в своих творениях. В художественной памяти таджиков всегда жило почитание этих великих мастеров, следование их традициям. Живет оно и сегодня.

В орнаменте тюбетеек, памирских джурбаках, в узорах вышивки «чакан» на платках, которые шьют в Кулябе, ленинабадских сюзанах мы вдруг узнаем черты рисунка, которым древний мастер украсил когда-то мавзолей Биби-Ханым или самаркандский памятник Гури-Эмир. Посмотрите на ковры и кошмы, созданные нашими художницами, — в них рисунок, которым украшали свои изделия не то что их прабабушки, но и прабабушки прабабушек. То же — и в гончарном искусстве — традиционном для таджиков, в керамических изделиях. А какие замечательные игрушки делает усто Гафур Халилов из ура-тюбинского кишлака Бафой! Его фантастические животные-свистульки так выразительны, смотреть на них весело, нет никого, кому бы они не понравились. «Почему вы их делаете так, усто Гафур?» — спрашивают у него. «Так делали мой дед и прадед и их дед и прадед. Так делаю я. И мой внук». Живет народное искусство.

Неизменное восхищение всех вызывают выставленные в недавно открывшемся Музее этнографии в Душанбе сюзаны — шелковые покрывала, вышитые в прошлом веке неизвестными таджикскими мастерицами. Они выражали в них свое отношение к красоте, свои мечты, понимание гармонии. Сегодня не забыты традиции сюзана. Ленинабадская художница Зульфия Бахреддинова создает великолепные их образцы, у нее есть ученицы. Вкус, чувство ритма, тонкость в подборе красок, непосредственность, ясно ощутимая связь с природой — это то, что привлекает всех людей, независимо от национальности, наверное, поэтому наше прикладное искусство находит почитателей во всем мире. Экспозиция Музея этнографии побывала во многих странах.

О какой же еще стороне культуры сказать в ответ на «тревогу» редетелей, горюющих по поводу забвения националь-

Усто Гафур Халилов, знаменитый своими чудесными глиняными игрушками, учит мастерству внука.

ного искусства? Пожалуй, надо упомянуть музыку. Эта область духовной жизни у таджиков в некоторые периоды их прошлой истории действительно попадала под угрозу упадка и забвения. Во всяком случае, в мире, строившемся по установлениям ислама, она была явлением «неодобряемым». Иные просвещенные правители покровительствовали музыкантам, украшали их искусством дворцовый быт, но ревностные служители ортодоксального ислама считали, что она отвлекает человека от мыслей о боге, поэтому — греховна для простых мусульман.

У нас в Таджикистане возрождена древняя музыка. Сектор искусствоведения Института истории нашей Академии наук направил свои экспедиции во все области и районы республики. Разыскали старых музыкантов, записали их песни. Считалось, что таджикская песня небогата мелодиями, может быть только одногласной и поэтому, мол, у таджиков никогда не будет симфонической музыки. Но наши музыковеды нашли удивительное музыкальное разнообразие в старинных песнях, сохранившихся в памяти народа. Они возрождены и исполняются теперь в ансамблях, обогатив современную таджикскую музыку.

Что касается симфонической музыки — и она теперь у нас есть. Опираясь на традицию, используя музыкальный опыт других народов, наши композиторы создают произведения, которые стоят на уровне мировой музыкальной культуры. В современной таджикской музыке сочетаются такие черты, которые делают ее и близкой таджикам, и доступной восприятию других народов, далеких от традиций восточной музыки. В нашем Институте искусства есть кафедра восточной музыки, где обучаются игре на национальных инструментах, но таджики сегодня владеют и скрипкой и виолончелью. Да что перечислять, если у нас теперь есть и оркестры, и даже своя опера. А недавно зазвучал в зале Института искусств орган. Выпускники Московской консерватории Дильбар Валамат-заде и Якуб Орапов знакомят нашу публику с произведениями, созданными для исполнения на этом инструменте. Этой весной Д. Валамат-заде и солист оперы Адхам Халипов с успехом выступили в Киеве, в Республиканском доме органной музыки.

Строительство социализма в Таджикистане и происшедшие здесь культурные преобразования, близкие контакты с другими народами не только помогли сохранить нашу национальную самобытность, но

Игрушки дедушки Гафура.

и несказанно обогатили духовную жизнь народа, благодаря восприятию лучшего из других национальных культур.

— Да, благодаря этому в таджикской культуре, как и у других народов Средней Азии, появились и нетрадиционные искусства, такие, как опера, балет, скульптура, живопись. Как шло становление их, как это сказалось на духовном развитии народа!

— Среди новых явлений культуры, пожалуй, прежде всего надо назвать театр, я имею в виду драматический театр. Он возник ранее других нетрадиционных искусств. В 1924 году, когда создавалась Таджикская республика, у нас не было ни одного профессионального актера.

В становлении нового искусства главную роль играли вузы и творческие коллективы Москвы, Ленинграда, Ташкента — они дали первых актеров, учили театральному искусству таджикскую молодежь. В Душанбе приезжали на гастроли столичные театры. В 1929 году в Доме дехканина открылся Государственный Таджикский театр, получивший потом название Академического и имя поэта Абулькасима Лахути. Первыми были поставлены пьесы узбекских писателей Хамзы «Бай и батрак» и К. Яшена «Два коммуниста» — своей драматургии еще не было. Настороженно на первых порах относился к театру народ — это было развлечение, а всякое развлечение всегда считалось у мусульман чем-то греховным. Но уходило постепенно то время, когда дехканин жил с оглядкой на религиозные ограничения. Новые законы вступали в силу, и люди видели, что они вели не к плохому, а к хорошему. А роль театра в приобщении к новому, в перестройке сознания людей была велика.

Постепенно стали появляться и та-

джикские пьесы, хотя первые из них были еще очень далеки от истинной художественности. Но зрители были довольны: театр высмеивал старое, к которому счет был большой, поддерживал новое — к которому тяга была велика. Под воздействием театра исчезали многие предрассудки и предрассудки, в том числе связанные с религией.

Настоящей революцией было появление на сцене таджикки: женщина с открытым лицом, перед посторонними людьми да еще ведет речи! Ни одна революция не обходится без жертв, и немало первых актрис, снявших паранджу, порвавших с освященными исламом устоями, заплатили жизнью за смелый шаг на сцену. Сейчас имена их сестер — таджикских актрис — известны и стране и миру. Званием народных артистов СССР оценено искусство лучших из них. Это Туфа Фазылова, Малика Сабирова, Ханифа Мавлянова, Лютфи Кабарова, Лютфи Захидова.

Сегодня создана высокохудожественная национальная драматургия. В репертуаре наших театров и Шекспир, и Мольер, и русская театральная классика.

Опера и балет, тоже прежде неведомые таджикской культуре, стали органической частью духовной жизни народа. В 1939 году — через 10 лет после образования Таджикской ССР — в Душанбе открылся Театр оперы и балета, получивший имя классика таджикской литературы, нашего современника Садриддина Айни. И опера и балет, вопреки сомнениям, оказались доступны таджикам, столь далеким прежде от такого рода искусства. Таджики слушают сегодня оперу «Кармен» у себя дома, в исполнении своих артистов. Из национальной среды вышли высокоталантливые исполнители, искусство которых получило признание в мире. Наша балерина Малика Сабирова, ученица великой

Галины Улановой, танцевала не только в Большом театре СССР, но и на лучших сценах Франции, Англии, Японии, Индии, Америки, других стран. Кстати, наши художественные коллективы за последние 10 лет побывали в 22 странах мира.

На благодатной почве социализма, создавшего все условия для взаимовлияния и взаимообогащения культур, невиданно обогатилась наша культура. Многие виды искусства современного Таджикистана свидетельствуют об этом. И, пожалуй, ярче всего — театр, опера, балет. Сейчас в республике 12 профессиональных театров. Тяга к этому искусству у нас очень сильна, — потому растет число народных театров. Они появляются в районах, колхозах, в коллективах предприятий, институтах. В 1974 году их было 20, а сегодня — 51. Они способствуют развитию национальной культуры, помогают освоению литературы, музыки, хореографии других народов. И еще и еще раз подтверждают народные театры, ансамбли, самодельные ансамбли, оркестры, что в нашей стране созданы широкие возможности для творческой деятельности масс. То, что недавно было новым, непривычным, входит в быт, становится традицией.

— Какими событиями культурной жизни республики отмечается юбилей СССР!

— Все, что каждый день происходит в культурной жизни Таджикистана, свидетельствует о необычайном духовном взлете народа, расцвете его таланта, культурной зрелости нации, подтверждает мудрость ленинской национальной политики, в результате которой был создан Союз республик, объединившихся для взаимного блага. Но юбилей — это праздник, и, конечно, год 60-летия мы отмечаем особо. Мы хотим, чтобы сегодня в культурной

Недавно в Душанбе появились еще одно здание, украшающее город, — громадный белый куб со стенами, изрезанными узкими, сильно углубленными окнами, с огромной входной дверью — резной, массивной, с большими палевыми кольцами-ручками. Средняя Азия с давних пор славится разнообразием дверей, сделанных с большим искусством, традиции эти поддерживаются и в современной архитектуре. А почему такие необычные окна! Потому, что внутри здания не должны попадать прямые солнечные лучи — здесь размещено хранилище древних рукописей, где они содержатся согласно разработанным наукой правилам сбережения книжных сокровищ.

Хранилище — это владение Отдела исследования рукописей и древних памятников Института востоковедения Академии наук Таджикской ССР, крупного научного учреждения, где работают языковеды, философы, литературоведы, историки. Но не только они. Рукописи надо собирать на последующие века в том виде, в каком они появились столетия назад, и об этом заботятся химики, биологи, переплетчики, владеющие старинными приемами своего ремесла. А многие рукописи надо реставрировать — это тоже коллективный труд ученых разных специальностей.

Еще в первые годы своего существования молодая Советская власть среди множества неотложных, жизненно важных дел не забыла и о памятниках культуры — тогда начал складываться фонд древних рукописей в Душанбе. Сегодня он считается одним из богатейших в мире собраний такого рода. Начал ему положил писатель и ученый, классик таджикской советской литературы Садриддин Айни. Благодаря ему немало шедевров рукописного искусства Востока были сохранены в бурные революционные годы, в период становления Советской власти. Сейчас работой Отдела рукописей руководит сын Садриддина

ХРАНИТСЯ МУДРОСТЬ ВЕКОВ

Древние рукописи хранятся в рукописном фонде Института востоковедения АН Таджикской ССР.

Айни Кавом Айни — известный советский востоковед.

Одно из самых дорогих сокровищ хранилища — «Кулпийт» — полный список сочинений великого Саади, выполненный еще в XIII веке, при жизни автора. Редкие экземпляры его остались в мире. Есть древние рукописи

«Канон медицины» и «Фармакологии» Абу Али Ибн Сины, «Шахнаме» Фирдоуси, трактат аль-Бируни «Объяснение начал искусства астрономии» — один из самых старых сохранившихся списков. Здесь хранятся рукописи (различные по возрасту, но достаточно близкие ко времени их создания) многих произведений, которые составляют блестящую славу ирано-таджикской литературы и филологии средневекового Востока — Хавфиза, Джами, Руми, аль-Араби, Омара Хайяма и многих других. Тут — единственное полное собрание всего сочиненного Алишером Навои — знаменитая рукопись «Чашор девон». Немало и безымянных рукописей, принадлежность которых ученые стараются установить. Многие тексты только недавно благодаря реставрации стали доступны для изучения.

Отдел рукописей открывает бесценные сокровища мысли, неведомые людям прежде, не получившие должной оценки. Здесь восстанавливают тексты, искаженные в процессе многочисленных переписок, когда в угоду богатому заказчику каллиграфы «подправляли» их. Чтобы вернуться к подлиннику, нужно вести сравнительный анализ, знать историю каждого памятника, особенности периода его создания и того времени, когда рукопись переписывалась, обычаи, взгляды, судьбы книги и автора. Благодаря этой работе становятся достоянием широких масс читателей все более полные издания сочинений великих поэтов Востока, лучшие образцы мировой поэзии. Тексты переводятся на русский язык, сопровождаются научными комментариями, иллюстрируются копиями миниатюр.

То, что издано, составило уже интереснейшую библиотеку, которая приобщает читателей к мудрости прошлых веков. Знакомая с нею, мы восхищаемся силой духа, высоким полетом мысли, величием древней культуры, смело развивавшейся в противоборстве с духовным гнетом и всякого рода догматами и запретами.

жизни республики ярче прозвучала наша радость от общения с высоким искусством, чтобы увидели люди лучшее, что у нас есть, чтобы приехали к нам гости... Словом, праздник есть праздник. На нем всегда больше музыки, песен, танцев, больше интересного, чем в будни. Театры показывают лучшие свои спектакли, каждый готовит премьеру к юбилею. Они будут участвовать в смотре драматургии и театрального искусства народов СССР. Заслуженный ансамбль танца «Лола», вокально-инструментальные ансамбли «Гульшан», «Парван», хореографический коллектив «Зебо» выступают с праздничными программами, которые показывают, как выросло национальное хореографическое искусство, с какой любовью относятся исполнители к народной песне, как берегут ее, возвращая народу в обогащенном звучании...

Значительное, яркое событие юбилейного года — проводимый по всей республике телевизионный смотр народного творчества — «Бустон». Он начался давно и завершится в конце года конкурсом лучших исполнителей. Это грандиозное творческое соревнование непрофессиональных художественных коллективов — больших, малых, старых и только что созданных. И главная цель его совсем не в том, чтобы найти лучших, а чтобы как можно больше людей проявили свои таланты, чтобы не остался в стороне ни один одаренный человек, чтобы вспомнили люди и забытые песни и танцы, чтобы сочинили новые. Участники смотра обязательно выступают в национальных одеждах, а они в разных областях — свои. Много интересного обнаружил «Бустон», неведомого прежде даже ученым-фольклористам. Не случайно, кстати, жюри «Бустона» возглавляет академик этнограф Раджеб Амонов, в составе жюри, кроме музыкантов, режиссеров и актеров, член-корреспондент республиканской Академии наук языковед М. Шукуров. В программе, кроме народных песен и танцев, есть и произведения современных композиторов. «Бустон» — это настоящий праздник, удивительно массовый. Среди участников много детских ансамблей — хоры, оркестры.

Мы готовимся к Всесоюзному фестивалю массовых праздников и театральных представлений, посвященному юбилею СССР. В мае в Таджикистане начался фестиваль искусств «Дружба народов», мы принимаем у себя музыкантов, художников, поэтов всех союзных республик.

Вот еще о каком событии хочется сказать: в этом году состоялась первая республиканская выставка скульптуры. Она не была грандиозной, но очень много значила для культуры таджиков — они достигли высокого уровня в том виде искусства, который у них и не существовал прежде, запрещенный исламом, боявшимся идолопоклонства. Художники Таджикистана поклоняются человеку, восхищаются силой его духа, красотой его дел. Портреты современников, интересных, значительных людей — такова главная особенность выставки.

Все эти и многие другие события в области искусства, происходящие в юбилейный год в Таджикистане, — это праздник нашей духовной культуры, которая достигла своей зрелости, высоких ступеней расцвета, и мы посылаем всей стране и всему миру приглашение участвовать в этом празднике.

Материалы по Таджикистану подготовила наш специальный корреспондент
О. БРУШЛИНСКАЯ

Танцевальный ансамбль «Лола» известен далеко за пределами республики и страны. На снимке — солистки ансамбля (слева направо) Т. Аканева, Т. Хашитова, Г. Нарзикулова.

На фестивале народного творчества «Бустон».

Фото

*Н. Софвина,
В. Иващенко,*

А. Раджабова и Фотохроники ТАСС.

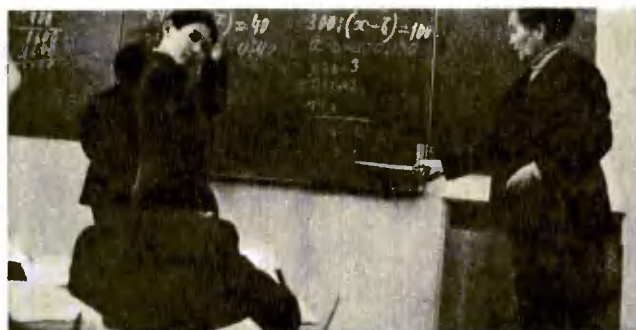

Внизу слева направо:

Заведующий лабораторией по реконструкции и совершенствованию народных музыкальных инструментов Центральной станции юных техников в Душанбе композитор Мамадали Халиков.

Народная артистка СССР М. Сабирова и народный артист Таджикской ССР М. Бурханов в балете Адана «Корсар».

35 лет на таджикской сцене работает народная артистка СССР Тухфа Фазилова — одна из основательниц национального профессионального театра.

Р. Кидибаева ведет урок.

ПЯТЬ ВЕКОВ ДИНАСТИИ

Почти 500 лет — суммарный трудовой стаж династии поваров Мавляновых из киргизского города Ош. Семь из них носят почетное звание «мастер-повар».

Нынешний глава династии — Исмаил Мавлянов — награжден за свой труд орденом Трудового Красного Знамени. Ему давно перевалило за

Старшие из династии поваров Мавляновых.

УЧИТЕЛЬНИЦА

Глубокие знания и незаурядные педагогические способности у Рахимы Кидибаевой, учительницы почти с 40-летним опытом. Более 20 лет посвятила она экспериментальной школе. По разработанной ею методике ведется преподавание киргизского языка во всех школах республики. Кидибаева — заслуженный учитель республики, отличник народного образования СССР, награждена орденом Октябрьской Революции.

Вся семья Рахимы Кидибаевой собирается вместе в воскресный день.

Руки земледельца.

ЭЛЕКТРОННЫЙ «МИРАБ»

Мирабом раньше называли чело-века, распределявшего воду. Теперь оптимальное распределение воды хозяйствам Самаркандской, Джизакской, Кашкарьинской и Бухарской областей взяла на себя автоматизированная система управления (АСУ) «Зарафшан». Современный «мираб» помогает не только рационально использовать живительную влагу реки Зарафшан, но и управлять сложной системой ирригационных сооружений.

АСУ «Зарафшан» разработали и внедрили ученые и специалисты ряда среднеазиатских и московских вузов. При этом были учтены все особенности выращивания хлопчатника и других сельскохозяйственных культур, необходимый для них водный режим. Электронно-вычислительные машины АСУ делают долгосрочный, декадный и непрерывный прогнозы водоносности реки, указывают оптимальное количество воды для нормального развития растений.

Одновременно в Самаркандской области осуществляется реконструкция ирригационных сооружений, создаются гидростолы, шлюзы с автоматическим управлением. Весь бассейн реки Зарафшан разделен на семь районов с кустовыми диспетчерскими пунктами.

Испокон веков в Средней Азии очень бережно относились к воде. И сегодня верна здесь древняя поговорка: «Там, где вода — там жизнь».

Автоматизированная система управления позволит ежегодно экономить до 400 миллионов кубометров воды.

Инженеры-гидрологи зарафшанского управления водного хозяйства Анорбай Байсариев и Санакул Хашраев за работой.

САДЫ БЫВШЕГО ВОИНА

Красивая профессия у Юлдаша Разыкова. Он выращивает фруктовые сады в предгорьях Тянь-Шаня, на земле, которую его односельчане отвоевывали у скалистых отрогов и горных круч самоотверженным трудом.

Не сразу признаешь в этом пожилом сельском жителе кадрового офицера-артиллериста, чья молодость опалена огнем боев на легендарной Малой земле. В 43-м под Новороссийском старший лейтенант Разыков командовал минометным взводом. Его ратный труд в те долгие 225 дней отмечен орденом Красного Знамени. В составе войск 18-й десантной прошел Юлдаш от Северного Кавказа, Крыма, через поля Украины к западным границам нашей Родины. Два ордена Отечественной войны — I и II степеней, многочисленные медали украсили его грудь. В ожесточенных, кровопролитных боях в Восточной Пруссии капитан Разыков

Юлдаш Разыков в созданном им саду Победы.

60, но он бодр и энергичен. У мастера-повара, всегда готового дать полезный совет или ценную консультацию, учатся не только его дети. Многие его бывшие ученики трудятся в Киргизии и в соседних республиках Средней Азии.

Старший сын Исмаила Мавлянова — Хатамжан — признанный мастер приготовления лагмана (национального блюда из папши).

командовал минометной ротой. За успешные действия его подразделения и проявленную личную отвагу он был награжден орденом Александра Невского.

После войны вернулся боевой офицер в родные места — Папский район Наманганской области. И здесь он, знающий цену мирной пахле, выбрал себе дело потрудней — стал гидротехником. Неподдалеку от его кишлака лежали земельные массивы, иссохшие от безводья. Напоить эту землю, засадить садами, заставить плодоносить — такую задачу поставил перед собой Разыков. Многим тогда она казалась фантастической. А сейчас высоко на живописных склонах гор раскинулся красивый, хорошо спланированный сад. Известен он по всей области. Здесь отдыхают, сюда приходят на экскурсии. Открытый весной, в год 35-летия разгрома фашистской Германии, он был назван садом Победы. Создал его для своих земляков, для их потомков бывший фронтовик, ветеран — Юлдаш Разыков. Создал для мирной жизни и по долгу солдатской памяти.

Немало в разных городах страны у бывшего фронтовика, друзей-однополчан, с которыми он переписывается.

КАМЫШОВОЙ РУЧКОЙ

Как вывести камышовой ручкой затайливую вязь арабского шрифта? Казалось, секрет навсегда унесли с собой переписчики древних книг.

Книги, над которыми работал А. Аннабердыев.

Абдулгани Аннабердыев, хранитель рукописного фонда Института языка и литературы АН Туркменистана, владеет таким древним искусством — каллиграфией. Необыкновенной красоты почерком туркменского знатока древностей восторгались Назым Хикмет, маститые профессора советских и зарубежных университетов.

Человек этот — почти ровесник века. Он многое испытал в жизни. Культармейцем боролся с неграмотностью в первые годы Советской власти, был учителем и колхозным бухгалтером. А последние двадцать лет ежедневно переписывает древние фолианты, бережно перелистывает их ветхие страницы. Сокровища на стеллажах он знает досконально и всегда готов помочь ученым и аспирантам. Его обширные знания арабского языка порой помогают им в поисках нужных выражений.

Превосходный каллиграф помог оформить огромное количество книг — научных, художественных и документальных. Сейчас он переписывает на арабском языке творения классика туркменской литературы Махтумкули. Сборник будет издан к 250-летию великого поэта (в 1983 г.).

Должность Абдулгани Аннабердыева — редкая, уникальная, как уникально и сохраняемое им собрание рукописей.

МИНИСТР И ПОЭТ

«Когда женщина оседлает коня, а жаворонок сядет на ветку, мир перевернется», — такую поговорку с самого раннего детства слышали наши матери. Они не могли и мечтать о тех правах, которые были даны нам, женщинам-туркменкам, выросшим при Советской власти», — так начинает рассказ о себе Джерен Мамедова, бывший министр социального обеспечения Туркменской ССР. Сейчас она — на заслуженном отдыхе.

Трудовую жизнь она начала учительницей в сельской школе. Затем, когда родители переехали в Ашхабад, стала комсомольским работником. Была избрана первым секретарем ЦК ЛКСМ Туркменистана. Принципиальность, энергичность, настойчивость всегда отличали характер коммунистки Д. Мамедовой.

Ее рабочий день был насыщен до предела и заканчивался порой в полночь. Выезды с проверкой выполнения заданий, прием посетителей, разбор обширной почты, встречи с иностранными делегациями. И стихи!.. Ведь Джерен Мамедова еще и поэтесса.

Жизнь и судьба Джерен Мамедовой — яркий пример того, какие большие права и возможности открыла Советская власть женщине Востока.

Д. Мамедова и композитор, заслуженный деятель искусств Туркменской ССР Ашир Кулиев. В этом содружестве родилась не одна песня.

Д. Мамедова.

Адриан РОЗАНОВ

Дом, где жил Ф. М. Достоевский, рядом — современное здание музея.

СЕМЕЙ — ГОРОД ВЗЛЕТА

Семипалатинск по-казахски — Семей. Мне нравится это имя. Этот областной центр Казахстана действительно напоминает большую многодетную семью: в нем два десятка вузов и техникумов, улицы заполнены молодежью. Среди высоких современных зданий выделяется дом — в полтора этажа, из темных от времени бревен, с подслеповатыми оконцами. К нему пристроены две вертикальные плоскости — распаханная книга из железобетона. Рядом — бронзовый памятник: беседуют два человека в военной форме — русский писатель Федор Достоевский и казахский ученый и просветитель Чокан Валиханов. Здесь мемориально-литературный Дом-музей Ф. М. Достоевского. Его экспонаты рассказывают о малоизвестном — семипалатинском — периоде жизни великого писателя.

...По вечерам в казарме издевались над подростком-барабанщиком из кантонистов. Мальчик отчаянно кричал: «Господа хорошие, отпустите». Солдаты хохотали. Вдруг незнакомый солдат, незаметно вошедший в казарму, негромко сказал:

— Не трогайте мальчика.

К новичку подскочил унтер-офицер, усы его гневно топорщились:

— Ты кто такой, чтобы указывать?

— Человек. И вы — человек.

И этот подросток. Нельзя так...

Незнакомец был худ, рыжеват,

с веснушками на бледных отечных щеках. Его глаза смотрели спокойно и устало.

Солдат Федор Достоевский присел на нары и предложил:

— Не угодно ли, ребята, послушать историю прекрасной мадам Лавергондьер и кавалера де Шеварни?

Солдаты окружили его. Он начал рассказывать о том, что случилось однажды во Франции; говорил как очевидец, голос его то гремел, то опускался до таинственного полупота. И слушателям в казарме казалось, что они на улицах Парижа: едут кареты, сверкают в закатном солнце клинки мушкетеров. Когда же он стал рассказывать, как благородная герцогиня пожертвовала все состояние, чтобы устроить свадьбу простой девушки с достойным юношей, раздалась возгласы слушателей:

— Неужто так и выложила миллион золотых? Вот эта да!

Семипалатинск 1854 года. Крепость, несколько господских каменных домов, деревянные избы. Шесть тысяч жителей. Иногда сюда приходили тяжело нагруженные караваны из Бухары, Оренбурга, Китая, Монголии. Шумели пестрые ярмарки. А потом — снова дремота. Ветер взметал над улицами мелкий песок. Недаром городок именовали «чертовой песочницей», а также «Семипроклитинском».

Сюда, в 7-й линейный Сибирский батальон, рядовым солдатом без права выслуги был переведен из Омской тюрьмы известный петербургский литератор Федор Достоевский. Четырьмя годами ранее его приговорили к расстрелу за участие в кружке петрашевцев. Смертная казнь была «милостиво» заменена каторгой.

По дороге на каторгу, в Тобольске с петрашевцами встретились жены декабристов, передали им немного денег, еды и Евангелия — единственную книгу, которую мог иметь каторжанин. С ней Федор Михайлович не расставался всю жизнь. Особенно часто перечитывал он строки: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода».

Пройдут годы, и писатель поставит этот запечатлевший общечеловеческую мудрость евангельский стих эпиграфом к роману «Братья Карамазовы». А еще через столетие устроители семипалатинского Дома-музея Достоевского отчеканят эти слова у входа в экспозиционные залы.

Евангелие — точно такое, какое было подарено каторжанину Достоевскому, — на одном из центральных стендов музея. А рядом — книги Достоевского — непрерывные мучительные попытки соединить догматы православия и правду жизни. Великий писатель опровергает святыне истины своими художественными образами,

выхваченными из глубин человеческого бытия...

Выйдя из тюрьмы, Достоевский писал Н. Д. Фонвизиной: «Я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных».

Семипалатинская казарма была ничем не лучше «мертвого дома» каторжной тюрьмы. Но был выход: стать образцовым солдатом, добиться пересмотра приговора, получить офицерский чин, выйти в отставку и вернуться в Петербург. Достоевский, слабый от рождения, больной, заставляет себя исправно нести службу. В характеристике, выданной ему, сказано: «Рядовой Достоевский отличался молодцеватым видом, в нарушениях замечен не был». По вечерам, после изнурительных караулов он рассказывает в казарме когда-то прочитанные им романы, вкладывая в них свой нравоучительный смысл.

Пройдут годы, и маленький барабанщик Натан Кац, некогда взятый Достоевским под защиту и сделавшийся после солдатчины модным семипалатинским портным, составит короткое трогательное воспоминание о писателе, соседе по нарам, где, между прочим, скажет: «Всей душой я чувствовал, что вечно угрюмый и хмурый рядовой Достоевский — бесконечно добрый, удивительно сердечный человек, которого нельзя было не полюбить».

Солдат Достоевский скоро был отмечен семипалатинским военным начальством. Командир 7-го батальона Велихов, выслужившийся из рядовых, по вечерам приглашает ссыльного литератора читать ему вслух газеты — Достоевский был талантливым чтецом. И неслыханное дело — рядовой все чаще остается за ужином в доме командира как гость, добрый собеседник. Он принят и в других домах, вникает в их заботы. Особенно его волнует судьба семьи Исаевых: Мария Дмитриевна — умная, начитанная, милая женщина и муж ее, Александр Иванович — человек добрый, но слабодушный, пьет, пропадает в грязных кабаках. Протрезвившись, кается. И снова пьет. Его прогоняют со службы.

Несомненно, какие-то черты Исаева достанутся Мармеладову в «Преступлении и наказании», но до знаменитого романа еще далеко, пока что Достоевский, сам обездоленный, ищет способа как-то поддержать Исаеву и ее малолетнего сына. К счастью, у него появляется влиятельный друг — стряпчий по казенным и уголовным делам Александр Егорович

Врангель. Остзейский барон, который мог получить хорошее место в Петербурге, имел страсть к дальним путешествиям и сам вызвался отправиться на службу за 4 тысячи верст — в Прииртышье. Между прочим, он охотно согласился доставить посылку автору «Бедных людей» от его брата Михаила. Достоевский явился на вызов приехавшего из столицы крупного чиновника с некоторым испугом, но откровенный разговор, остроумные суждения Врангеля о литературных новостях столицы растопили лед недоверчивости.

Федор Михайлович признается своему новому знакомому, что любит Марию Исаеву и хотел бы вернуть к жизни ее беспутного мужа. Врангель помогает Александру Ивановичу Исаеву получить место в Кузнецке, — в трех сутках езды от Семипалатинска. А у Достоевского дни по-прежнему заняты шагистикой, караулами. Правда, удалось убедить высшее начальство, что ссыльный усердно искупает свою вину отменной службой, и Федор Михайлович произведен в унтер-офицеры.

Ему разрешают снять отдельную квартирку у местного почтмейстера. Этот деревянный домик сейчас стал частью экспозиции Дома-музея. Здесь воспроизведена обстановка, в которой великий писатель после длительного перерыва возвратился к литературе. Старинный стол, за которым он писал «Дядюшкин сон», «Село Степанчиково и его обитатели», первые главы «Записок из Мертвого дома». Медные подсвечники, цветы, которые когда-то разводили здешние жители, полки с книгами прошлого века. Любовно, с уважением к памяти Достоевского работают собиратели!

Унтер-офицер Достоевский видел, что, хотя Семипалатинск и стоит на краю казахских степей, это отнюдь не край света. Подтверждение тому — последняя глава «Преступления и наказания».

«Раскольников вышел из сарая на самый берег, сел на складенные у сарая бревна и стал глядеть на широкую и пустынную реку. С высокого берега открывалась широкая окрестность. С дальнего другого берега чуть слышно доносилась песня. Там, в облитой солнцем необозримой степи, чуть приметными точками чернелись кочевые юрты. Там была свобода и жили другие люди, совсем не похожие на здешних, там как бы самое время остановилось, точно не прошли еще века Авраама и стад его».

Еще в Омске, после каторги, Достоевский в доме военного инженера Иванова знакомится с молодым офицером-казахом Чоканом Валихановым, который хорошо владеет русским, французским, немецким

Федор Достоевский и Чокан Валиханов не раз беседовали о будущем русского и казахского народов.

языками, он — знаток мировой истории, географии, Пушкина, Гоголя, читал и «Бедных людей» Достоевского. В этом 22-летнем красавце-казахе писатель видит знамение грядущих отрадных времен. Вот строки из писем Достоевского Валиханову из Семипалатинска в Омск:

«Не смейтесь над моими утопическими соображениями и гаданиями о судьбе вашей, мой дорогой Валихан. Я так вас люблю, что мечтал о вас и судьбе вашей по целым дням. Конечно, в мечтаниях я устраивал и лелеял судьбу вашу, но среди мечтаний была одна действительность: это то, что вы первый из вашего племени, достигший образования европейского. Уже один этот случай поразителен, и сознание о нем невольно налагает на вас и обязанности...»

Вот как размышляет о предназначении молодого друга ссыльный Достоевский:

«Вы спрашиваете совета: как поступить вам с вашей службой и вообще обстоятельствами? По-моему, вот что: не бросайте заниматься. У вас есть много материалов. Напишите статью о Степи. Ее напечатают (помните, мы об этом говорили). Всего лучше, если бы вам удалось нечто вроде своих записок о степном вашем быте... Так было бы ново, а вы, конечно, знали бы что писать... Лет через 7—8 вы могли бы так устроить судьбу свою, что были бы необыкновенно полезны своей родине. Напри-

мер: не великая ли цель, не святое ли дело быть чуть ли не первым из своих, которые бы расстолковали в России, что такое Степь...»

Все, что советовал и предсказывал Достоевский, с лихвой сбылось. Чокан Валиханов совершает труднейшие путешествия в те районы великих гор и пустынь Азии, куда еще не удавалось проникнуть никому из европейцев. Первый казахский ученый работает в Петербурге над составлением географических карт, пишет удивительные по точности наблюдений, живости статьи и отчеты о своих юходах. Не раз путь Валиханова лежал через Семипалатинск, и каждый раз он — неизменный гость в доме Достоевского.

Бронзовый памятник возле Дома-музея в Семипалатинске запечатлел их рядом — беседующих, быть может, о судьбе того края, куда Достоевский был заброшен не по своей воле, но с которым сроднился.

Достоевский считал, что «лишь в свободнейшем и самостоятельном развитии всех других наций» залог преуспевания страны, которого можно достигнуть, «прививая к себе их органические особенности и уделяя им от себя ветки для прививки», «учась у них и уча их».

Эти слова проризнес великий русский писатель в конце своей жизни. Может быть, при этом он вспоминал своего казахского друга.

Пять лет прожил Достоевский в Семипалатинске. События этих трудных лет можно описать в нескольких фразах: дослужился до прапорщика, завел друзей, женился на Марии Исаевой, вышел по болезни в отставку и получил разрешение переехать в Тверь... Заслуга семипалатинского музея Достоевского в том, что он помогает понять, какой нравственный подвиг совершил здесь писатель. Своей жизнью, своим творчеством Достоевский еще раз доказал, что человеческое в человеке не сдается под накиннутым на глаза смертным мешком, перед смрадом и пошлостью казарменного житья.

Среди экспонатов Дома-музея — щедрые дары Леонида Леонова, Константина Федина, Корнея Чуковского. Боюсь утонуть в перечне знаменитых имен, ибо в хранении уже более 600 томов, подаренных теми, кто любит писателя, исследует его творчество. Великолепное собрание сочинений русского классика на японском языке прислал переводчик профессор М. Йонекава из Токио; многочисленные дары — от деятелей культуры Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Польши, Кубы, Вьетнама.

И тут необходимо сказать о том, с чего начинался музей. Лет 20 назад бревенчатый домик на Крепостной улице решили было снести. Однако здесь помещалась маленькая библиотека имени Достоевского, а в ней

Много сил вложила в создание Дома-музея З. Г. Фурцева, педагог, участница Великой Отечественной войны.

Фото А. Хмелева

работала Зинаида Григорьевна Фурцева. Она встала на защиту исторического памятника и сумела доказать, что память великого писателя должна быть достойно увековечена.

Вскоре музей стал заметным очагом культуры Семипалатинска. В тот вечер, когда я разглядывал бесценные документы музейного фонда, в соседнем зале местные книголюбители проводили вечер, посвященный творчеству Корнелия. Студенты читали монологии из трагедий французского классика, девушки из музыкального училища исполняли произведения Рамо, Госсекса, Гретри. За месяц до этого был вечер, посвященный любимому автору юного Достоевского — Шиллеру, чуть раньше проходил вечер поэзии Великой Отечественной войны...

Воспоминания военных дней владели мною в Семипалатинске, где бушевала метель тополиного пуха.

В феврале 1942 года я очнулся в маленькой палате горьковского госпиталя, где рядом со мной лежал безмолвный капитан Алексеев. Лечащий врач рассказал мне его историю. Он возвращался с передовой в штаб полка, когда в небе появился «Мессершмитт-110». Гитлеровцы тогда позволяли себе роскошь гоняться за «одиночными целями». Капитан ничком упал на снег, и самолет трижды проревел над ним, строча из пулеметов. У Алексеева была разломана шинель, пробита слетевшая с головы ушанка, но сам он остался цел. Санитары положили на носилки человека, глядевшего в морозное синее небо широко открытыми глазами. Сейчас я думаю: он был чем-то похож на Достоевского после «обряда» казни. Алексеев не ел, не спал, потерял дар речи.

Он заговорил как-то ночью. Я узнал, что Алексеев — математик, ра-

ботал до войны в Метеорологическом институте на Красной Пресне, на Большевицкой улице, той самой, где я родился. И вот ведь судьба: в ночь на 25 июля 1941 года, когда фашистские самолеты во второй раз бомбили Москву, я с девушкой случайно оказался на Большевицкой, и мы взобрались на крышу шестизэтажного дома к пожарным дружинникам — прямо напротив Метеорологического института. Зарычали налетевшие вражеские самолеты, залаяли зенитки, содрогнулась земля от взрывов бомб, и над близким поселком «Трехгорки», где стояли рядами деревянные бараки, поднялась сплошная стена огня. Бомба врезалась в здание института, в его верхний этаж, в библиотеку. Страшный взрыв — и в багровое небо взлетел фонтан книг. Распахиваясь, они загорались, падали к нам на крышу, и мы сбрасывали их вместе с зажигалками...

И тут капитан Алексеев спросил: — Вы любите Достоевского?

Я сказал, что заставлял себя читать его книги, и многое меня волновало, но ни одного романа не осилил до конца, трудно они читаются.

— Тогда слушайте. — И глядя в белый потолок своими неподвижными голубыми глазами, Сергей Алексеевич наизусть глухо, монотонно стал читать главу из «Братьев Карамазовых», где говорится о встрече Ивана с Алешей в скотопригоньевском трактире. Капитан обладал, оказывается, феноменальной памятью. Так же часами он читал мне впоследствии Толстого, Чехова. Он впервые открыл для меня Достоевского.

«Жить хочется, и я живу, хотя бы и вопреки логике. Пусть я не верю в порядок вещей, но дороги мне клейкие, распускающиеся весной листочки, дорого голубое небо, дорог иной человек, которого иной раз, поверишь ли, не знаешь за кто и любишь, дорог иной подвиг человеческий, в который давно уже, может быть, перестал и верить, а все-таки по старой памяти чтить его сердцем...»

...Настал час моего прощания с Семипалатинском. Заняв место в рейсовом Ту-154, я представил себе неуклюжую колымагу, в которой в 1859 году Федор Михайлович с Марией Дмитриевной покидали Семей. По бесконечному степному тракту били копытами кони, скрипел на зубах песок и горько пахло полынью... Наш самолет взмыл в воздух, я увидел сразу весь город — зеленый, со строгими линиями улиц, голубую ленту Иртыша. А тот взлет Достоевского был куда стремительнее и выше — сумел увидеть он тяжкие нравственные искания и страдания людей, море человеческих слез и крови и обо всем поведал миру.

РЕЛИГИЯ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

В системе лекционной пропаганды марксистское философско-социологическое объяснение религии занимает особое место. Хотя непосредственно по этой теме лекций читается не столь уж много, однако ее аспекты неизбежно затрагиваются в ходе изложения различных проблем научно-атеизма. Правильное, научное понимание религии как социального явления — важная методологическая предпосылка освещения пропагандистом многих актуальных проблем. Вот почему наш журнал публикует эту статью, в которой наряду с ключевыми теоретическими вопросами содержатся также методические советы и рекомендации лектору.

СУЩНОСТЬ РЕЛИГИИ И ЕЕ СОЦИАЛЬНЫЕ КОРНИ

Суть марксистской концепции религии легче понять, сопоставив ее с имеющими хождение в настоящее время ложными объяснениями религии, распространенными в богословской философско-идеалистической и в буржуазной религиозно-философской литературе. Коренное отличие всех таких теорий от марксистской состоит прежде всего в решении проблемы источника религии.

С точки зрения христианского богословия, источник религии — бог; сотворив бессмертную человеческую душу, он наделил ее извечным стремлением к своему творцу. Принципиально мало чем отличаются от этой концепции объективно-идеалистические трактовки религии. Для них конечный источник религиозных верований индивида — объективное духовное начало: «Абсолют», «Мировая идея» и т. п. Если богословы и объективные идеалисты ищут истоки религии в объективной — находящейся вне самого человека сверхъестественной сущности, то субъективные идеалисты (например, американский философ У. Джемс) пытаются объяснить религию, исходя из особенностей индивидуального сознания. По их мнению, сознание отдельного человека необходимо, в силу самой своей природы, продуцирует религиозные верования. Наконец, имеется еще одна довольно распространенная на Западе точка зрения. В соответствии с ней религия — функция человеческого организма. Одни сторонники этой биологизаторской концепции пишут о «религиозном инстинкте», другие рассматривают религию как способ приспособления организма к окружающей среде, третьи (к которым относятся и фрейдисты) интерпретируют религию как «общечеловеческий невроз навязчивости», являющийся результатом неудовлетворенных желаний.

В действительности же ни одна из перечисленных выше концепций не дает возможности выявить подлинные истоки религии, определить ее сущность. Религия коренится не в иллюзорном сверхъестественном начале, не в субъективном человеческом «Я» и не в законах функци-

онирования человеческого организма. Марксизм рассматривает религию как социальное явление, как порождение определенных общественных формаций. Такой подход не только позволяет научно объяснить существование и воспроизводство религиозных верований, но и неизбежно ведет к выводу, что религия не есть вечный и неизменный спутник людей, что она — явление историческое и, следовательно, преходящее.

Мы рекомендуем лектору или пропагандисту при изложении марксистского понимания религии начинать с анализа известного определения религии, данного Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге». Это определение в краткой форме фиксирует важнейшие особенности марксистского подхода к религии. «...Всякая религия, — пишет Энгельс, — является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, — отражением, в котором земные силы принимают форму неземных»¹. В этом определении можно выделить две важнейшие стороны.

Во-первых, Энгельс указывает на специфику религиозного сознания: оно отражает действительность **превратно, фантастически**, при этом земные силы превращаются в силы неземные, сверхъестественные. Здесь Энгельс продолжает традицию домарксистского атеизма, который рассматривал религию как ложное, превратное отражение мира, как иллюзорные представления.

Во-вторых, Энгельс указывает на социальные истоки религиозной деформации мира в сознании людей: религия превратно отражает те силы, которые **господствуют** над людьми в их повседневной жизни. И тут Энгельс идет дальше атеистов прошлого, пытавшихся объяснить религию лишь невежеством людей и обманом их со стороны служителей культа и власть имущих. Марксизм не отрицает роли невежества и обмана в возникновении и историческом развитии религии, однако считает, что главные причины существования религии — именно господствующие над людьми реальные внешние силы.

Какие же силы имел в виду Энгельс? Ответив на этот вопрос, мы тем самым раскроем марксистское понимание сути социальных корней религии. К. Маркс в «Капитале» писал, что в древних религиях отражается «ограниченность всех их (людей. — Д. У.) отношений друг к другу и к природе»².

Практическая ограниченность отношений людей к природе наиболее ярко проявляется в первобытном обществе. Низкий уровень развития производства обуславливал постоянную зависимость людей от природных факторов, их неспособность устойчиво получать необходимый результат трудовых усилий. Здесь лектор может опереться на многочисленные факты, собранные советскими и зарубежными этнографами. Они указывают,

что первобытный охотник, например, зачастую оказывался перед фактом исчезновения дичи. Его постоянно подстерегали опасности и неожиданности, которые сводили его усилия на нет. Вступал в действие, по меткому выражению русского этнографа Л. Я. Штернберга, «его величество случай», первобытные люди оказывались во власти сил, им неподвластных и непонятных. Поскольку реальные средства овладеть силами природы у людей не было, они обращались к средствам воображаемым, фантастическим, иллюзорным.

Связь возникавших религиозных верований с ограниченностью материально-производительной деятельности первобытных людей четко прослеживается в наиболее архаической форме религии — первобытной магии. Это — совокупность верований и специфических колдовских действий (ритуалов), с помощью которых человек пытался сверхъестественным образом воздействовать на окружающий мир (природу, общество, людей). В основе магии лежит вера в сверхъестественную связь между колдовским ритуалом и определенными явлениями или событиями окружающего мира. Так, первобытные охотники рисовали на песке изображение зверя, которого хотели добыть, и исполняли вокруг него особый ритуальный танец, имитируя движения охотника во время преследования животного. Они были убеждены, что уже само это «действие» обеспечит им успешный результат охоты.

Как отмечал советский этнограф А. Ф. Анисимов³, психологическая основа подобных магических действий — стремление выдать желаемое за действительное. В доклассовом обществе, в условиях постоянной зависимости людей от природных стихийных сил, такое стремление — один из важных факторов жизни первобытной общины. Оно закреплялось в системе магических обрядов, становясь одной из важных форм традиционного поведения.

Таким образом, первобытную магию рождало практическое бессилие людей, их неспособность решать многие жизненные проблемы реальными средствами.

Лектор должен учитывать, что, говоря об ограниченных отношениях человека к природе, не следует, однако, всю проблему сводить к низкому уровню производительных сил. Как показал опыт истории, в особенности XX века, зависимость людей от природы может со временем не уменьшаться, а усиливаться — даже в эпоху высокого уровня развития производства. Это случается тогда, когда развитие идет стихийно и противоречиво, не планируется и не контролируется обществом, когда главным двигателем развития становится извлечение макси-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 328.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 89.

³ См.: А. Ф. Анисимов. Исторические особенности первобытного мышления. Л., 1971, стр. 67.

мальной прибыли. Современный экологический кризис показал: стихийное расхищение природных богатств в капиталистических странах, интенсивное использование современной техники и технологии без учета их влияния на здоровье человека и среду его обитания создают ситуацию, когда само развитие производства представляется людям стихийной разрушительной силой, грозящей их существованию. Можно уверенно сказать: в капиталистических странах существует несомненная связь между современным экологическим кризисом и воспроизводством религиозности в различных ее формах⁴.

Второй тип ограниченных отношений, выделенных Марксом в «Капитале», — ограниченные отношения между людьми. В каком же смысле говорится об ограниченности социальных отношений?

Маркс противопоставляет социальные отношения во всех докоммунистических формациях, рождавшие религию, коммунистическим отношениям, которые не будут нуждаться в религиозном отражении. Социальные отношения во всех докоммунистических формациях были ограниченными в том общем смысле, что развивались стихийно, не были результатом сознательной реализации объективных законов развития общества. Главная особенность всех докоммунистических формаций состояла в том, что законы их функционирования носили стихийный характер, воздействовали на людей как слепые и разрушительные силы.

Давая характеристику социальных корней религии в капиталистическом обществе, В. И. Ленин писал: «Страх создал богов». Страх перед слепой силой капитала, которая слепа, ибо не может быть предусмотрена массами народа, которая на каждом шагу жизни пролетария и мелкого хозяйчика грозит принести ему и приносит «внезапное», «неожиданное», «случайное» разорение, гибель, превращение в нищего, в паупера, в проститутку, голодную смерть, — вот тот корень современной религии, который прежде всего и больше всего должен иметь в виду материалист, если он не хочет оставаться материалистом приговорительного класса⁵.

Таким образом, стихийный характер общественного развития необходимо породил религиозные верования и представления у всех классов общества, в том числе и у эксплуататоров. Но у угнетенных классов этот источник дополнялся и углублялся классовым гнетом, эксплуатацией. Рабы, крепостные, пролетарии были не свободны не только потому, что условия их жизни были навязаны им действием слепых общественных сил, но и потому, что были поработаны экономически, подавлены политически, лишены средств и возможностей духовного роста. Трудящиеся массы, задавленные тяжелой работой на других и нуждой, не находя реального выхода из этих тисков на земле, искали его на небе. «Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами, — писал Ленин, — так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.»⁶.

Итак, в общем виде социальные корни религии можно определить как несвободу людей, бессилие их перед лицом объективных условий жизни, которые не являлись результатом их сознательной деятельности, а стихийно навязываются им.

Говоря об этом, лектор обязательно должен подчеркнуть: главные причины существования религии связаны не просто с незнанием людьми тех или иных законов, с неумением объяснить определенные природные или общественные явления, а именно с практическим бессилием человека, с его неумением и невозможностью сознательно управлять своими собственными общественными отношениями. К сожалению, точка зрения, согласно которой возникновение и существование религии обусловлено незнанием, до сих пор весьма широко распространена в обыденном сознании. В противовес ей следует указать, что марксизм видит самые глубокие истоки религии в практической неспособности людей преодолеть реальные противоречия жизни и обеспечить достижение поставленных целей.

При этом нужно наглядно показать слушателям, что только социализм впервые в истории создает объективную возможность (и необходимость) сознательной реализации познаваемых людьми объективных законов общественного развития. В этом состоит одно из принципиальных качественных отличий коммунистической формации от предшествующих. Именно здесь таится смысл известного положения Энгельса о переходе к социализму как скачке из царства необходимости в царство свободы⁷. А применительно к религии это означает, что коммунистическая формация — первая в истории социальная система, функционирование и развитие которой не нуждается в религиозном восполнении мира. Для этой формации религия впервые становится внесистемным образованием. Иначе говоря, она не рождается объективными потребностями данной социальной системы.

Лектору, рассказывающему о социальных корнях религии, следует подчеркнуть, что практическое бессилие людей рождает превратное, религиозное отражение мира лишь в том случае, если проходит через их сознание, осмысливается ими, хотя бы и в иллюзорной, эмоционально-образной форме. Вспомним, что бессилие перед природой формирующих людей — питекантропов и синантропов — было большим, чем у кромавцев, но из-за неразвитости сознания оно еще не могло рождать религиозных верований. Для возникновения религиозного сознания необходимы не только социальные, но и определенные гносеологические (от греч. слова — знание) предпосылки.

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КОРНИ РЕЛИГИИ

Тема эта особенно трудна для восприятия массовой аудиторией. И в то же время очень важна для раскрытия сути марксистского понимания религии. На наш взгляд, основные идеи данной темы вполне могут быть разъяснены каждому, кто имеет, как минимум, среднее образование. Задача лектора при этом будет состоять в том, чтобы, избегая сложной философской терминологии, в то же время суметь на ярких и убедительных примерах показать, что возможности религиозных иллюзий коренятся в самой психической деятельности людей, в противоречиях человеческого познания и эмоционального отношения к миру.

Гносеологические корни религии — это возможности, условия, предпосылки формирования религиозных верований, возникающие в процессе познавательной деятельности человека окружающего мира. Иногда в практике атеистической пропаганды и даже в некоторых статьях и брошюрах используют термин «гносеологические причины религии», причем рассматривают их как однопорядковые с причинами социальными.

Получается, что возникновение и историческое развитие религии определяется двоякого рода причинами: социальными и гносеологическими. Такой подход неточно характеризует как природу гносеологических корней религии, так и их соотношение с причинами социальными. Для того чтобы правильно изложить суть проблемы, лектору полезно сделать несколько вводных замечаний.

Общественное сознание не существует вне духовной деятельности отдельных людей. Ведь вне деятельности разума человека, его воображения никакие представления, идеи и верования не возникают. В то же время индивидуальная психическая деятельность не объясняет, почему в определенную историческую эпоху господствуют именно эти, а не иные идеи, представления и верования и почему на каком-то историческом этапе их сменяют иные, также вполне определенные идеи и представления. Отдельный человек может лишь генерировать те или иные идеи, верования и представления. Но получают ли они распространение в обществе, будут ли воспроизводиться в следующих поколениях — зависит не от индивидуума и его умственной деятельности, а от социальных условий жизни общества, потребностей и интересов людей.

Все это относится и к религии. Религиозные представления и верования — продукты человеческой фантазии и воображения создаются на основе деятельности психики отдельного человека. Но их существование, распространение и изменения в обществе не могут быть объяснены законами развития индивидуальной психики. Здесь уже вступают в силу законы, управляющие развитием общественного сознания, то есть социальные закономерности.

Следует далее показать, что понятие «корни» весьма широко; оно включает не только причины, но и условия, предпосылки, возможности возникновения того или иного явления. Конечно, между условиями, возможностями и причинами нет непроходимой границы. Но различать эти понятия надо, и такое различие особенно важно при определении гносеологических корней религии.

Гносеологические корни религии — это условия, предпосылки и возможности формирования религиозных верований, возникающие в процессе познавательной деятельности человека. Без таких условий, возможностей и предпосылок религия не могла бы возникнуть, существовать и воспроизводиться в новых поколениях.

Для того чтобы сформировались

⁴ Подробнее об этом см. цикл статей о «новых религиях» в США, который наш журнал начал публиковать с 7-го номера этого года (п р и м. р е д.).

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 419.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 142.

⁷ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 295.

иллюзорные представления о сверхъестественных силах, духах, богах, необходимы человеческая фантазия, воображение. Чтобы возникли ложные религиозные абстракции и обобщения, нужно, чтобы человек обладал способностью абстрагировать и обобщать.

И в то же время сами по себе эти гносеологические условия и предпосылки не объясняют существования религии как формы общественного сознания, как части надстройки. Для того чтобы они реализовались в исторически определенной форме, необходимы социальные факторы, определяющие существование и воспроизводство данных религиозных верований в обществе. Иначе говоря, гносеологические корни религиозных иллюзий — это только возможность их возникновения и существования; эта возможность становится действительностью на основе социальных корней религии.

Если кратко сформулировать суть гносеологических корней религии, то можно сказать: они состоят в абсолютизировании, раздвигании субъективной стороны человеческого познания. Объективное содержание познаваемого присутствует у человека только в субъективной форме ощущений, восприятий, представлений, понятий, суждений и т. п. Каждая субъективная форма познания создает новые возможности для более глубокого постижения объективного мира, его свойств и закономерностей. В то же время каждая такая форма создает определенные возможности и предпосылки для «отлета» от реальности, для превращения ее отражения.

Представление, например, позволяет воспроизводить в сознании объект, который в данный момент не воспринимается органами чувств человека, оно может создавать обобщенный образ многих однородных объектов. В то же время представление создает возможность соединить в сознании то, что в действительности не соединено. Так возникали многие мифологические и религиозные образы (кентавр, русалка, ангел и т. п.).

Еще более сложная диалектика субъективной формы и объективного содержания характеризует рациональное познание. Абстрактное, понятийное мышление, фиксируемое устной речью, — величайшее достижение человечества. Оно сделало возможным все успехи научного познания. Однако было бы неправильно не видеть, что его развитие создает также возможности и для отхода от действительности, для превращения, искаженного отражения мира.

Во-первых, создается возможность превращения понятий в самостоятельные сущности, будто бы не зависящие от материального мира. При этом общее, существенное и необходимое, зафиксированное в понятиях, отрывается от единичного, несущественного и случайного и рассматривается как самостоятельная сущность, предшествующая единичным предметам. Таков, например, идеализм Платона, Гегеля и других объективных идеалистов. На этой же гносеологической основе конструируются и религиозные представления о духах, богах и т. п. Скажем, бог в христианстве рассматривается как воплощение абсолютного, вечного и необходимого, он противостоит земным вещам и человеку, которые преходящи, случайны, относительны.

Таким образом, отрыв общего от единичного, необходимого от случайного, абсолютного от относительного создает

условия и предпосылки для идеалистического и религиозного искажения действительности, рождает ложную картину мира, фантастически удваивает его, создавая — наряду с реально существующим материальным миром — еще и второй — мир вымышленных идеальных сущностей.

Возможности такого отрыва коренятся в самом человеческом мышлении, в формировании, как указывал Ленин, любых, даже элементарных абстракций («дом» вообще и т. п.).⁸ Ведь «дома вообще» в действительности нет. Реально существуют лишь отдельные, конкретные дома, каждый из которых обладает своими индивидуальными особенностями. Всякое понятие отвлечается от этих особенностей, фиксируя с помощью слова только общее и существенное.

Это создает возможность для отрыва общего от единичного, для превращения понятия в особую сущность, предшествующую единичным предметам. А оно в свою очередь ведет к формированию понятий «дух», «бог», которые воплощают в себе всеобщее, вечное и абсолютное.

Во-вторых, способности к абстрагированию и обобщению, лежащие в основе формирования понятий, могут в силу ограниченности человеческой практики и познания вести и к созданию ложных понятий, искажающих действительность. Например, ограниченное одностороннее обобщение явлений психической жизни способствовало возникновению понятия «душа» как особой сущности, независимой от тела и даже бессмертной.

Следует отметить, что возможности религиозной деформации мира коренятся, кроме познавательных, также и в эмоциональных процессах. В этом смысле мы можем говорить не только о гносеологических, но и о психологических корнях религии. Страх и многие другие отрицательные переживания нередко создают благоприятную почву для усвоения индивидом религиозных верований. Однако связь между отрицательными переживаниями и религией — не прямая и однозначная. Отрицательные эмоции (если они устойчивы и постоянны) создают лишь благоприятную почву для обращения к религии. Насколько эта возможность реализуется, зависит от социальных и мировоззренческих ориентаций человека, от условий его жизни и воспитания, от влияния на него окружающих.

Рассказывая о гносеологических и психологических корнях религии, лектору важно подчеркнуть, что религиозные верования, искажающие действительность, не следует рассматривать лишь как продукт невежества людей либо как результат произвольных и своекорыстных спекуляций служителей культа и богословов. Возможность религиозных заблуждений коренится в самом процессе отражения действительности в человеческом сознании. Религия, как и идеализм, по словам Ленина, «есть пустоцвет, бесплодно, но пустоцвет, растущий на живом дереве, живого, плодотворного, истинного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного, человеческого познания»⁹.

СПЕЦИФИКА РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ

Важный вопрос, от решения которого во многом зависит правильное понимание религии, — специфика религиозного сознания. Иначе говоря, каков тот главный признак, который, с одной стороны, при-

сущ любым религиозным верованиям, а с другой — позволяет отделить религиозное сознание от нерелигиозного?

При освещении этой проблемы лектор должен учитывать, что в теологической и буржуазной религиозноведческой литературе имеются две основные тенденции. Представители традиционного христианского богословия пытаются всячески отделить христианство, которое они считают «религией откровения», от иных систем религиозных верований, в особенности от так называемого язычества, не говоря уже о первобытных верованиях и культах. Все многобожные и магические верования эти богословы объявляют суевериями, которые якобы не имеют ничего общего с истинной религией — христианством.

Эта тенденция отразилась и в буржуазном религиоведении: многие его представители противопоставляли магию религии, доказывая, что магические верования и обряды не следует считать религией. Какими бы соображениями ни руководствовались при этом буржуазные религиоведы (Джеймс Фрэзер, например, субъективно был враждебен религии), объективно такая тенденция вела к выделению монотеизма, в особенности христианства, из ряда других религий, к подчеркиванию его уникальности и противопоставлению его так называемым суевериям. Между тем, как справедливо заметил один из английских свободомыслящих, «религия — это модное суеверие, а суеверие — религия, вышедшая из моды».

Другая тенденция, которая особенно активно проявилась в буржуазном религиоведении в последние десятилетия, — это стремление к расширительной трактовке религии, к отождествлению ее с любой идеологией, с любым мировоззрением. Игнорируя оценку религиозного сознания с точки зрения истинного или ложного отражения действительности, многие буржуазные религиоведы идут по пути растворения религии в общественном сознании. Такая тенденция имеет вполне определенное социальное назначение. С одной стороны, она призвана снять принципиальное различие между религией, как ложным, извращенным сознанием, и научным мировоззрением. С другой — используется для дискредитации марксизма, который объявляется «светской религией» и т. п.

Марксистское религиоведение определяет специфику религиозного сознания достаточно широко — чтобы охватить все существовавшие и существующие ныне формы религиозных верований. В то же время оно стремится выявить тот главный признак религиозного сознания, который позволяет его отграничить, отделить от сознания нерелигиозного. Большинство советских исследователей религии справедливо считают главным признаком религиозного сознания веру в сверхъестественное.

Прежде всего лектору важно уточнить содержание самого понятия «сверхъестественное». Оно означает нечто, не подчиняющееся законам материального мира, выпадающее из цепи причинных связей и зависимостей. Сверхъестественное — нечто, стоящее вне естественного,

⁸ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 330.

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 322.

над ним, то есть не только не подчиняющееся его законам, но и способное «творить» эти законы и сам естественный мир.

Конечно, такое понятие сформировалось не сразу, оно — результат длительной эволюции религиозных верований и представлений. В наиболее древних формах религиозных верований (магии, тотемизме, фетишизме) сверхъестественное не отделено еще четко от естественного. В сознании первобытных людей сверхъестественное выступает либо как вера в иллюзорную связь между реальными объектами и явлениями (магия, тотемизм), либо как вера в фантастические свойства материальных предметов (фетишизм). Лишь на последующих этапах развития первобытной религии возникает анимизм — вера в существование духов и души.

Вера в сверхъестественное присутствует и в тех религиях, у которых нет понятия единого бога — творца мира, его «вседержителя» и «промыслителя». Таков, например, буддизм. Здесь вера в сверхъестественное проявляется и в учении о «перерождениях» («душа» человека после его смерти будто бы воплощается в других людях или иных живых существах), и в представлении о «нирване» как особом «сверхчувственном» состоянии.

Наиболее жестко и однозначно

сверхъестественное противопоставлено естественному миру в монотеистических религиях. Бог тут рассматривается как вечная, абсолютная, несотворенная благая сущность, а «тварный мир» — как совокупность изменчивых, преходящих, сотворенных богом вещей и людей, пораженных грехом, слабым и беспомощным.

Далее лектору следует показать, что религиозное сознание отличается от нерелигиозного не просто наличием в нем образов сверхъестественных существ, а верой в реальное существование сверхъестественного. В этой связи необходимо остановиться на анализе самого понятия «вера».

В советской литературе существуют неоднозначные трактовки этого понятия. Некоторые авторы общее понятие «вера» отождествляют с религиозной верой, считают, что вера присутствует только в религии¹⁰.

Мы разделяем точку зрения тех авторов, которые различают веру нерелигиозную и веру религиозную. Наиболее убедительно эта позиция обосновывается в работах Ю. Ф. Борункова, в частности в его книге «Структура религиозного сознания»¹¹.

Вера — особый вид познавательно-эмоционального отношения людей к окружающему миру. Она присутствует в тех случаях, когда выводы и суждения человека являются гипотетическими, когда они не

могут быть вполне доказаны данными науки и практики, когда объект веры находится в будущем, а не в настоящем. К. Э. Циолковский, например, верил, что люди выйдут в Космос, побывают на Луне. Эта его вера была основана на реальном научном предвидении. Специфика веры состоит в отличие от знания не только в том, что ее предмет — гипотетические суждения, но и в том, что в ней большую роль играют чувства человека. Вера возникает в тех случаях, когда ее предмет затрагивает жизненные интересы людей и поэтому вызывает активное эмоциональное к себе отношение. Нередко она базируется на авторитете какого-либо человека или научного источника. Когда следует решать сугубо специальный научный спор, имеющий непосредственное практическое значение (например, необходимо выбрать между двумя конкурирующими техническими проектами), известное значение имеет также вера в способности, мастерство и добросовестность спорящих сторон.

Как видим, вера присутствует не только в религии. Однако тут следует сразу же подчеркнуть принципиальное отличие веры безрелигиозной от веры религиоз-

¹⁰ См., например: К. К. Платонов. Психология религии. М., 1967, стр. 94.

Реализуя требования жизни, организации общества «Знание» стремятся совершенствовать научно-атеистическую пропаганду, сделать ее живее и интереснее, внедрить и распространить наиболее эффективные формы работы. Областные и районные секции научного атеизма все активнее сотрудничают с сельскими первичными организациями Общества.

Программа университета научного атеизма, созданного в колхозе имени Энгельса Шербакульского района Омской области, рассчитана на два года, слушатели его — 30 человек — учителя средней школы, специалисты сельского хозяйства, культпросветработники, комсомольские и профсоюзные активисты. Выступать перед ними приглашают квалифицированных лекторов из Омска. Слушатели готовят рефераты, которые после обсуждения становятся основой для выступлений в клубах бригад, в красных уголках и комнатах отдыха на фермах.

В районном центре Суземка Брянской области прошел семинар, посвященный перестройке атеистической работы в соответствии с современными условиями. Его участники — заместители секретарей партийных организаций колхозов и совхозов, промышленных предприятий, учителя, работники клубов — прослушали лекцию «Положение религии в современном мире», обменялись опытом.

Информация, хроника

Большой интерес вызвал рассказ о том, как депутаты Алешковичского сельского совета совместно с преподавателями местной школы и комсомольскими активистами строят воспитательную работу в своем селе.

Немало новых форм идеологической работы родилось в последнее время в Краснодарском крае. Одна из них — дни научно-атеистических знаний. Такой день был проведен, например, в станице Елизаветинской, в отделе ученого хозяйства «Кубань». Здесь в каждом трудовом и учебном коллективе были прочитаны лекции, причем многие из них — участниками краевого семинара атеистов. Во Дворце культуры лекцией «Пути преодоления религиозных предрассудков» открылся кинолекторий «Атеист». Затем собравшиеся просмотрели хроникально-документальные фильмы «Земные корни божественного» и «Обрети себя».

Большой интерес у жителей станицы вызвал вечер вопросов и ответов. И яркие афиши, и красочно оформленные пригласительные билеты, и то, что организаторы заранее исследовали общественное мнение и выяснили, какие именно вопросы волнуют станичников, позволили провести этот вечер живо, интересно.

В Михайловском районе Рязанской области работают 13 клубов читателей журнала «Наука и религия». Они созданы в домах культуры, библиотеках и школах. На каждом занятии проводятся обзоры очередных номеров, читательские конференции, вечера вопросов и ответов, читаются лекции по актуальным проблемам научного атеизма, действуют кинолектории. Особенно активно проходят занятия в клубах при библиотеке имени А. С. Пушкина, Доме культуры Михайловского цементного завода, Чапаевском сельском Доме культуры, при клубе поселка Змеинка.

В литовском совхозе «Гедрайчяй» организован специализированный совет по координации атеистической работы, которым руководит учитель средней школы В. Якимавичюс. В плане работы совета — чтение лекций по мировоззренческим проблемам, индивидуальные беседы с верующими, массовые мероприятия. В числе пропагандистов научного атеизма люди разных профессий — учителя, специалисты сельского хозяйства, партийные и комсомольские активисты, молодые специалисты, выпускники вузов, окончившие факультеты общественных профессий.

Информация подготовлена по материалам газет: «Омская правда» (Омск), «Брянский рабочий» (Брянск), «Советская Кубань» (Краснодар), «Приокская правда» (Рязань), «Советская Литва» (Вильнюс), «Горьковская правда» (Горький).

ной. Безрелигиозная вера — вспомогательный вид познавательной деятельности, она включается в общую систему познания и практики, постоянно корректируется, проверяется в ходе их развития. В процессе исторического развития человеческой практики и познания она либо опровергается, либо превращается в знание.

Иное место в системе общественного сознания занимает вера религиозная. Это — вера в сверхъестественное, предмет ее всегда носит иллюзорный характер, создается большой фантазией, которая порождена несвободой людей, их практическим бессилием. Поскольку сверхъестественное противостоит в сознании верующих чувственно-воспринимаемому материальному миру, оно «сверхчувственно», оно не подлежит, с точки зрения человека религиозного, эмпирической проверке. Именно этим объясняется тот, на первый взгляд странный, факт, что у многих верующих научные знания о реальном мире сочетаются в сознании с верой в бога, сверхъестественные силы и т. п.

Таким образом, религиозная вера не включена в общую систему познания и практики людей, стоит особняком. Ее социальная основа — практическое бессилие людей. Ее гносеологический источник — ограниченность человеческого познания. Ее психологическая предпосылка —

наличие устойчивых отрицательных переживаний.

В ходе изложения сути данной проблемы лектору важно подчеркнуть, что когда речь идет о главном признаке религиозного сознания, то имеется в виду прежде всего наличие в нем веры в реальное существование сверхъестественных существ, сил, свойств или отношений. Этот признак позволяет четко отграничить сферу искусства от сферы религии. Образы сверхъестественных существ или сил в искусстве — лишь особый способ отражения действительности, способ выявления реальных человеческих характеров, свойств и отношений. Мефистофель у Гёте — не просто черт, он персонажирует человеческие пороки, составляет компонент философско-художественной структуры «Фауста». И Гёте не требует от читателей веры в реальное существование данного персонажа. Это относится и ко всем другим фантастическим образам в сфере искусства.

В связи с этим лектор на большом материале может показать переход одних и тех же мифических образов из области религии в сферу художественного творчества. Так, древнегреческие мифы были первоначально компонентами религиозного сознания древних эллинов. В содержание мифов тогда верили, их божественным персонажам поклонялись, возносили мо-

литвы. А со временем люди стали рассматривать эти мифы как поэтические сказания, легенды. Их широко использовали и поныне используют поэты, писатели, скульпторы, живописцы — как сюжетно-образный материал для своих художественных произведений.

Религию от искусства отличает не только вера в реальность сверхъестественного, но и культовое поклонение ему. Как отмечают многие этнографы, религиозные мифы от сказок и других фольклорных произведений отличает связь этих мифов с культом, с обрядами. В религии присутствует не только вера в реальность сверхъестественного, но и вера в то, что сверхъестественное может повлиять на судьбу человека в этом или потустороннем мире. Отсюда формируются специфические иллюзорно-практические отношения между человеком и сверхъестественным объектом его веры: верующий пытается особым способом воздействовать на сверхъестественное, задобрить его, выпросить для себя избавление от невзгод в земном мире и «райское блаженство» на «том свете». Так возникает религиозный культ.

Окончание следует

¹¹ См.: Ю. Ф. Борунков. Структура религиозного сознания. М., 1971, стр. 149—173.

ЕСЛИ ЕСТЬ ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Одно из характерных явлений современности — широкое развитие естественных наук. Получают объяснение давние загадки окружающего нас мира, открываются новые закономерности природы, конкретизируются уже известные.

Наука на глазах наших современников превращается в производительную силу, ее успехи быстро становятся привычными и доступными большинству трудящихся. В этих условиях повышается и влияние науки на умы и сердца людей, на их духовный мир, жизненную позицию.

Как сегодня можно эффективнее использовать мировоззренческий потенциал естественных наук в воспитании и становлении атеистической убежденности? С таким вопросом специальный корреспондент нашего журнала В. Зыков обратился к академику АН Литовской ССР, председателю методического совета по пропаганде естественнонаучных знаний общества «Знание» Литовской ССР, директору Института ботаники АН Литовской ССР Альфонсасу Ионовичу МЕРКИСУ.

Общество «Знание» нашей республики проводит большую работу по пропаганде естественнонаучных знаний. Главная положительная черта этой пропаганды, на мой взгляд, заключается в том, что она увязывается с мировоззренческим атеистическим анализом и осмыслением достижений естественных наук. Но мне хотелось бы поговорить здесь не о нашей практике, а о тех проблемах, которые возникают в этом процессе и мешают его эффективному осуществлению.

Первая из них заключается в том, что немало пропагандистов сегодня выступают — устно или письменно — с позиций какого-то, если можно так выразиться, «потребительского» атеизма. Дело в том, что они критикуют не религию как иллюзорную мировоззренческую и этическую систему, а скорее религиозные убежде-

ния бабушек и, по сути, призывают к тому, чтобы грамотные внуки боролись с такими бабушками. Но подобная, с позволения сказать, атеистическая позиция просто недопустима и даже безнравственна.

С легкой руки таких вот пропагандистов у части населения складывается неверное мнение, что атеизм — элементарное и упрощенное критиканство, что в нем нет ничего позитивного и он не обусловлен процессом развития общества. А ведь при этом все мы знаем: атеизм — последовательное материалистическое воззрение, отвергающее религию, опровергающее несостоятельное и ложное созидание нового, передового, истинного и гуманного. Вот почему в наших выступлениях нужно стремиться к тому, чтобы и слушатель и читатель ясно понимали: существуют определенные, непреложные,

независимые ни от нас, ни от мифического бога объективные законы развития общества, живой и неживой природы, которые при помощи исключительно сложных переплетений причинно-следственных связей определяют все процессы, протекающие в окружающем нас мире.

Иными словами, мы должны пропагандировать такую систему взглядов на мироздание, при которой человек всегда будет искать причины природных и общественных процессов на путях научного познания, исследования явлений. Такую систему взглядов, при которой не возникает сомнений в том, что природа материалистична по самой своей сущности и нет в ней ничего сверхъестественного, непознаваемого.

Думаю, это в первую очередь надо хорошо усвоить тем, кто выступает у нас пропагандистами, — самим ученым. Хочу в данной связи напомнить слова крупнейшего нашего исследователя академика В. И. Вернадского: «В основе всей научной работы лежит единое аксиоматическое положение о реальности предмета изучения науки — о реальности мира и его закономерности... Только при признании этого положения возможна и приемлема для человека научная работа. Эта аксиома признается всяким научным исследователем. Ученый бросает научную работу, и она теряет для него значение, когда для него является сомнение в этом аксиоматическом положении».

Проблема эта, однако, такими положениями не ограничивается. Она значительно сложнее и многограннее. Как известно, противостоят материализма и идеализма вообще и теологии в частности не сводится лишь к признанию или отрицанию объективного мира, первичности материи. Существенным здесь является также отношение к познаваемости мира и объективности знаний о нем, к объяснению их происхождения и критерия достоверности. Это ясно всем, и мало кто оспаривает подобные рассуждения. Но так нередко продолжается лишь до тех пор, пока дело не доходит до объяснений взаимоотношений объекта исследований и метода, с помощью которого данный объект изучается. Материализм ученого в таком случае предполагает умение в любом исследовании четко отделить объективное от субъективного, реальные процессы от их толкований, объект исследования от метода его познания.

Но ведь с такой позицией, по сути, согласны и современные теологи. Для них тоже существует объект познания — бог, и методы, с помощью которых они его познают. Материалистически мыслящий ученый отклоняет аксиому существования сверхъестественной силы, а предлагаемые методы ее познания считает несостоятельными. Отсюда следует, что если нет объекта исследования, то не может существовать и метода. Значит, если, признав условно существование бога, вникнуть объективно в методы его познания, то следует четко признать, что они не адекватны объекту, ибо объекта попросту нет. Религия в превратном виде отражает превратный мир и постулирует эти превратные представления на основе веры.

Любой метод научного познания можно проверить эмпирически — на практике убедиться в его соответствии объекту исследования при наблюдении или эксперименте. По образному сравнению Ф. Бэкона, метод — светильник, освещающий путнику дорогу в темноте. Даже хромым, идущий по дороге, опережает того, кто бежит без дороги, писал он. Поэтому метод лишь тогда считается научным, когда верно отражает объективные законы мира, определяется особенностями предмета исследования, законами его развития, его отраженной в сознании сущностью.

И вот получается, что когда теологи предлагают в качестве объекта исследования бога, то ученые-материалисты не имеют метода его изучения — нельзя же исследовать несуществующий объект. Ученым остается с помощью исторического материализма изучать лишь

развитие представлений о боге от самых древних, примитивных идей человека каменного века до современных учений мировых религий. Пользуясь этим методом, мы с уверенностью утверждаем: религия — иллюзорное миропонимание. А когда теологи говорят нам, что у них имеются методы познания бога, и мы знакомимся с ними, то довольно быстро становится ясно: предложенные методы отнюдь не адекватны объекту, так как не существует приемов познания того, чего нет.

Нередко теологи признают, что существуют законы природы, но они созданы надмировым существом, сотворенная им материя, движение и развитие подчинены этим законам. При этом они даже ставят перед учеными вопросы: обладает ли материалистическая наука объективными методами, применяя которые можно уверенно утверждать, что проявления закономерностей окружающего нас мира есть функция самой материи; или же законы существуют сами по себе, а материя проявляет свои свойства только тогда, когда попадает в сферу действия какого-то определенного закона? Их собственные ответы на эти вопросы сводятся к утверждению, что мир состоит из двух ипостасей — материальной и духовной. Первую человек может познавать при помощи научных методов, но только не до конца, не до абсолютной истины, которая известна лишь богу. Вторая же вообще нам недоступна и проявляется в сфере религии.

Подобное разграничение возможностей науки и религии существует очень давно, и мы знаем множество примеров, когда даже крупные ученые-естествоиспытатели признавали это. Однако в подобных концепциях содержится глубокое противоречие между данными науки и их философским осмыслением. По мнению буржуазного философа и физика Ф. Франка, например, пространство, время и материя — «таинственная триада», не имеющая объективного значения. И только религия, мол, может дать объяснение глубочайшим структурам Вселенной. В идеях, выказываемых этим ученым, проявляется тоже давно известное утверждение: наука якобы может дать лишь «временное», «преходящее», «конечное» знание, религия же дает истину вечную, непреходящую, божественную.

Современные ученые-идеалисты признают, в частности, эволюцию живой материи, но по заданной извне схеме. Попадая в сферу действия законов эволюции, материя должна вести себя так, как этой схемой предопределено. Конечно, нельзя обвинить такого ученого в неумении логически мыслить и этим объяснять его ошибки. Нет, дело тут в другом: нелогичен сам исходный постулат, на который он опирается, а уж дальше логика его рассуждений разумна.

Так выглядит, по-моему, тот самый вопрос вопросов, о котором я упомянул в начале, — соотношение метода и объекта познания. В атеистической пропаганде, которую ведут представители естественных наук, он ставится недостаточно четко, а часто и совсем забывается. И уж тогда все внимание обращается на критику библейских легенд и преданий. Вот это-то я и называю «потребительским» атеизмом.

Не хочу сказать, что критика библейских легенд — малодейственное занятие. Нет! Такой подход в атеистическом воспитании и просвещении сыграл свою положительную роль, особенно тогда, когда образовательный уровень у части населения был еще низким. Он нужен и сейчас. Однако наступило время, когда уже не только незнание, но и знание у некоторых получивших образование людей может служить основой для идеалистических, даже религиозных представлений о мире. Мне кажется, это вполне убедительно показал писатель В. Тендряков в повести «Апостольская командировка».

Сегодня мы живем в другую эпоху и другими должны стать и просвещение людей, и их атеистическое воспитание.

По этому вопросу следует сказать еще вот что. Было

время, когда основными в критике религии являлись выступления с позиций естественных наук. Потом нам показалось, что здесь мы все сделали и теперь необходимо обратить силы на критику религиозной нравственности. Думаю, что это была ошибка. В атеистической пропаганде нет чего-то главного или второстепенного. Нужно и то и другое. Лишь комплексный подход к этому очень сложному делу может быть эффективным. Ну, конечно, и естественнонаучная пропаганда должна подняться на новый уровень: от критики религиозных истолкований отдельных явлений окружающего нас мира перейти к критике методологии теологического обоснования его познания.

Это не новая мысль, противостояние материализма и идеализма существует очень давно. Поэтому сегодня важно не только критиковать методологию идеализма вообще и религии в частности, но и показывать именно давность такой критики, так как по-настоящему сформировать материалистическое мировоззрение можно только тогда, когда атеистическая и естественнонаучная пропаганда увязаны с историей развития материалистического мировоззрения, его борьбой с идеализмом и религией. По справедливому замечанию французского физика П. Ланжевена, идеалисты напрасно ссылаются на новейшие достижения современной науки. «Их идеи взяты совсем не отсюда; они извлечены из старой философии, враждебной научному познанию... И когда философы-идеалисты ссылаются на физика-идеалиста, они лишь берут у него обратно те представления, которые когда-то ссудили ему сами».

Сейчас мало кто из ученых сомневается в материальности окружающего мира, но некоторые, к сожалению, не до конца понимают, что движет материей. Иными словами, они отрывают законы развития природы от самой природы. И это не ново. Выдающийся французский естествоиспытатель Жан-Батист Ламарк (1744—1829 гг.), один из создателей эволюционной теории, утверждал, что живым организмам будто бы присуще некое внутреннее «стремление» к какой-то цели и что это их «стремление» к цели может порождать у них новые органы, делать их целесообразно приспособленными к окружающим условиям жизни. Это пример, когда великий ученый не мог объединить движение материи с объективными естественными законами и поставил законы над нею: мол, организмы развиваются только тогда, когда попадают в сферу действия законов развития. Он считал, что проявление законов не есть функция движущейся материи.

И в наше время иногда появляются подобные же ошибки, когда утверждается, что человек по своему желанию и усмотрению может переделывать законы природы. Забвение прошлого — плохое качество, будь то история, культура или заблуждения.

Следует заметить, что такие неверные суждения — не простое повторение заблуждений прошлого, а чаще издержки современного очень быстрого научно-технического прогресса, возрастающего могущества науки и человеческой практики. В этих условиях плохое знание закономерностей развития человеческого познания, неумение осмысливать материалистически новейшие достижения естественных наук могут вести к тому, что за ними начинают усматривать нечто сверхъестественное, божественное.

Если вспомнить историю борьбы материализма с религией и идеализмом, то окажется, что, хотя дискуссии в разные эпохи развития знания касались конкретных тем (круглая или плоская Земля, как произошел человек, что первично — бытие или сознание, материя или дух и т. д. и т. п.), спор, по сути, все время шел о соотношении метода и объекта познания. Повторяю: то же происходит и теперь. Поэтому я считаю это главной проблемой в современной нашей пропаганде знаний.

Как я уже говорил, знания сами по себе еще не

определяют мировоззрение человека. Именно поэтому среди ученых есть верующие люди. И в этом нет ничего неожиданного. Развитие науки в настоящее время требует довольно строгой специализации, без которой порой невозможно делать серьезную работу. В узко специальных областях ученые добиваются часто выдающихся результатов, однако при этом их мировоззрение может быть и не последовательно материалистическим или даже идеалистическим, уживаться с верой в бога. Примеров здесь можно привести немало и из истории нашей страны.

Поэтому, на мой взгляд, в пропаганде научного мировоззрения выдвигается еще одна важная задача, на которую я хочу обратить внимание. Нам надо больше заниматься общей философской подготовкой, идейно-политическим воспитанием и образованием молодых ученых. Как это сделать?

Существует у нас порой практика, когда научный руководитель студента, аспиранта, соискателя выступает в роли этакой «няньки», старательно скармливающей своему ученику и воспитаннику «хорошо прожеванную пищу» непреложных истин, оценок, ярлыков. А ведь главная задача такого руководителя — приучать молодого человека мыслить самостоятельно, умело пользоваться достижениями ученых предыдущих поколений, принципиально отстаивать и защищать свою позицию, не страшиться ошибок и уметь их преодолевать. Иначе из аспиранта получится не ученый, а хорошо подготовленный ремесленник, от которого и отдача невелика, а значит, «нянька» — неэкономична. Да и само по себе ремесленничество в науке опасно, какого бы уровня оно ни достигало. А на мировоззрении, идейной убежденности оно сказывается отрицательно.

Да, знание не является гарантом научного мировоззрения. Однако при методологически верном философском подходе к его освоению оно позволяет молодому ученому не только глубоко анализировать и обобщать накопленный наукой материал, но и утверждать на основе новых научных данных материалистическое мировоззрение. Нужно заинтересовать молодого ученого широкими философскими проблемами в целом и в его отрасли в частности, научить размышлять о них, вырабатывать четкую систему взглядов на окружающий мир. Железная логика научного мышления при соблюдении этих условий не может не вести к материализму.

Рассуждая на эти темы, я вовсе не хочу обидеть наших молодых ученых, обвинить их в идеализме. Но упрекнуть некоторых из них в пренебрежении к философскому образованию, к использованию естественнонаучной пропаганды в формировании материалистического мировоззрения и атеистических убеждений следует.

В Институте ботаники, где я работаю, проводится большая и интересная, как мне кажется, работа по вовлечению молодежи в систему философского образования. У нас действует постоянный методологический семинар, на котором молодые ученые выступают с докладами. Они стремятся мировоззренчески осмыслить свои научные разработки. В такие семинары мы приглашаем консультантами опытных философов, помогающих разобраться в сложностях диалектики развития науки, в возможных идеалистических, субъективистских, волюнтаристских заскоках.

Лектора-атеиста из молодого ученого-естественника тоже нужно готовить. Здесь важны не только широкая научная и философская подготовка, но и воспитание определенной системы нравственных ценностей. Думаю, необходимо также, чтобы будущий пропагандист был человеком добрым и гуманным. Без этого нельзя заниматься атеистической работой, даже если ты убежденный материалист. Пропагандисту атеизма нужно уметь понимать, что есть люди, которые с ним не согласны, думают иначе и им следует помочь найти правильный путь в жизни, не обижая их, не оскорбляя их человеческое достоинство. Этому тоже надо учить...

В РОСТОВСКОЙ области в настоящее время сложилась определенная система подготовки лекторов-атеистов — в университете марксизма-ленинизма при обкоме КПСС, в специальных школах, на постоянно действующих районных семинарах.

Особого внимания заслуживает опыт работы университета марксизма-ленинизма. Уже на первом курсе его преподаватели стремятся дать слушателям необходимые методические навыки. В ходе учебы (а некоторые занятия проводятся в Доме и в районных кабинетах научного атеизма, где собраны методические материалы) широко используются технические средства пропаганды. На лето слушатели получают задание: организовать атеистический лекторий, оформить уголок атеиста, выступить в печати — стенной, многотиражной...

На втором году обучения слушатели пишут работу, которая может стать основой будущей лекции. Параллельно они анализируют состояние и эффективность атеистического воспитания в своем коллективе, планируют проведение атеистических мероприятий. Выполняя подобные задания, слушатели лучше усваивают материал, учатся применять теоретические знания на практике.

Эффективной формой учебы стали тематические вечера, вечера вопросов и ответов, которые слушатели университета ежегодно проводят у себя в коллективе с помощью сотрудников Дома научного атеизма. Темы вечеров разнообразны: «Ленинское атеистическое наследие и современность», «Советский закон и свобода совести», «Иисус Христос — бог, человек, миф?» и т. д. Цикл вечеров был посвящен теме «Человек, общество, религия».

Как организуются такие вечера? Вначале выбирается тема. Например, сейчас православное духовенство много говорит об особой роли церкви в истории русского народа. Поэтому мы рекомендовали слушателям провести на своих предприятиях цикл вечеров под названием «Православие как оно есть», которые показывали бы истинную роль церкви в истории нашей страны. На одном из таких вечеров, например, речь шла о тесной связи православной церкви с царизмом, о ее участии в подавлении освободительной борьбы и революционного движения. На другом — об антинародной деятельности православия в первые годы Советской власти, о позиции церкви в годы Великой Отечественной войны. И конечно же, рассматривалась также идеология современного православия, его отношение к научному и социальному прогрессу.

После того как определены темы вечеров и вопросов для них, мы читаем слушателям обзорные лекции по данной тематике, даем им списки

НАШИ ЗАБОТЫ

Н. ТРОХИМЧУК, директор
областного Ростовского
Дома научного атеизма профсоюзов

литературы. А сами будущие лекторы в этих случаях пишут соответствующие курсовые работы, которые тщательно рецензируются и после доработки могут служить основой сценария вечера. Обычно наши слушатели не только организуют, ведут такие вечера, но и дают справки, консультации участникам вечера, делают обзоры литературы. Подобные вечера мы проводили уже несколько раз.

Те, кто активно участвовал в атеистической работе во время учебы в университете, как правило, становятся наиболее квалифицированными пропагандистами. К сожалению, этого нельзя сказать обо всех наших выпускниках. Причин здесь несколько, главная — слушателей нужно не только умело готовить, но и тщательно подбирать: готовиться стать пропагандистами научного атеизма должны именно те, у кого есть желание, склонность и способности к этому делу. Надо признать, что у нас еще нет четкой системы использования выпускников. И получается нередко, что по окончании университета многим из них дают другие поручения.

Следует также больше внимания уделять повышению квалификации лекторов. Чтобы они могли повышать свой профессиональный уровень, у нас в области созданы школы лекторского мастерства. Здесь пропагандисты знакомятся с последними исследованиями по проблемам религии и атеизма, обсуждают тексты лекций и выступления своих коллег. Анализируются и вопросы, задаваемые на вечерах, проводятся конкурсы на лучшую лекцию, обзоры атеистической литературы, а также религиозных изданий и проповедей. Однако и здесь не обходится без издержек. В частности, нередко рецензируется не сама лекция, а только ее текст. Это, естественно, не позволяет в полной мере оценить выступление пропагандиста. Совсем не обучаются наши лекторы ораторскому искусству.

Что касается такого важнейшего участка атеистического воспитания, как индивидуальная работа с верующими, то лишь небольшая группа пропагандистов ведет ее, причем некоторые даже считают эту работу «лишней нагрузкой». Видимо, вкус к этого рода деятельности следует прививать особо и людей для этого тоже тщательно отбирать.

Как известно, интерес к лекции значительно повышается, если пропагандист умело использует наглядные пособия и технические средства. Ведь человек легко и прочно усваивает то, что видит. К сожалению, более половины наших лекторов не используют эти пособия. Нет у них и магнитофонных записей выступлений видных ученых, специалистов в области религии и атеизма, а также людей, порвавших с религией. А ведь их использование могло бы оказать неоценимую помощь в работе. Или почему бы, скажем, не создать в городских и районных кабинетах научного атеизма пункты проката наглядных пособий.

Интерес к лекции необходимо формировать заранее. К сожалению, еще встречаются объявления о выступлении, написанные кое-как — на тетрадном листке. Нередки случаи, когда слушатели узнают о лекции накануне или в день выступления лектора. А ведь на это время у человека могут быть запланированы другие дела. Чтобы устранить подобные недостатки, целесообразно, на наш взгляд, установить в каждом коллективе единый лекционный день. Тогда у слушателей будет возможность и время спланировать, и вопросы продумать — словом, подготовиться к лекции. Чтобы на лекцию пришло максимальное число людей, лучше, помимо объявления, подготовить и пригласительные билеты. Мы однажды прикинули: именно потому, что не были разосланы приглашения, на один из атеистических вечеров не пришла примерно четверть слушателей.

Как показали социологические исследования, у нас на лекции чаще всего ходят те, кому нет 40, гораздо реже люди старшего возраста. Объясняют они это неудобным временем — такие мероприятия проводятся, как правило, по вечерам. Тот же аргумент и у многих работающих женщин и домохозяек. Вот почему мы теперь проводим лекции в основном по субботам и воскресеньям. И везде — как в городе, так и на селе — народу собирается много.

Важную роль в улучшении атеистической работы играет система поощрения лекторов, умелое сочетание моральных и материальных стимулов их деятельности. Однако существующая сейчас форма поощрения явно нуждается в совершенствовании. Следует подумать, например, о дифференцированном поощрении пропагандистов, может быть, следует ввести «лекторскую классность». Мы же со своей стороны стремимся находить для улучшения атеистической пропаганды внутренние резервы — как организационные, так и методические. Думаю, что только на такой основе можно поднять ее на уровень современных требований.

г. Ростов-на-Дону

Человеку о человеке

32

УЗОРЫ БЕГУ- ЩИХ СТРОК

Т. ГРЕКОВА,
кандидат
биологических наук

Тайна сия велика есть» — это древнее изречение с полным правом можно отнести к одному из величайших чудес на земле — человеческому мозгу.

Все тайны в конце концов раскрываются, все загадки мало-помалу разгадываются, и чудеса перестают быть чудесами. Но мозг — упорствует. Медленно и неохотно выдает он свои секреты, а если и выдает, то нередко оказывается, что вместе с ответом на какой-нибудь вопрос исследователь получает повод для десятка новых вопросов и недоумений.

Стоит ли этому удивляться! Средоточие и инструмент мыслей и чувств, сознания и разума, источник всех человеческих творений и поступков, сложнейшая и вместе с тем великолепно организованная структура из 15 миллиардов нервных клеток — разве легко постигнуть ее и разобраться во всех ее тонкостях! Удивляться скорее можно тому, как много человек уже узнал про собственный мозг. Да еще «нетерпению» тех исследователей, которых очередная проблема, возникшая вдруг на пути, ставит в тупик и заставляет говорить о конечной непознаваемости мозга и психики.

Такое случилось, например, с известным американским нейрофизиологом, лауреатом Нобелевской премии Дж. Экклзом, который выступил в 1978 году на XVI Всемирном философском конгрессе в Дюссельдорфе (ФРГ) при обсуждении проблемы «Сознание, мозг, внешний мир» с докладом о результатах своих специальных исследований и с философской их трактовкой. Экклз говорил, что мозг и дух взаимодействуют «на равных правах» и что появление сознания, как и возникновение психики вообще, есть «высшая

религиозная тайна», «непроницаемая» для научного и философского анализа.

В философской позиции все и дело! Когда речь идет о фундаментальных проблемах естествознания, а проблема мозга и высших психических функций — из их числа, тогда философский подход начинает играть решающую роль как в анализе чисто научных данных, так и в определении перспектив дальнейшего научного познания. На том же конгрессе в Дюссельдорфе выступил с докладом видный советский психолог, член-корреспондент АН СССР Б. Ф. Ломов. Опираясь на богатейший экспериментальный материал, накопленный советской психологической школой, он показал, как диалектико-материалистический подход помогает проникать в сущность психических процессов.

Расшифровка тайн мозга и человеческой психики неразрывно связана с материалистическим мировоззрением, осознанным или стихийным; все тупики на этом пути — «заслуга» идеализма. Потребовались века и тысячелетия, прежде чем человек смог разорвать тенета мифологических и религиозных предрассудков и понять, что мыслями своими и ощущениями, взлетами разума и заблуждениями он обязан не доброй или злой воле богов, а себе самому и своему мозгу. Одним из первых заговорил об этом «отец медицины» Гиппократ (V—IV вв. до н. э.). «Полезно также знать людям, — писал он, — что не из иного места возникают в нас удовольствия, радости, смех и шутки, как именно отсюда (от мозга), откуда также происходит печаль, тоска, скорбь и плач. И этой именно частью мы мыслим и разумеем, видим и слышим и распознаем постыдное и честное, худое и доброе, а также все приятное и неприятное...» В мозгу, про-

должал он, следует искать источник и безумия, и страха, и беспричинных забот, и сновидений.

Идея Гиппократа была верной, но слишком общей: как работает мозг, в его времена не знали совсем, а как он устроен, знали весьма приблизительно. Прошло еще много веков, прежде чем анатомы и физиологи начали серьезно разбираться в мозговых структурах, в их устройстве и назначении и в конце концов открыли, что знаменитое серое вещество мозга состоит из мельчайших нервных клеток-нейронов. Завеса, окутывавшая тайны мозга, стала приоткрываться.

Самая, быть может, главная из этих тайн — как рождается мысль? В чем заключается взаимодействие между физиологическими и психическими процессами? Что происходит в мозгу, когда мы воспринимаем окружающее, когда что-нибудь вспоминаем, когда нас озаряет идея, когда мы слышим чью-то речь и говорим сами? «Проблема соотношения структуры и функции в мозгу человека — несомненно важнейший вопрос физиологии, — говорит академик, директор Института экспериментальной медицины в Ленинграде Н. П. Бехтерева. — Сегодня предпосылки для решения этого вопроса, благодаря научно-техническому прогрессу, стало больше. Конкретное проявление этого прогресса в изучении физиологии мозга — это и новая техника, и новые методы анализа физиологических данных, и ставшая привычной совместная работа физиологов, физиков, математиков».

Работы, которые ведутся сегодня под руководством Натальи Петровны Бехтеревой в отделе нейрофизиологии человека Института экспериментальной медицины, стали возможны именно благодаря этому прогрессу. Направлены они прежде всего

на создание новых, надежных методов лечения тяжелых нервных болезней, связанных с нарушениями деятельности мозга. Это ведь самая главная задача медицины — лечить людей. Но, решая ее, нейрофизиологи не ограничиваются только прикладными вопросами. Сопоставляя органические поражения с функциональными, они устанавливают связь между ними и благодаря этому приближаются к пониманию сложных и тонких механизмов, на которых основан физиологический или психический процесс. Вот лишь один пример.

Невропатологам часто приходится сталкиваться с афазией, иначе говоря, различными видами нарушения речи, обусловленными поражением головного мозга. В одном случае больной прекрасно понимает все, что ему говорят или пишут, но сам не может ни читать вслух, ни повторить какое-нибудь слово. В другом — может повторить сказанное, читать вслух, понимает устную и письменную речь, но без подсказки, произвольно, сам не вымолвит ни слова. В третьем — сохраняет способность к произвольному письму, понимает сказанное и написанное, но полностью теряет дар речи. Все такие расстройства обычно связаны с поражением различных зон лобной доли коры больших полушарий, в заднем отделе которой расположен центр речи, названный по имени открывшего его ученого центром Брока.

А при поражении височной доли наблюдается афазия иного типа: человек слышит, что ему говорят, но не понимает смысла сказанного, не может ни писать под диктовку, ни повторить, что его просят. Прочитанное он понимает, но речь его бессмысленна. Иногда больной не может назвать показанный ему предмет: он забыл, каким словом этот предмет обозначается. Подобное состояние, кстати, может возникнуть и у здорового человека при обычном переутомлении. При этом и здоровый человек, и больной афазией поступают одинаково — определяют предмет не по названию, а по функции: «это то, чем едят, то, чем пишут». Нейропсихологи говорят, что в подобных случаях нарушается механизм, связывающий назначение вещи с ее названием, абстрактное с конкретным.

Исследования афазии, особенно амнестической, то есть сопровождающейся утратой памяти на названия или на имена, принесли немало сведений о психологических механизмах забывания, воспроизведения, организации речи. Они помогли установить, где находятся центры речи и как отражаются на ее процессах неполадки в этих центрах.

Но каковы функциональные связи между этими центрами, между всеми структурами, так или иначе участвующими в организации речи? Вслед за вопросами специальными рождаются вопросы более общего характера, вопросы фундаментальные, философские. Центры речи известны, но как рождается само слово? Что происходит в мозговых структурах, когда человек слышит слово и когда произносит его? Еще Секст Эмпирик, древнегреческий философ, задавался вопросом: как можно доказать реальность словесных обозначений? Теперь этот вопрос можно сформулировать в терминах науки о мозге: что представляет собой нейрофизиологический эквивалент слова?

Ответ на него был получен в ходе исследований тех больных, у которых центры речи поражены не были: здесь

ученым нужна была в сфере речи не патология, а норма. Но прежде чем рассказывать об этих исследованиях, напомним читателю, что мозг обладает электрической активностью: нейроны разряжаются электрическими импульсами и передают их друг другу через мельчайшие свои отростки. Эта импульсная активность служит одним из важнейших показателей деятельности мозга: по ее характеру и динамике можно судить и об участии тех или иных структур в психических процессах, и о неполадках в мозгу, и о многом другом. Сегодня исследователи имеют возможность регистрировать эту активность.

...Идет исследование. Обычная психологическая проба. Больной сидит в кресле и слушает, что ему говорит врач. Тот перечисляет названия предметов, а пациент повторяет их в такой же последовательности. И все это время, пока врач говорит, пока больной собирается с мыслями и отвечает, специальная аппаратура регистрирует импульсную активность его нейронов. Она наглядно отражается на экране осциллографа в виде светящихся точек, а кроме того, ее характерные щелчки записываются на магнитную ленту, которую потом дадут на расшифровку вычислительной машине.

Но какой бы тонкой ни была исследовательская аппаратура, она пока не может уловить импульсную активность только одной нервной клетки. Обычно регистрируется активность целой группы, или, как говорят специалисты, популяции нейронов. Не все клетки этой популяции генерируют свои электрические разряды одновременно. Чаще всего дело происходит так: при психической деятельности одного типа включают одни нейроны, при деятельности другого типа — другие, а бывает, работают и те и другие. Иными словами, из клеток, входящих в популяцию, организуются по мере надобности своего рода функциональные сообщества — ансамбли. Число их даже в пределах одной популяции бесконечно велико.

Представьте себе столь распространенную сегодня световую рекламу «бегущая строка». Ее табло, состоящее из большого, но вполне определенного количества источников света, можно уподобить популяции нейронов. На табло вспыхивает фраза: «Смотрите новый художественный фильм «Экипаж». Затем световой узор воспроизводит силуэт самолета, и снова бегут строчки: «В фильме снимались такие-то и такие-то...» Каждый раз лампочки зажигаются в новой комбинации. Все это очень похоже на функциональное сообщество, на нейронный ансамбль.

Импульсная активность этих ансамблей изменяется при психической деятельности любой сложности — от элементарного устного счета до напряженной творческой деятельности. Подобно «бегущей строке», рисунку импульсной активности все время в движении. Но в этом движении, в этих переменах есть свои закономерности. Комбинации лампочек на табло складываются по определенным правилам — по правилам языка, на котором пишется реклама. Если мы остановим строку, станут отчетливо видны элементы всех комбинаций. Нечто подобное можно увидеть и в импульсной активности нейронного ансамбля, если найти способ свести соответствующую ей психическую деятельность к «оперативным единицам». Такой единицей при восприятии речи

и оказывается слово, правда, не всякое и не всегда...

Вот врач называет пациенту хорошо известное слово, обозначающее твердо усвоенное понятие, слово, которое не спутаешь ни с чем другим. Таких известных всем с детства и часто употребляемых слов много: «дом», «улица», «человек» и так далее. Едва они произносятся, как мозг отвечает на них характерным рисунком импульсной активности — на экране осциллографа возникает присущий только данному слову узор из светящихся точек. Физиологи называют его паттерном (с английского это слово так и переводится: «узор»). Паттерн может отражать последовательность явлений во времени (временной паттерн) или расположение элементов в пространстве (пространственный паттерн), их всегда можно отличить от другой последовательности или от другого расположения, как слово «дом» всегда можно отличить от слова «улица». По меткому выражению английского физиолога Грея Уолтера, паттерн — это качество знакомых вещей.

Итак, слово произнесено и мозг отреагировал на него активностью определенной группы нейронов — узор «соткан» и отразился на экране. Что же дальше? Мозг наш продолжает свою работу над полученной информацией, и на экране снова появляется тот же паттерн, но уже в сжатой, лаконичной форме. Если первый паттерн можно сравнить с тем же словом, написанным обычными буквами, то второй похож на его стенографическую запись. При этом узор импульсной активности меняется — промелькнул и погас. Теперь пациент должен повторить это слово, сказанное врачом. И еще до того, как он его произносит, рисунок импульсной активности опять меняется: на экране мы узнаем «стенографическую запись» первоначального ответа нейронов.

Таким образом, перед нами проходят три формы паттерна. Первая возникает в момент восприятия слова, сказанного другим лицом, вторая, представляющая собой сокращенный вариант первой, следует непосредственно за ней, а третья, тоже сокращенная, появляется перед тем, как человек произносит слово сам, и сохраняется до конца ответа. Эту третью форму назвали управляющей, ибо она предваряет ответ и как бы ведет его за собой.

Используя эти паттерны, врач может определить, как у человека работают механизмы не только восприятия, но и памяти. Если исследователь произносит слово, которое больному неизвестно — ни оно само, ни его составные части (слоги), то «стенографический» паттерн не исчезает с экрана до тех пор, пока испытуемый не произнесет слово вслух. И это служит наглядным подтверждением давней нейрофизиологической гипотезы о двух стадиях памяти.

Она гласит, что всякий новый стимул, подлежащий запоминанию (или удержанию в памяти на определенное время), проходит стадию кратковременной памяти, связанной с более или менее длительной активностью соответствующих нейронных ансамблей — активностью, которая необходима для того, чтобы стимул был «затвержен» и перешел в долговременную память. А когда он становится достоянием долговременной памяти, в такой активности уже нет нужды. Вот почему «электрический портрет» хорошо знакомого слова пропадает, едва появившись на

экране, и возникает снова лишь к моменту ответа, когда слово надо произнести вслух.

Но если это так, если наша память на слово складывается из подобных «портретов», причем каждому слову соответствует свой «портрет», то сколько же должно существовать таких узоров? Может быть, у нас в мозгу имеется более экономный способ запоминания и воспроизведения?

Как известно, всякое слово складывается в письменной речи из букв, а в устной — из звуков. Причем кроме отдельных звуков, лингвисты выделяют еще и фонемы — звуки речи, способствующие различению значений слов и их грамматических частей. Иначе говоря, звуки, которые нельзя заменить другими, без того чтобы не изменился смысл слова. Сравните такие слова, как «род» и «рад» или «год» и «гад»: замена фонемы «о» фонемой «а» совершенно меняет смысл слова.

Врач, например, произносит немецкое слово «Bohen» и просит испытуемого, который слышит это впервые, повторить его вслух (звучит оно приблизительно как «бозн»). Затем испытуемому сообщают, что в переводе на русский это «арка». Когда в следующий раз экспериментатор снова произносит слово «Bohen», в разрядах нейронной активности, проанализированной ЭВМ, отчетливо выявляются признаки фонемы «а». Откуда она взялась? Ведь в слове «Bohen» ее нет. Оказывается, она есть в слове «арка». Пациент немецкого языка не знал, но запомнил смысл слова и, услышав его, тотчас же мысленно перевел на русский. В его сознании прозвучало «арка», и фонема «а» отразилась в рисунке активности нейронов.

Следовательно, слова могут отражаться в нашем мозгу «пофонемно» — в виде отдельных слогов и более крупных блоков, особенно если эти слова употребляются часто, то есть принадлежат к активному нашему словарю. И подобно тому, как из ограниченного количества звуков и букв складываются тысячи слов устной и письменной речи, так и из ограниченного количества подобных простых «блоков» складывается в ответ на различные слова сложный узор импульсной активности, узор, описывающийся на фонемах.

На это же указывают и эксперименты с омонимами. Что это означает? Вспом-

ним: слова, которые мы произносим, отличаются не только по звуковым характеристикам, но и по смыслу. Однако бывает, что они различаются только по смыслу, который становится нам ясен из контекста. Это и есть омонимы. Мы, например, говорим «коса острая» и «коса русая», «дверной ключ» и «ключ прозрачный», и при этом совершенно различные образы встают перед нами. Как же смысловые характеристики слова отражаются в импульсной активности нейронов различных мозговых структур? Оказалось, что на любую «косу» и на любой «ключ» некоторые структуры мозга реагируют одинаково — их «интересуют» только акустические характеристики, только фонемы.

Значит, нейроны мозга равнодушны к смыслу? Задавшись этим вопросом, исследователи решили изменить методику. В ответ на перечисление однородных предметов испытуемый должен был называть обобщающее понятие: например, на слова «чашка, блюдо, тарелка, миска» ответить: «посуда», на слова «стол, стул, шкаф, табуретка» — «мебель». Далее следовала более сложная задача — строить в определенное смысловое поле, сформированное на основе жизненного опыта, новое слово. Такими новыми словами были квазислова, то есть слова искусственные, лишённые смысла, но построенные по всем правилам языка.

Экспериментатор перечислял сначала цветы, потом деревья и в каждое перечисление вставлял квазислово «квивна». «Роза, — говорил он, — фиалка, ромашка, пион, незабудка, квивна, астра, мак». Затем: «Клен, осина, береза, граб, ясен, квивна, ольха...» И все это время приборы регистрировали импульсную активность нейронов. Потом испытуемого спрашивали, какие названия цветов или деревьев были ему неизвестны. Он, естественно, называл «квивну». И когда ЭВМ затем анализировала запись этой импульсной активности, то оказывалось, что паттерн слова «квивна» состоял из элементов, свойственных паттернам всего смыслового поля, образуемого названиями цветов и деревьев. Иначе говоря, столкнувшись с новым словом, мозг непроизвольно причислял его к той категории предметов,

в ряду которых оно фигурировало. И это была не совсем бессмысленная реакция: сработала ассоциация по смежности.

Однако исследователям все-таки нужно было увидеть больше смысла в этой реакции на квазислово. А для этого оно должно было само приобрести смысл. «Квивна — редкий тропический цветок», — объяснил экспериментатор. И что же? Включенное теперь в определенный смысловой ряд, квазислово вызвало более специализированный паттерн. В нем уже не было элементов, свойственных названиям деревьев, остались и усилились элементы, присущие только цветам. В итоге ответная реакция стала вполне осмысленной — мозг безошибочно узнал и воспроизвел в памяти вновь усвоенное понятие. А это означает, что нейроны реагируют не только на акустику, но и на смысл! Все зависит от контекста и от задачи.

Можно ли на основании этих исследований дать сегодня исчерпывающий ответ на вопрос, что же происходит в нашем мозгу, когда мы слышим и опознаем слово, когда произносим его, когда совершаем более сложные мыслительные операции? Нет, отвечают ученые, пока еще нельзя. Но дать предварительный ответ, подвести первые итоги уже возможно.

Итак, в ответ на отдельное слово, включенное в элементарную психологическую пробу, в коре и в высших подкорковых отделах мозга меняется частота импульсных разрядов нейронов и сама структура импульсного потока. Меняется также характер взаимодействия между клетками в пределах рабочего ансамбля и между целыми звеньями функциональных систем, обеспечивающих мыслительную деятельность. При этом в основе деятельности и группы клеток и функциональной системы лежат одни и те же пространственно-временные перестройки активности нейронов, составляющих популяцию, ансамбль или систему. Исследователи видят уже «реальность словесных обозначений» — на слово откликается не таинственная и неосознаваемая душа, а вполне материальный субстрат психики — наш мозг.

Л е н и н г р а д

СОЖЖЕНА КАК ВЕДЬМА

Времена инквизиции давно прошли, но зловещие следы ее деятельности обнаружить можно и сейчас. Одно из красноречивых доказательств этого — надгробный камень в юго-западном районе округа Галле (ГДР). На нем сохранилась надпись: «В июне 1562 года здесь сожжена девка, которая была ведьмой».

Ведьма, колдунья по древним народным поверьям — женщина-служительница дьявола, якобы обладающая сверхъестественной способностью вредить людям и животным. Вера в ведьму зародилась еще в период разложения первобытно-общинных отношений. И в средневековой Европе христианская церковь, смотревшая на женщину как на существо от природы более греховное, чем мужчина, всячески поддерживала и усиливала это суеверие. Сотни тысяч ни в чем не по-

винных женщин были сожжены как ведьмы на кострах инквизиции.

ПОСЛАНЕЦ ДЕВОНА

Недавно в районе Коморских островов группа молодых японских ученых во время научно-исследовательских работ выловила гигантскую рыбу из семейства кистеперых. Она имела парные плавники, служащие для опоры о дно. Они представляют собой мускулистые лопасти со скелетной осью, состоящей из нескольких кистеобразных разветвляющихся сегментов, подобных костям конечностей четвероногих позвоночных. У рыбы — два коротких спинных плавника.

Считалось, что такие обитатели морских глубин вымерли миллионы лет назад, но оказалось, они еще живут. Редкий экземпляр представителя животного мира девонского периода весил 85 килограммов

и имел в длину 175 сантиметров. В замороженном виде его доставили в Японию и выставили для всеобщего обозрения.

ВЕЛИЧИНОЙ С ДОМ!

Волны величиной с дом, говорим мы нередко, и это даже стало своего рода штампом. Ну, хорошо, допустим, что с домом. А с какой? Ведь уходят в прошлое те времена, когда даже двухэтажный дом был чуть ли не в диковинку. Нас сейчас и десяти- и двенадцатитажными не удивить.

А бывают ли волны такой величины? Морские давно уже говорили: бывают! И все же их утверждения вызвали сомнения. Но недавно английские океанографы провели соответствующие опыты. Что же оказалось!

Одна волна из двадцати трех, как пишут ученые, вдвое больше обычной. Одна из тысячи ста семидесяти пяти — втрое боль-

ше, одна из трехсот тысяч достигает высоты в двадцать и даже в тридцать метров.

Судя по рассказам очевидцев, именно такая огромная волна в мае 1973 года сильно повредила к югу от Дурбана большой современный корабль «Бенкруган» водоизмещением в двенадцать тысяч тонн. Подобная же волна отправляла на дно танкер «Уорлд Глори» водоизмещением в двадцать восемь тысяч тонн. Известны и другие случаи.

Значит, тридцать метров! Однако и это не предел... Экипаж американского корабля «Рампо» еще в 1933 году видел волну, высоту которой определили в тридцать четыре метра. Действительные размеры стихийных явлений в природе зачастую значительно превышают те, которые описываются иногда даже в различных религиозных мифах. Тут религиозная фантазия нередко оказывается беднее реальной действительности.

«ВОЗНЕСЕНИЕ»

МЛАДШЕГО СЕРЖАНТА

Ф. ЗИННУРОВ,
кандидат
философских наук

КОГДА Я, постанывая на каждом шагу и из последних сил удерживаясь на ногах, добрался до медсанбата, врач осмотрел мои раны и сказал: «Счастливчик! Чудом остался жив!» Счастливчик! Острая боль, начинающаяся где-то в плече, у основания шеи, пронзала все тело при каждом движении. Правая рука безжизненно висела, на левой едва двигались пальцы. Боль охватывала горло, и вместо голоса раздавалось сипенье. Пропитанные кровью рубашка, гимнастерка и шинель прилипли к спине.

Пока меня «обрабатывали», стемнело. В медсанбатовской палатке зажгли коптилку. Я опустился на солому в углу палатки и погрузился в полубезумие. Так начались недели и месяцы госпитальной жизни. Времени для размышлений было много, и я часто возвращался мыслями к тем странным ощущениям, которые испытал в день ранения — 26 октября 1943 года.

В то утро мы выбивали противника из большого села под Могилевом. Медленно, под сильным минометным и пулеметным огнем, продвигались мы по полю. Потом дружно поднялись и побежали вперед, стреляя из автоматов и ручных пулеметов. Гитлеровцы не выдержали: выскочили из окопов, начали отходить к селу. Наш взвод занял линию траншей и большой блиндаж. А фашистские солдаты суетятся на окраине села, готовятся к обороне. Вижу, что из автомата их не достать, беру у солдата своего отделения винтовку и выбираюсь из траншеи. Упираюсь ногой в ее край и откинувшись спиной к брустверу, тщательно, как на стрельбище, прицеливаюсь и стреляю.

...Второй, третий, четвертый выстрел. Пятого я сделать не успел. Что-то огромное, мощное, черное смело меня с бруствера и кинуло во мрак, что-то острое пронзило насквозь. Потом наступили блаженная тишина и покой и я почувствовал, что стремительно лечу вверх в беспредельном синем просторе. Но почему я лечу? Может, подбросило взрывом? Непохоже — очень уж высоко. Чувствую, как напряженно раскинуты в стороны руки и ноги и весь я какой-то одеревеневший. Наверное, я убит и лечу к небесам! Неужели все эти сказки о душе, которая возносится на небо, правда? Но я же чувствую, что возносится не одна душа, а и тело, и возносится во всем обмундировании.

Мысль о том, что я убит, не вызвала чувства страха, отчаяния или ужаса.

В сознании начали проноситься эпизоды из тогда еще очень короткой жизни. Стихим сожалением я расставался с прошлым и только один образ больно отзывался в сердце: «Мама! Как она перенесет известие о моей смерти!»

Внезапно чувство покоя и отрешенности сменилось ощущением дикой боли, будто через позвоночник стали протягивать шершавый пеньковый канат. Я снова провалился в темноту. Потом услышал голоса, кто-то сказал: «Да не трогай ты его, он уже готов».

Рисунок С. Чернышева.

Хочу крикнуть: «Я жив, жив! Помогите мне!» Но ни гортань, ни язык, ни губы не двигаются. Ужас охватывает меня: неужели я останусь в этой темноте!?

Затем я почувствовал, что кто-то тянет меня за руку, увидел прямо перед глазами дно и песчаную стенку траншеи. Она двигалась вниз, а моя голова, задевая носом за нее, поднималась вверх. И вот я уже сижу, прислоненный к стенке. Вижу солдата, который меня поднял, других бойцов и все пытаюсь сказать, что я жив, жив! Но они поняли это сами, начали перевязывать рану на шее.

Видимо, на какое-то время я был полностью парализован, а потом в определенной последовательности жизнь стала возвращаться. Сначала слух, потом зрение, потом способность говорить. Ожили мышцы туловища. А до ног дело еще не дошло. С удивлением я смотрю на них: хочу согнуть, а они неподвижно лежат передо мной. Но вот я уже могу пошевелить пальцами, потом ступней. Проходит несколько минут, и я с помощью товарищей поднимаюсь на ноги. Руки висят как плети, а к правой невозможно прикоснуться: сразу же — раздирающая боль.

Когда фашисты были выбиты из села и бой затих, товарищи вывели меня из блиндажа, показали, в каком направлении идти к медсанбату, и я пошел. Каким чудом я прошел эти четыре или пять километров, не знаю.

В медсанбате выяснилось, что пуля немецкого снайпера, скользя по подбородку, вошла чуть правее «адамова яблока» и вышла у самого основания шеи сзади, с правой стороны. Побыв потом в госпиталях несколько месяцев, я нанидался такого, что мой, как говорят медики, «случай» показался мне просто пустяком. В каких только направлениях не пробивали пули голову, и человек оставался жив! Расспрашивать, что испытывали эти люди во время ранения, я, к сожалению, не догадался.

Кончилась война, все реже вспоминалось пережитое при ранении. Но вот однажды «полет» напомнил о себе неожиданно и очень неприятно. В тот день я засиделся над книгой и поздно лег спать. И увидел сон: мое застывшее, окоченевшее тело, как будто плотно спеленутое, несет какая-то сила. Я лечу, но не вверх, а над самой землей. Иногда эта сила начинает меня крутить, и осью вращения становится прижатая к земле шея, а голова и туловище как бы отогнуты вверх. Испуганный, я проснулся, но с еще большим страхом обнаружил,

что пробудилось только сознание, а тело неподвижно и неподвластно мне. Хочу подняться и не могу, не могу пошевелить ни рукой, ни ногой, ни головой, не могу даже открыть глаза. Меня охватил ужас. А если перестанет работать и сердце, прекратится дыхание? Хочу крикнуть, позвать на помощь, но крикнуть не могу — голоса нет. Когда отчаяние достигло предела, я вдруг вырвался из этого оцепенения, обрел голос и способность двигаться. Долго я лежал, приходя в себя и не решаясь снова заснуть.

Время от времени такие пробуждения повторялись; я заметил, что они всегда следовали после сильного утомления. Но страх быть погребенным заживо в собственном теле стал постепенно уменьшаться. Каждый раз сознание мое начинало лихорадочно искать выхода из положения. И выход был однажды найден. Для начала нужно было привести в движение хотя бы один палец на ноге или на руке. Потом, постепенно увеличивая амплитуду раскачивания, распространять движение дальше, пока не начнет раскачиваться вся нога или рука, а потом и туловище. Еще одно усилие — поворачиваешься весь, и оцепенение отпускает. Я заметил также, что, находясь в таком состоянии, начинаю все больше и больше воспринимать, что в это время совершается вокруг меня. Жил я тогда в студенческом общежитии. И вот, борясь со своей неподвижностью, я слышу, как мои товарищи по комнате, засидевшись за полночь, разговаривают друг с другом. Я кричу им — они не слышат. Потом я начал и видеть их! Я видел, кто где сидит, что делает, видел и всю обстановку нашей студенческой комнаты.

То, что я слышу голоса моих товарищей, меня не удивило. Но как же я их вижу? Я предположил, что глаза мои, после того как пробуждается сознание, открываются, только я как бы не чувствую этого. Но каким образом мне удавалось видеть комнату не так, как должен был видеть лежащий на кровати человек, да еще повернувшийся к стене?

Как бы то ни было, я пришел к убеждению, что эти периодические пробуждения — последствия ранения. С высоты своих «медицинских познаний» (я учился на философском факультете Московского университета) я объяснил эти явления тем, что рубцы от раны давят на сонную артерию или на какой-нибудь нерв, по которому идет команда от мозга к телу. Все понятно, а значит, и бояться особенно нечего: в конце концов, мне всегда удавалось выкарабкаться из этого состояния...

Совсем я было успокоился и почти перестал обращать внимание на приступы оцепенения, но однажды со

мною приключилось нечто неожиданное и странное. Проснувшись, я как это уже бывало, обнаружил, что тело не подчиняется мне. Товарищи мои занимают каждый на своем обычном месте. Докричаться до них мне, как всегда, не удается. Прибегнув к своему обычному способу раскачивания, я вывожу себя из оцепенения, поднимаюсь, прихожу в себя, начинаю что-то делать, что-то говорю. И вдруг — просыпаюсь еще раз! Вижу, что лежу в постели, что все кругом спят, а время — далеко за полночь. Никак не могу поверить, что все только что происходившее, я видел во сне. А борьба с неподвижностью — что это, просто кошмарный сон? Но я ведь прекрасно сознавал, что просыпался, понимал свое состояние, сознательно выводил себя из него, рассуждал и действовал вполне разумно. И это было много раз! Да и то, что я видел при первом пробуждении, было так обычно, буднично, естественно. Без всяких фантазий и выкрутасов, присущих сновидениям.

Двойные пробуждения повторялись несколько раз. Я не успел еще к ним привыкнуть и перестать им удивляться, когда мозг мой выкинул новый фортель. Однажды, в очередной раз выбираясь из оцепенения, мне удалось докричаться до товарища, спавшего на соседней кровати. Он встал, подошел ко мне, помог подняться. А потом... я проснулся еще раз и увидел, что товарищ мой продолжает безмятежно спать.

Обо всех этих ощущениях я вспомнил года два назад, когда в нашей печати была подвергнута критике попытка некоторых буржуазных ученых сделать вывод о возможности существования сознания «после жизни», то есть о возможности существования «загробного мира». Обстоятельная и хорошо аргументированная статья на эту тему была опубликована и в «Науке и религии»¹. Когда я читал ее, меня поразило совпадение некоторых ощущений, о которых рассказывали возвращенные из состояния клинической смерти люди (их рассказы и послужили основанием для идеалистических спекуляций и «доказательств» загробного существования), с тем, что пережил я сам во время ранения. Через некоторое время в руки мне попал один из номеров западногерманского журнала «Бунте иллюстрирте», (1978, № 22). Статья на ту же тему, помещенная там, — замечательный образец логических передержек, используемых для того, чтобы подsunуть неискушенному в логике читателю идею потустороннего.

Сам я много лет преподаю логику, самую простую, элементарную, формальную; и параллельно — основы научного атеизма. Может быть, имен-

но поэтому мне часто приходилось замечать, что неумение логично рассуждать и трезво мыслить непременно связано со склонностью к различного рода суевериям, предрассудкам, слухам и сенсациям. Конечно, и элементарная логика вместе со здравым смыслом, бывает, испытывает затруднения, и тогда ей на помощь приходится звать и диалектику, и весь опыт естествознания. Но в любом случае, если вы дадите явлению объяснение, в нем должны сходиться концы с концами. А этого как раз и не смогли сделать в «Бунте». Об этом не стоило бы говорить, если бы с подобными рассуждениями я не сталкивался в своей практике. Вот почему мне и захотелось дополнить размышления А. Черняховского и тех, кого он интервьюировал, своими наблюдениями.

Итак, статья в «Бунте». Статья не подписана. Заголовок такой: «Сообщение о явлениях, которые ученые не могут объяснить, но не могут и отрицать. Таинственный мир мертвых». «Не могут объяснить» — но в самой статье говорится о двух группах ученых и двух способах объяснения тех ощущений, о которых рассказывают люди, находившиеся в состоянии клинической смерти. Одни ученые объясняют эти ощущения естественными, материальными причинами. Эти объяснения журнал отвергает! Ему импонируют те ученые, которые объясняют загадочные явления при помощи сверхъестественных причин. Уже предвзятость, а логика и здравый смысл отодвинуты в сторону.

А что значит «не могут отрицать»? Ученые не отрицают ни бредовых видений больного человека, ни наркотических галлюцинаций, ни реальные обычные сновидений. Не отрицают они и того, что боги, ангелы, а также всякая нечистая сила «являлись» верующим людям и иногда «являются» сейчас. Но одно дело реальное, не зависящее от человека существование сил небесных или дьявольских, а другое — существование их в одном лишь воображении человека — верующего или суеверного. Автор статьи в «Бунте» подготавливает читателя к мысли, что ученые не отрицают существования именно «таинственного мира мертвых». Чтобы закрепить эту мысль, он утверждает, что «вера в потустороннюю жизнь после смерти — теперь не только принадлежность религии, не только мечта спиритов и оккультистов, но и предмет исследования науки». Снова подмена понятий! Да, вера в потустороннюю жизнь, — сам факт веры как явление психологическое и социальное, — всегда была предметом научного исследова-

¹ См.: А. Черняховский. За гранью науки. «Наука и религия», 1980, № 2.

дования, но — вера, а не сама потусторонняя жизнь! А у «Бунте» получается, что объектом исследований становится именно загробный мир. Чтобы это произошло, наука должна признать его реальность. Но это, как известно, не так: для науки реальностью является сама вера, а не то, во что верят.

Наука может ставить и ставила не раз задачу выяснить, существует или существовало когда-нибудь то или иное явление в действительности. Ученые занимались поисками Атлантиды, снежного человека, «летающих тарелок», чудовища озера Лох-Несс и так далее; по поводу каждого из этих явлений существует немало гипотез. Что же касается загробного мира, то на этот счет у науки нет и не может быть никаких гипотез, ибо факты, которыми она располагает, свидетельствуют о том, что искать этот мир все равно, что строить вечный двигатель.

Более сложный «коктейль» из понятий приготовлен в следующем абзаце статьи: «Сегодня, когда многие люди, о которых известно, что они находились в состоянии клинической смерти, снова возвращаются к жизни, мы получаем все больше информации о том, что они переживали в момент смерти и непосредственно после нее». Здесь медицинский термин «клиническая смерть» подменяется обыденным, древним, как сама жизнь, словом «смерть». Автор говорит о «моменте смерти» и тут же делает совсем небольшой шаг через границу, отделяющую жизнь от смерти, и одновременно перешагивает через логику. Как могут предсмертные видения доказывать существование чего-либо после смерти, пусть даже непосредственно после нее?

Ученые-реаниматологи, как об этом уже говорилось в статье А. Черняховского, полагают, что упомянутые ощущения и видения относятся к моменту, предшествующему клинической смерти, а не к ней самой, не к «моменту смерти» в обыденном смысле слова и тем более не к моменту «непосредственно» после смерти. К сожалению, сам термин «клиническая смерть» дает повод для логических спекуляций: одни забывают, а другие (в том числе, очевидно, и автор статьи в «Бунте») сознательно умалчивают о том, что «клиническая смерть» — это на самом деле «клиническая жизнь» — еще жизнь, а не смерть!

Дальше в статье о «таинственном мире мертвых» обращается внимание на то, что все свидетельства реанимированных удивительно сходны, откуда бы они ни поступали — из Америки, Европы или Азии. Затем перечисляется, что именно видят, слышат и ощущают во время клинической смерти и «после» нее. В статье А. Черня-

ховского и в других публикациях уже перечислялись эти ощущения и подчеркивалось, что не так уж они похожи друг на друга, если специально не игнорировать различия. Но, допустим, что они действительно однотипны. Делать из этого факта вывод, что виденное действительно существует, так же не логично, как из сходства сновидений (а в них ведь тоже много сходного у разных людей, и наука, кстати, это объяснила) заключать, что реально существует какой-то особый мир снов, куда попадают спящие. Рассказывают, что было племя, представители которого брали друг у друга взаймы, обещая отдать долг «на том свете». С тех пор наука ушла далеко вперед.

Автор статьи в «Бунте» утверждает, что нельзя, ссылаясь на известные, материальные причины, объяснить такие «посмертные» ощущения, как «чувство покоя и блаженства и прежде всего то, что уже умершие друзья и родные ожидают умирающего и сопровождают его в потусторонний мир». Естественных причин нет, остаются, выходит, сверхъестественные... Но разве эти ощущения нельзя объяснить? Тот, с кем когда-нибудь случался обморок, знает, что, перед тем как теряется сознание, бывает момент, когда будто сваливается тяжесть с души и всего человека охватывает блаженство. Те же ощущения испытывают иногда люди в начале эпилептического припадка, когда механизмы мозговой деятельности перестраиваются на иной режим (все это прекрасно описано Достоевским в «Идиоте»). Что же касается содержания предсмертных видений, то в них нет ничего такого, чего бы не мог увидеть во сне здоровый человек, а тем более больной в бреде или умирающий в агонии. Кто не видел во сне умерших друзей и родных? Иногда они сопровождают нас куда-то, иногда — мы их. Потом мы возвращаемся к жизни, а они — остаются — в нашей памяти и, значит, в наших снах.

Мое состояние после попадания пули и до «прихода в себя», конечно, не было клинической смертью. Насколько я понимаю, из клинической смерти нельзя выбираться самостоятельно, без специальной помощи извне. Но думаю, что мой случай как раз и может служить одним из аргументов, показывающих несостоятельность попыток связывать упомянутые видения с клинической смертью и тем более с пребыванием в «загробном мире» или в его преддверии.

Будучи ранен пулей, прошедшей возле важных нервных узлов, но не повредившей их, я испытал почти все ощущения, которые считаются привилегией клинической смерти. Что же говорить о тех, кто был между

жизнью и смертью дольше меня и по причинам куда более серьезным! Ясное дело, они могли «насмотреться» и большего. Кстати, о длительности пребывания в «загробном мире». Описания путешествий в мир иной отличаются эпической неторопливостью, видимо, соответствующей ощущениям. В рассказах возвращенных к жизни «душа» медленно расстается с этим миром, наблюдает, что происходит у смертного одра, долго осмысливает события, потом постепенно начинает удаляться, и так же неторопливо проходит встреча с родными и знакомыми. Все это напоминает повторный, замедленный показ по телевидению забитого гола. Видимо, у человека меняется субъективное ощущение времени.

Я не знаю, конечно, сколько прошло времени от попадания в меня пули до того, как я очнулся. Но естественно предположить, что солдат, бывший рядом со мной, бросил меня поднимать сразу же, как только я свалился вниз. Тогда весь мой «полет» к небесам продолжался те доли секунды, когда я падал с бруствера на дно траншеи. Такие же доли секунды истинного, физического времени, судя по всему, и длились видения реанимированных.

А теперь вернемся к моим снам и пробуждениям. Обратите внимание на поразительно реалистический характер образов и ситуаций, которые создавались в мозгу в этих состояниях. Похоже на то, что люди, находившиеся в состоянии перехода к клинической смерти, «видели» врачей, родных и друзей так же, как и я «видел» окружающее во время своего полусна. Понятно также, почему «душе» (если иметь в виду лирико-поэтическое содержание этого термина) не удастся вступить в контакт с теми людьми, которых она видит после того, как уже «покинула тело». Каждому, кто видел сны, известно, что их содержание не подчиняется нашей воле. Мы часто видим во сне то, что предпочли бы не видеть: теряем какие-то вещи, опаздываем на работу, на поезд, на самолет, забываем что-то очень важное, видим что-то страшное, не находим очень нужное, не можем убежать или не можем догнать, не можем сказать или сделать что-то необходимое.

Ну, а если исходить из религиозно-мистического понимания души, то получаются сплошные неувязки. Как рассказывается в «Бунте», душа не понимает сразу, что тело, в котором она пребывала, умерло, и продолжает вести себя как ни в чем не бывало. Уже отлетев от тела, она пытается заговаривать с людьми и даже коснуться их. А разговаривать и касаться уже нечем — тела нет! И потолкавшись немного среди людей, она начинает возноситься в иной мир.

Странная непонятливость у «бес- смертной души»!

Сознание 18-летнего юнца, каким я был тогда, в октябре 1943-го, сразу лихорадочно начало искать объяснения тому, что произошло с его телом и душой, и сразу же выдвинуло две «гипотезы». И я склонен снисходительно отнестись к тому, что одна из них не была материалистической: юнец есть юнец. Могло ли его сознание, на долю которого пришлось тяжкие испытания, спокойно, со стороны анализировать происходящее? Другое дело — «душа». Ее ведь нельзя ранить (не в поэтическом смысле — «ранить в самую душу»), нельзя прострелить. Временная обительница тела, она должна вроде разбираться, что к чему. Не бездумная же это бабочка, порхающая от одного тела к другому.

О порхании я говорю не для красного словца. В разбираемой статье несколько абзацев посвящено случаям «самовольного вселения» душ давно умерших людей в тела живущих. Я бы назвал это «эффектом двоедушия», потому что собственная душа человека продолжает обитать в своем теле. Как вам понравится, например, такая история?

«...Эдвард Райэл почувствовал, как чья-то невидимая холодная рука провела по его щекам. Он хотел продолжить свою работу, как вдруг услышал совсем рядом голос, который на староанглийском языке сказал ему: «Осторожно, дорогой!.. Не надо дальше... Не надо дальше...» Райэл испуганно оглянулся вокруг. Никого нет...

Перед этим он, унтер-офицер корпуса связи британской армии, направлял все свое внимание вверх, на ветви деревьев, стараясь протянуть по ним при помощи шести телефонный кабель. Теперь он взглянул под ноги и оторопел: в двух шагах от него была натянута над землей проволока. К ее концу был прикреплен взрыватель противопехотной мины, наполовину присыпанный землей».

Далее рассказывается, что таинственный голос, спасший от гибели Райэла, принадлежал душе человека по имени Джон Флетчер, который жил в Англии в XVII веке и был женихом некоей красавицы Сесилии. Об этом рассказала Райэлу сама душа Флетчера, вселившаяся в унтер-офицера, а Райэл поведал об этом как-то после войны своим приятелям, сидя с ними в уютном кабачке за кружкой пива. Автор статьи уверяет, что Райэл очень правдивый парень...

Поведение второй души Райэла вызывает не только логические, но и, если можно так сказать, психологические недоумения. Зачем душе, если уж ей посчастливилось попасть в потусторонний мир, где так светло и красиво, где кругом старые друзья и милые родственники, снова опускаться на грешную землю и ютиться

в чужом теле, деля его с законной душой? Где обитала душа Джона Флетчера до 1945 года и как она попала в Италию, где воевал Эдвард Райэл? Если эта душа изъяснялась только на староанглийском, то логично предположить, что и все ее знания остались на уровне XVII века. Откуда ей тогда было знать о противопехотной мине, тринитротолуоле и телефонной связи? Если душа Джона Флетчера могла сверхъестественным образом перенестись через три столетия и из Англии в Италию, если она знала все и могла все, то почему собственная душа Райэла ничего не видела и не могла предупредить его об опасности? Если душа Флетчера могла общаться с Райэлом и даже касаться его, то почему отлетающие от тела души не в состоянии вступить в контакт с теми, кто находится у смертного одра? А как было бы хорошо! Душа могла бы давать советы врачам и реаниматорам — ей же лучше знать, что происходит с телом...

Напоследок автор статьи уведомляет читателя, что «сообщения из потустороннего мира, которые мы получаем благодаря развитию врачебного искусства, загадочным образом совпадают с учением «Тибетской книги мертвых», написанной мудрыми ламами более тысячи лет назад». Допустим, что совпадают, но при чем здесь врачебное искусство? Разве это оно возвращает душу обратно? Согласно всем свидетельствам, душа, уже начав странствовать в потустороннем мире, вдруг слышит «зов» и понимает, что срок еще не настал и ей нужно возвращаться.

Реанимация превращается в какой-то водевил! Врачи стараются изо всех сил, делают переливание крови, подключают искусственные органы — сердце, легкие, печень, почки, приводят в действие электрофибриллятор, чтобы сердце забилося снова. Душа же, понаблюдав некоторое время за этой суетой, тихо выскальзывает из тела и отправляется в «таинственный мир мертвых». А врачи там, на земле, продолжают бороться за жизнь, пока еще есть надежда... И вот душа в самый разгар встречи с умершими родственниками и друзьями, вдруг возвращается назад. Почему? Вернули ее врачи — тогда при чем тут «зов»? А если «зов», то бессмысленно заниматься реанимацией, налаживать службу экстренной помощи, создавать специальные клиники и вообще развивать врачебное искусство. Надо только прислушиваться к «зову». Признание «зова» приводит нас к такому абсурду, с которым не согласится, я думаю, ни один верующий на свете. Разве найдется хоть один человек, который в серьезном положении отказался бы от врачебной помощи?

г. Симферополь

Комментарий
невролога

ТРОЙНОЕ ПРОБУЖ- ДЕНИЕ

Автор статьи «Вознесение» младшего сержанта сопоставляет «потусторонние» ощущения людей, возвращенных к жизни реаниматорами, с «посюсторонними» ощущениями, которые возникают при некоторых нарушениях сна и бодрствования. Правоммерно ли такое сопоставление? Что представляют собой эти нарушения и что кроется за ними?

Об этом нашему корреспонденту С. И в а н о в у рассказывает профессор Первого московского медицинского института, доктор медицинских наук Александр Моисеевич ВЕЙН.

Сопоставление, безусловно, правоммерное. Не случайно, почти всякую «потусторонность» сравнительно легко удается свести к «посюсторонности» — к переменам в биохимии мозга, к переходу той или иной его системы на новый режим работы, а эти перемены связать с конкретной физической травмой или психическим шоком. Едва ли не все «чудеса», которые комментирует Ф. Зиннуров, относятся к разряду так называемого неполного сознания.

Сознание потеряно не целиком, остается щелочка; иногда она побольше, иногда поменьше, но она есть, и благодаря этому восприятие человека раздваивается. Он и галлюцинирует, переживает волшебные приключения, и вместе с тем как бы смотрит на себя со стороны, даже анализирует свои видения, размышляя иногда вполне здраво.

В таком состоянии с людьми происходят поразительные вещи. За какие-нибудь доли секунды человек может прожить целую жизнь; растянутое во времени событие — дело здесь обычное. Еще в XVIII веке по рассказам тех, кто чудом спасся при кораблекрушении, врачи составили себе ясное представление о так называемой гипермнезии утопающих: за те короткие мгновения, пока человек погружался в пучину, перед его глазами проходила вся его жизнь и при том с такими подробностями, которые он до этого ни разу не вспоминал. Каков психологический и физиологический механизм подобных ощущений, еще не ясно, но можно уверенно сказать: со временем врачи разберутся в нем, как разобрались в менее экзотических проявлениях «неполного сознания», встречающихся при нарушениях сна и бодрствования.

Проявления эти известны давно. Первые их подробные описания, а также описания связанных с этими явлениями нарушений структуры «бодрствование — сон» принадлежат в основном врачам, но бывало, что первооткрывателями становились и люди, далекие от медицины, — например писатели. Тут главное — наблюдательность, умение распознать характерные черты патологии и точно рассказать лишь то, что видел, пережил сам или слышал от других, кому это пережить довелось. Только это и ничего больше. С такой точки зрения самонаблюдения Ф. Зиннурова, конечно же, весьма достоверны и ярки. Вполне очевидно, что, несмотря на давность событий, память его подводит не слишком.

Но мы упомянули писателей. Автор «Вознесения» может гордиться замечательными предшественниками: Гоголь, Достоевский, Диккенс. Достоевского он сам вспоминает, сопоставляя ощущения реанимированных с описанными в «Идиоте» переживаниями человека в начале эпилептического припадка. В этот же ряд, по признаку «неполного сознания», можно отчасти поставить и особого типа «галлюцинации засыпания». О них прекрасно рассказано в последней части «Преступления и наказания», где Свидригайлов, пытаясь заснуть, чувствует, что в постели у него мышь, бросается ловить ее — и... просыпается.

Свидригайлову кажется, что он бодрствует, а в действительности он спит, находится уже весь в «неясных видениях первосонья». Видения его, правда, неприятны, отвратительны, но таков уж характер этих галлюцинаций засыпания — одной из примет нарколепсии (буквально «взятие в оцепенение»). Вообще нарколепсию причисляют к нарушениям бодрство-

вания: человек целый день клюет носом. Но у него при этом нарушается и сон, разлагается вся эта система.

Галлюцинации могут быть одним из симптомов нарколепсии, но могут при определенных обстоятельствах быть и явлением вполне самостоятельным. Обстоятельства эти — чаще всего нервное перевозбуждение, нервная усталость. У Свидригайлова нарколепсии нет, он возбужден, и даже слишком: собирается покончить с собой и от этого явно «не в себе».

Другой симптом нарколепсии тоже может вести самостоятельную жизнь. Это так называемая катаплексия пробуждения: человек уже проснулся, но ни рукой не может пошевелить, ни слова произнести. В его мышцах нет тонуса. Состояние жутковатое, особенно после тяжелых сновидений, но, к счастью, если это не нарколепсия, от него можно сравнительно быстро избавиться. В той или иной степени катаплексию пробуждения испытывал каждый человек. Возможно, с нею связано и довольно распространенное сновидение: хочешь бежать, а ноги будто к земле приросли, и крикнуть невозможно. Такую катаплексию, доведя ее, правда, до гомерических размеров, описывает Гоголь в «Портрете».

Художник Чартков приносит домой купленный им портрет старика. Утомленный событиями дня и невеселыми размышлениями о своей бедности, вместе с тем взволнованный необыкновенной натуралистичностью портрета, он ложится спать, закутав портрет простыней, чтобы глаза старика не глядели на него. И вдруг — простыни нет, старик выходит из рамы и приближается к нему! «Чартков силится вскрикнуть и почувствовал, что у него нет голоса, силится пошевелиться, сделать какое-нибудь движение — не движусь членый». Не правда ли, похоже на описанное в «Вознесении» младшего сержанта? Но вот Чартков сделал усилие, вскрикнул — и проснулся. Неужели это был сон? Чартков замечает, что не лежит в постели, а стоит перед портретом и что черты старика двинулись, а губы стали выпячиваться к нему. «С воплем отчаяния отскочил он — и проснулся». Кошмар повторяется трижды, и трижды просыпается Чартков.

Долгое время такое пробуждение представлялось лишь порождением фантазии гениального писателя — пока в 1877—1880 годах не появились первые описания нарколепсии и не стало постепенно выясняться, что Гоголь только приукрасил (да и то не очень) подлинное явление. Несомненно, он сам переживал если не тройное, то двойное пробуждение.

Видимо, испытывал его и Ф. Зиннуров, и не однажды. Описано у него все точно и живо, в одном только он, пожалуй, ошибается: его катаплексия вряд ли была связана с ранением. Он сам пишет, что его пробуждения всегда следовали после сильного утомления. Это, конечно, ближе к истине: утомление в сочетании с повышенной возбудимостью может вызвать такую аномалию. Но что за ней кроется, что происходит при этом в мозгу?

Неврологи разобрались в данном вопросе неплохо.

Как известно, сон человека имеет две фазы — медленную и быструю. Названия эти связаны с характером электрических потенциалов мозга: во время медленного сна приборы регистрируют медленные волны, во время быстрого — быстрые. Установлено, что во время быстрого сна глаза совершают быстрые движения, и мы видим сны, а во время медленного движения становятся плавными, и на конечных стадиях прекращаются совсем. В медленном сне мы можем встать с постели и походить по комнате, в быстром прикованы к постели: все мышцы у нас парализованы, лишены тонуса. Когда мы просыпаемся, вместе с сознанием оживают у нас и мышцы. При катаплексии пробуждения оживают они с опозданием: сознание заработало, а человек — как в параличе (случается и наоборот: мышцы напряжены, будто человек челоюны тащит, а он спит).

В таких случаях бывает, что нарушаются взаимоотношения не только между сознанием и моторикой организма, но и между сном и бодрствованием вообще. Система быстрого сна и система близкого по многим показателям к быстрому сну состояния бодрствования — обе они могут, хотя и недолго, работать одновременно. И тогда человек будет и видеть сон, и осознавать себя, думать о себе как о видящем сон. Или наоборот: видеть сон, но, сознавая себя бодрствующим, думать, что его сновидение — это явь. Второе случается тогда, когда сны не содержат фантастических элементов и в основном воспроизводят недавно виденную обстановку. Нередко воспроизводят они ее с искажениями, полубодрствующая память мгновенно корректирует впечатления, и тогда сновидцу ничего не остается, как удивляться: как это он видит своих товарищей сидящими за столом, хотя на самом деле отвернулся от них?

Зная особенности диссоциированного (расщепленного) сна при катаплексии, мы без труда разберемся в странностях описываемых Ф. Зиннуровым пробуждений. В первом случае, когда ему снится полет и он проснулся после этого, — чистая катаплексия. Во втором, — когда он просыпается, отвернувшись от товарищей, — они ему еще снятся, но, полупроснувшись, он этого не понимает. Та же смесь сна и яви в тройных пробуждениях.

Нарушения сна и бодрствования — огромная сфера неврологии. Нет ни одного нервного заболевания, при котором бы сон не нарушался. А просто переутомление, а волнения по самым разнообразным поводам!.. Для нарушений сна у человека есть тысячи причин. Стоит ли удивляться, если в различных случаях «неполного сознания», когда смешиваются сон и явь, галлюцинации и реальность, люди, склонные к мистике, толкуют свои видения самым фантастическим образом. Но многолетняя врачебная практика показывает: все «потустороннее», как мы уже сказали, рано или поздно сводится к «посюстороннему».

3 ВЕЗДА АХМАДА ЗОХИРА

У нас в Таджикистане очень популярен афганский певец и композитор Ахмад Зохи́р. Нельзя ли рассказать о нем в вашем журнале?

С. ДАДАБАЕВ
г. Душанбе

Творчество Ахмада Зохи́ра — яркое явление в музыкальной и культурной жизни Афганистана. Пел он недолго — всего 10 лет, но за это время его песни стали самыми любимыми в народе. На конкурсе «Лучший певец года» в 1972 году в Кабуле он получил первый приз. Прекрасные мелодии, понятные каждому слова — о надежде и любви, о радости и горе, о встречах и разлуках... В его музыке талантливо соединялись традиционные мелодии с современными ритмами и напевами, близкими молодежи. Он говорил, что хочет сблизить восточную и западную песню, и смело, одним из первых стал исполнять народные восточные мелодии с эстрадным

ансамблем. Его импровизации публика встречала с восторгом.

Он любил путешествовать и за свою короткую концертную деятельность покорил множество разных аудиторий. Певец не только ездил по странам Востока, но выступал и в лучших концертных залах США, Англии, Франции, Латинской Америки. И всегда находил пути к сердцу слушателей. На каждом его концерте наступал момент, когда они начинали петь вместе с ним.

Ахмад Зохи́р постоянно повторял, что люди на Земле сильнее всего желают мира, любви, счастья детям, счастливого труда, независимо от того, в какой стране живут, какую религию исповедуют.

Как-то один знакомый журналист спросил Ахмада Зохи́ра: «Откуда у тебя столько сочувствия к простому народу, к его бедам и надеждам, ведь ты никогда не знал ни горя, ни нужды?» На это он ответил: «Сердце мое знает, чем живут люди, оно страдает вместе с ними. Хотя я больше воспеваю радость, но пою и о страданиях народа. Всякая несправедливость и насилие возмущают меня, и я знаю, о чем и для кого надо петь». Было время, когда власти запретили песни Зохи́ра, изъяли кассеты с записями его выступлений из лавок и магазинов. Но народ не забывал его.

Ахмад Зохи́р горячо приветствовал апрельскую революцию в своей стране. Он спел тогда одну из своих замечательных песен на слова Абулькасима Лахути¹:

*Жизнь полна горя, рабства не нужно,
Коли есть рабство — жизни не нужно.
Коль обступили враги — не печалься,
Будь мужчиной, позор не нужен.
Жизнь есть свобода и честь человека.
Борись за свободу! Рабства не нужно.*

После победы апрельской революции в творчестве Ахмада Зохи́ра открылась новая страница. Он сочинял музыку к революционным песням, вдо-

¹ Абулькасим Лахути (1887—1957 гг.) — поэт, революционер, один из основоположников таджикской советской литературы. С первых дней победы апрельской революции эта песня стала одной из любимых у афганских революционеров. Здесь стихи Лахути приводятся в переводе автора статьи.

хновляющим людей на борьбу за новую жизнь. Когда предатель народа Амин расправлялся с лучшими сыновьями Афганистана — революционерами, в числе других был схвачен и Ахмад Зохи́р. Последние месяцы его жизни были печальными. В тюрьме он узнал о смерти матери. Что мог он сделать? Написал песню, в которой звучит горе всех любящих сыновей, навсегда прощающихся с теми, кто дал им жизнь. Он страдал от мысли, что не сделает в жизни того, что мог и хотел.

Зохи́ра убили в июне 1979-го. Ему было 33 года. В день его смерти у него родилась дочь. Он об этом не узнал, но в последние свои дни повторял имя, которое придумал ей, — Шабнам — ро-са.

С новой силой зазвучали песни Ахмада Зохи́ра, когда народ Афганистана восстановил завоевания апрельской революции и начал строить новую жизнь. Песни его сегодня помогают в этом афганцам — истинно народные, яркие, образные, печальные и веселые, полные оптимизма и горюющие над людскими бедами. Как всякое истинное, большое искусство, творчество Ахмада Зохи́ра нашло почитателей и в других странах. Близки его песни и слушателям в Таджикистане. Многие из них сочинены на стихи известных таджикских поэтов — Абулькасима Лахути, Мирзо Турсунзаде, Лоика Шерали и других.

С большим уважением Ахмад Зохи́р относился к нашей Родине. Его радовало, что его песни знают и любят в республиках Средней Азии. И он готовился к поездке в СССР...

«В искусстве нужно соперничество, но оно не должно быть завистливым. Оно не должно мешать развитию таланта, а, наоборот, способствовать его формированию и всестороннему развитию», — говорил Ахмад Зохи́р, и до конца своей жизни он был верен этому принципу.

Народ Афганистана строит новую жизнь. И в этом ему помогают песни Ахмада Зохи́ра.

М. МИРРАХИМОВ

г. Душанбе

«А какие они?» — спросила учительница. «Будто не знаете — страшные, покрытые шерстью, с копытами и длинным хвостом, а на голове небольшие рожки». Учительница сказала: «Ты, наверное, перед сном читал сказку о чертях, вот они тебе и приснились».

НЕ НАДО ВОЯТЬСЯ ТЕМНОТЫ

Витя учился хорошо, на уроки не опаздывал, внимательно слушал учителя, был лучшим лыжником в классе. Однажды на занятиях кружка любителей природы зашла речь о снах и Витя сказал учительнице, что ночью ему иногда снятся черти.

«Нет, я сказки не читал,— ответил Витя,— я вечером ходил в подвал за капустой, а там лампочка погасла. И вдруг мне показалось, что за моей спиной стоит черт. Я побежал, сзади слышались удары копыт, казалось, что черт вот-вот схватит меня и понесет в ад». «Кто тебе рассказывал о чертях и аде?» — «Бабушка».

Учительница поинтересовалась, почему он боится именно черта, а не, скажем, бабу-ягу. Витя ответил: «Ведь баба-яга есть только в сказках, что же ее бояться?!» «И черти тоже только в сказках». «Вы правду сказали, Мария Ивановна?» — недоверчиво переспросил Витя. «Разве я когда-нибудь говорю неправду?» Витя облегченно вздохнул и улыбнулся.

На следующий день Мария Ивановна пришла к Вите домой, побеседовала с папой, мамой и бабушкой.

Бабушке, горячо любящей своего внука, посоветовала не пугать Витю, страшные рассказы могут сделать мальчика нервным. С Витей Мария Ивановна поговорила по душам: «Внушай себе, когда станет страшно, что ты ничего не боишься, а когда идешь

в темноте — пой песню или читай стихи». Витя последовал этому совету, и боязливость его постепенно исчезла.

Чтобы показать детям, кого трусливые люди в лесу принимают за лешего, Мария Ивановна на уроке прочла отрывок из статьи «Филин», напечатанной в журнале «Юный натуралист»: «Проснулся я от дикого, яростного хохота. Хохот был настолько страшен, что у меня мороз пошел по коже. Он звучал где-то рядом, в кустах... Страшные звуки, размноженные гулким эхом, завершались пронзительным свистом. Злоба и гнев, призыв и ярость — все было в тех криках. Страх сковал нас, мы боялись шевельнуться. Отходить от костра было жутко, мы лынули к нему, ища защиты у огня. Хихиканье и ворчание, не смолкавшие ни на минуту, вдруг закончились криками: «Бу-бу! Бу-бу!» Как обрадовались мы этому крику! Сразу отлегло от сердца. Так мог кричать только филин...»

Учительница пояснила, что в наших карельских лесах филин встречается редко, чаще можно увидеть и услышать различных сов. Звуки, которые они

издают, вполне могут напугать. Бывает, что заблудившийся в лесу человек, напуганный и растерянный, принимает совиный крик за голос лешего.

Мария Ивановна прочитала рассказ Ушинского «Трусливый Ваня». Дети дружно посмеялись над Ваней, который настолько боялся домового, что испугался теста в квашне, кочерги в углу.

«Ребята! Черти, лешие, домовые существуют только в сказках. Не надо бояться темноты. Это религия черный цвет, темноту связывает с нечистой силой. Кто из вас знает, почему наступает ночь?» — спросила учительница.

Несколько человек протянули руки...

Витя, о котором шла речь, после школы окончил физкультурное отделение педагогического училища, преподает физкультуру на севере Карелии. Ему теперь кажется странным, что он когда-то боялся темноты.

Г. ОГИЕНКО,
заслуженный учитель
школы КАССР

г. Петрозаводск

Мой досуг

Досуг! А есть ли у меня этот самый досуг? Наоборот, я в постоянном цейтноте, несмотря на 78 лет. Чем же я занят? Важными делами. Как и другие ветераны партии, я часто бываю в школах, встречаюсь с комсомольцами, провожу беседы. Иногда чуть ли не весь какой-нибудь класс заявляется ко мне в гости. Приходят ребята поговорить, посмотреть мои рисунки.

Дело в том, что в детстве, до революции, учитель церковноприходской школы говорил: «Сынок, тебе нужно учиться рисовать...» Но все сложилось иначе. Мне не было и 18 лет, когда я вступил в партию большевиков, а до этого был членом комсомольской ячейки и с тех пор связал свою судьбу с делом коммунистического строительства. Вспомнил же я о своем детском увлечении только... в 70 лет. Признаться, боялся, что на смех поднимут. Но, преодолев робость, принялся за работу. Сначала набрасывал кое-что простым черным карандашом, затем перешел на цветные.

Рисовал я пейзажи, один за другим. Нарисованное развешивал на стенах квартиры. За свою долгую жизнь я много где побывал, много видел, к тому же очень люблю природу. Вот я и стал воспроизводить на бумаге моря, реки, леса и луга, утренние зори и вечерние

Второклассники со своей учительницей
Ириной Петровной Стояновой в гостях
у И. И. Шестова.

закаты, заброшенные мельницы и азовские лиманы.

Однажды ко мне пришла молодая учительница школы № 12, комсомолка Ирина Петровна Стоянова, пригласить меня на беседу с детьми. Увидев мои картины, она предложила организовать их выставку в школе. Вернисаж состоялся. Первыми зрителями были дети. За два дня выставку осмотрели 150 ребят! Я и не ожидал такого успеха.

С этого началось. Однажды в позапрошлом году возникла мысль устроить мою выставку в музее, который находится в городском парке. Рассчитывали на месяц, а продлилась выставка все лето. С ней ознакомились 38 тысяч человек. Ведь наш Мелитополь — ворота в Крым, едут через него отдыхать не только со всего Союза, но и из других стран. Мои рисунки посмотрели и гости из Болгарии.

138 посетителей написали свое доброе мнение. И что меня особенно порадовало — было много молодежи.

Успех открыл меня. Теперь уже весь свой зимний досуг я отдаю рисованию. Прошлым летом выставка была повторена, и снова ее посмотрели около 40 тысяч человек из 40 городов! Написано до 200 положительных отзывов!

Я наблюдал, как светлеют и добреют лица людей, осматривающих картины, и у меня становилось радостно на душе: я понял, что еще нужен людям, вношу свою долю в их воспитание.

Сейчас передо мной лежат уже 10 дорогих моему сердцу тетрадей с отзывами. Пишут рабочие, инженеры, учащиеся, студенты, учителя, спортсмены, научные работники, художники... В этих записях — благожелатель-

ность, уважение, добрые пожелания. Вот одна из них:

«Уважаемый Иван Ильич! Большое вам спасибо. Вы очаровали нас своими рисунками, своим трудолюбием! Да здравствует талантливый человек на русской земле! Спасибо за солнце, за небо! С уважением, белгородцы. Приезжайте в наш город первого салюта, у нас есть выставочный зал. Подарите белгородцам радость видеть сияющее небо, солнце в ваших рисунках. Мы ждем!»

«Мы приехали из далекой Башкирии, благодарим вас за прекрасные работы...»

«Я житель г. Советская Гавань... От этих рисунков трудно отвести взгляд...»

Похвала радует, побуждает работать и работать, дарить людям радость. Выставки моих работ послужили примером для других любителей. Это

привлекло в музей новый поток посетителей, а школьники стали приносить свои работы, чтобы показать их мне.

Однако было бы неправильно думать, что я с утра до вечера только рисую и рисую. Молодежь часто спрашивает ветеранов о нашем пути, и мы охотно рассказываем. Ведь жизнь наша была насыщена богатыми событиями. Кое-что из моих рассказов печатает журнал «Молодая гвардия». Вот так я вношу свою лепту в общее дело коммунистического воспитания молодежи.

Ко мне часто приходят дети — посмотреть «картинки». Я радуюсь их приходу, читаю им свои стихи, они весело хохочут... И лучшего отдыха я не знаю.

И. ШЕСТОВ

г. Мелитополь
Запорожской области

УЛКЕН РАХМАТ — БОЛЬШОЕ СПАСИБО

В разном возрасте подводят люди итог своей жизни, разные бывают к тому причины. Мне 95 лет. Жизнь моя была богата событиями, встречами, уроками, многое я передал своим детям. Но вот что мне хочется еще и еще раз завещать молодому поколению — любовь к русскому народу, признательность ему. Весь мой опыт, вся моя судьба убедительно подтверждают, что без помощи и поддержки русских не было бы у казахов счастливого сегодняшнего дня.

Мою судьбу в начале века определила встреча с русским парнем Василием Черновым. 10 лет длилась наша дружба, и она была тем «университетом», благодаря которому сформировались многие мои убеждения и взгляды, в том числе и атеистические. Но не бывать бы этой дружбе, если бы с детства отец не говорил мне, что надо держаться русских, учиться русскому языку, чтобы овладеть науками. По тем временам (это был конец прошлого века) такой совет требовал известного мужества, ведь ислам не разрешал дружить с иноверцами. А в нашем доме, в нашей семье, хотя и верующей, не было атмосферы преувеличенной набожности...

В 17 лет я был пастухом у бая, но созрело у меня желание ехать в город, и не просто учиться, а поступить в русскую школу. Я волновался, задавал отцу бесконечные вопросы, но на главный — примут ли меня в русскую школу — отец не мог ответить определенно. «Может, и примут», — говорил он.

Кроме желания учиться, не было у меня ничего — ни средств на жизнь, ни денег на учебу. Да и по годам я был переросток. Так и сказали мне в русской школе Семипалатинска. Опекаленный отказом, в полной растерянности, пришел я к своей тетке. Ее муж был рабочим на Семипалатинском кожевенном заводе. Вместе стали решать, что мне делать дальше. Все мое богатство составляли два рубля, которые дали мне родители, отправляя в город. Возвращаться домой, чтобы снова надеть на себя ярмо батрака? Или, может быть, как советовал мне повстречавшийся на улице односельчанин, идти учиться в медресе? «Прибыльное дело — быть муллой», — сказал он. Но быть муллой я не хотел. Остановились на том, что стану рабочим, как мой дядя. Поступил на кожевенный завод, там и познакомился с большевиком Василием Черновым. Он руководил на заводе марксистским кружком. Его посещал мой дядя, а спустя некоторое время слушателем кружка стал и я. Василий подолгу беседовал со мной, расспрашивал о селе, о моей жизни, о батрацкой работе.

От Василия Чернова услышал я впервые имя Ленина. Начал понимать, за что борются, чего хотят большевики. И главное, понял я: хотят они братства людей труда всех национальностей.

Василий часто любил повторять: — Ты, Омиртайка, будешь вести работу среди своих соплеменников, расскажешь им о Ленине, о новой жизни. Только для этого надо учиться, хорошо учиться. А потом мы примем тебя в ряды нашей партии, я дам рекомендацию.

Чернов определил меня в одноклассную русско-казахскую школу, которую я окончил в 1916 году. А вот дать рекомендацию в ряды коммунистов не успел — его в гражданскую войну расстреляли белогвардейцы.

Давно это было, сколько событий

произошло и в жизни страны, и в жизни республики, и в моей судьбе, но ни время, ни события не отдаляют от меня светлый образ революционера Василия Чернова, ставшего для меня символом русского народа, всегда протягивавшего казахам руку помощи.

Два с половиной столетия минуло со времени добровольного присоединения Казахстана к России. Многие страницы истории у русских и казахов — общие. Одна из самых ярких — Отечественная война 1812 года. Участник ее С. Н. Глинка писал, что не только русские сыновья отчества, но и «иноверцы, иноязычники, культура и обряды которых совсем иные, народы-кочевники — киргизы (так называли тогда казахов), вместе с русскими защищали русскую землю, готовы были отдать за нее свою жизнь».

Один из маршалов Наполеона вспоминал, что в сражениях под Лейпцигом и Глосау, и особенно под Парижем, конница русской армии стремительнее, как огненная лава, нападала на французов, конники метко стреляли из луков. После узнали, что это были казахи...

Но, конечно, самые яркие из этих страниц появились в годы Советской власти, которая сделала мой Казахстан цветущей, богатой индустриальной республикой. Я счастлив, что в эти годы вместе со своим народом создавал новую жизнь в прежде отсталом крае, что встретил в юные годы старшего русского брата, который самоотверженно боролся за сегодняшний день Казахстана, всей Советской Родины и отдал, как и тысячи других коммунистов и беспартийных, этому свою жизнь.

И теперь еще и еще раз я говорю улкен рахмат — большое спасибо русским братьям, любимым братьям казахов.

Омиртай МУСТИН

Каскеленский
район
Алма-Атинской области

ЗОВУ ЖИВЫХ!

125 ЛЕТ СО ДНЯ
ВЫХОДА ПЕРВОГО
НОМЕРА
ГАЗЕТЫ
«КОЛОКОЛ»

В. ПАНОВА,
кандидат философских наук

Уже сам тот факт, что в 1861 году царь Александр II подписал столь долго ожидавшийся манифест об отмене крепостного права, заставил многих русских людей по-новому оценить прошлое и с надеждой взглянуть в будущее. В частности, «Положения 19 февраля 1861 года» открывали перед крестьянами, выходящими из крепостной зависимости, ряд перспектив в отношении образования. Так, статья 29, пп. 2, 3 и 4, давала им право «перечисляться в другие сословия и общества, отлучаться от места жительства, отдавать детей в общие учебные заведения и поступать на службу по учебной, ученой... частям». Однако настоящее оставалось безрадостным. Нелегальный сотрудник Вольной типографии Н. А. Серно-

НАУКУ ОСТАВИТЬ СВОБОДНОЮ

В 1859 — 1861 годах в России сложилась революционная ситуация. По всей стране разливались крестьянские волнения. Отдельные кружки объединились в первую тайную революционную организацию «Земля и воля». Руководили ею два связанных между собой центра — петербургский и лондонский, активное участие в руководстве принимал Н. П. Огарев. Среди крестьян, солдат, молодежи распространялись прокламации. Важнейшую из них «Что нужно народу?» написал Н. П. Огарев. После обсуждения членами «Земли и воли» было решено выпустить ее листовками (в формате «Колокола» и в малом) и опубликовать в самой газете, но без подписи. Полиция Англии и Германии прилагала усилия, чтобы перехватить эти листовки, но ничего не смогла сделать. «Экземпляры проехали все!» — писал потом в «Колоколе» Герцен.

Статья Н. П. Огарева сыграла существенную роль в истории русского революционного движения начала 60-х годов. Она явилась основой политической платформы и пропаганды общества «Земля и воля». С ее распространением связаны ранние случаи прямого участия крестьян и рабочих в революционной работе.

«Ничему народ не учил, — говорил в статье Огарев. — Деньги, что собирают на народное ученье, сорят на царские конюшни и псарни, на чиновников и ненужное войско, которое стреляло бы по народу». На поставленный в заголовке вопрос «Что нужно народу?» автор четко отвечал: «Земля, воля, образование». Огарев считал, что нести научные знания народным массам должны странствующие учителя. Еще ранее, в 1860 году в статье «Письма к соотечественнику» он писал: «Надо готовить учителей, проповедников науки для крестьян, для народа, странствующих учителей, которые из конца в конец России могли бы разносить полезные и прилагаемые знания»¹.

Эту же мысль он повторил и в воззвании «Университеты закрывают!», обращаясь к студентам столичных и провинциальных учебных заведений и рассказывая о временном

Соловьевич писал: «Отмена крепостного права — событие, которое должно было вызвать в целом мире бесконечный крик восторга, — привела к эзекуциям, развитию грамотности — к закрытию воскресных школ, временные цензурные облегчения — к небывалым карательным мерам против литературы...»¹.

Послереформенная реакция коснулась в значительной степени просвещения. Царское правительство и православная церковь считали, что с развивающимся революционным движением — следствием поражения в Крымской войне и обмана с крестьянской реформой — надо бороться не только суровыми репрессиями, но и ограничением проникновения наук в народ. Нарождавшаяся разночинная интеллигенция была еще весьма малочисленна, а грамотных насчитывалось всего 5 — 6 процентов. В таких условиях царизму легче было насаждать в массах нужные ему убеждения. И «в сословиях малообразованных, которые верят всему, что напечатано, и между духовенством, которое верит всему, что приказано...»², старательно распространялось мнение, что реформа — царское благодеяние, а те, кто вскрывает ее истинный, грабительский смысл и встает за народ, — смутьяны и бунтовщики.

Но начавшийся процесс раскрепощения всей жизни был уже необратим. На арену истории выдвигались новые классы, перестраивались общественные отношения, нерешенные социально-экономические противоречия вели к обострению классовой борьбы: «1861 год породил 1905»³. Перед Россией вставали новые задачи. Осознавая это, передовые умы страны во весь голос выступили за просвещение народа. Немалую роль здесь сыграл «Колокол»...

прекращении занятий в Петербургском и Московском университетах в связи со студенческим движением.

Пройдет немного лет, и в России получат распространение учительские семинарии, где будут готовить учителей начальных школ. Они-то и начнут сеять в народе «разумное, доброе, вечное». А в то время, когда «Колокол» призывал к распространению образования, петербургский митрополит Григорий обратился к святейшему синоду с ходатайством, которое послужило темой для памфлета Герцена «Архипастырское рвение о мраке»⁴.

Дело было в следующем. В высших учебных заведениях столицы выступал с лекциями геолог Роде. В них ученый, жаловался в своем ходатайстве митрополит, «не упоминая ни слова о божь-создателе, показывает, что образование нашей Земли со всеми ее растениями и животными, не исключая и людей, произошло только от действия естественных сил какой-то первобытной материи, в продолжение не простых шести дней, а шести более или менее длинных периодов». На ту же тему Роде читал публичные лекции и при этом широко пользовался наглядными пособиями. По мнению митрополита, такие выступления подрывали основы христианства, истребляли в народе веру в создание «нашей Земли от всемогущего, премудрого и всеблаготворца-бога». Поэтому, считая их весьма вредными «для народной веры и нравственности», Григорий просил обер-прокурора синода, «чтобы означенное... представление было прекращено». Приводя и ком-

¹ См.: Н. Эйдеман. Твой девятнадцатый век. М., 1980, стр. 249.

² См.: там же, стр. 175 (слова принадлежат декабристу М. Лунину).

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 177.

⁴ Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I. М., 1952, стр. 529—530, 373.

⁵ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. XIII. М., 1958, стр. 290. Далее ссылки на это издание даются в тексте, первая цифра — том, вторая — страница.

Н. П. Богданов-Бельский.
Устный счет. 1895.

И. Е. Репин.
Сходка. 1883.

И. Е. Репин.
Проводы новобранца. 1879.

В. Е. Маковский.
Приезд учительницы
в деревню. 1896—1897.

ментируя это ходатайство, Герцен иронически восклицал: «...Может, пастыри наши умиленно мечтают, что, уничтожая свет дневной, они усугубят продажу свечей церковных!»

Через некоторое время в статье «Распространение иезуитизма в Петербурге» (XIII, 330) Герцен снова обратил свою разящую сатиру в адрес митрополита. «Ревность о господе раба божия Григория... — писал он,—

все более и более выступает из пределов храма божия. Успешно поставив плотины злохульственному распространению геологических сведений, усердие архипастыря ныне бросилось на торжища» и привело к запрещению продажи газет на улицах города.

Столь резкая отповедь митрополиту вызвала упрек со стороны некоторых читателей «Колокола». Герцен в связи с этим писал: «Отдавая нам на копье все гражданское

и военное управление, письмо требует совершенного молчания о **духовенстве** и упрекает нас, что мы говорили о пошлых и несвоевременных вмешательствах петербургского митрополита — в... популярные лекции геологии... Но могли ли мы остаться безмолвными зрителями, когда это... духовенство, кропившее святой водой учреждение крепостного рабства, военные поселения, всякие казни, благословлявшее два века с половиною насильственные браки, безмолвно хоронившее засеченных дворовых людей, не нашедшее и теперь ни одного сильного слова в пользу освобождения крестьян, — вдруг заговорило против маленьких газет, против популяризации науки? Пусть живые мертвецы (так называли себя сами представители духовенства. — В. П.) держатся сообразно своему чину и молчат. Но всякий раз, когда архипастырский жезл ударит по живому мясу нашей начинающейся свободы, как полицейская палка, — мы закричим!» (XIV, 87, 88).

После смерти Григория его место занял Исидор — бывший киевский митрополит. Он оказался достойным преемником «ревнителя о мраке». Одним из первых его действий было требование открывать воскресные школы⁶ не раньше 12 часов, чтобы до этого времени обучающиеся посещали утренние церковные службы. Одновременно шеф корпуса жандармов Долгоруков докладывал царю, что эти школы представляют собой «зародыш огромного тайного общества», и требовал их закрыть. Герцен посвятил «школоборцам» специальную статью «Злодейство Долгорукова», где назвал Исидора «начальником корпуса духовных жандармов» (XV, 25).

Исидор и Долгоруков объединились в своем «школоборчестве» неспроста. С начала 60-х годов в кругах учащейся молодежи усиливались вольнолюбивые настроения, звучала революционная агитация, распространялись прокламации, нелегальная литература, происходили студенческие волнения (временами роптали даже семинаристы). Не удивительно, что и от воскресных школ полиция и духовенство не ждали ничего, кроме крамолы и ересей.

В 1862 году были закрыты воскресные школы и народные читальни, приостановлено издание прогрессивных журналов «Современник» и «Русское слово», запрещены публичные лекции. В крепости Новогеоргиевск расстреляли двух офицеров и унтер-офицера за «невежливые» слова о царе и порицание действий правительства за рубежом. Были арестованы Н. Г. Чернышевский, Н. А. Серно-Соловьевич и другие русские прогрессивные общественные деятели.

Незадолго до этих событий Н. А. Серно-Соловьевич побывал в Лондоне — у Герцена и Огарева, и Чернышевский с восторгом писал Добролюбову: «Порадитесь, я в закадычной дружбе с Серно-Соловьевичем... Он со своим братом Александром в числе тех, кто связывает Лондонский революционный центр... с подпольной Россией». И вот теперь два узника Алексеевского равелина Петропавловской крепости проходили по разным делам. Чернышевского в закрытом процессе обвиняли в сношениях с Герценом, в составлении воззвания «Барским крестьянам» и «приготовлении к возмущению». А в сенате шел «процесс 32-х», на котором судили передовых русских демократов во главе с Н. А. Серно-Соловьевичем. И одним из главных пунктов обвинения тоже были «сношения с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым».

Издателям «Колокола» страстно хотелось заступиться за узников, но так можно было только повредить им... И лишь несколько лет спустя, когда Н. А. Серно-Соловьевич погиб на иркутской каторге, Герцен в статье «Иркутск и Петербург» отдал ему должное: «Это был один из лучших, **веселых** провозвестников нового времени в России...» (XIX, 59).

Весной 1863 года «Колокол» напечатал корреспонденцию «Книгосжигатель Савва»⁸, которая напоминала читателю о временах средневековой инквизиции. Ректор

московской духовной академии Савва вскоре после вступления в свою должность узнал, что у студентов имеются сочинения Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Белинского. Ночью он организовал обыск и действительно нашел эти и другие светские книги. Ректор их конфисковал и вынес приговор: «Соблазнительные и еретические письма предать... сожжению». На следующий день во дворе академии был разложен костер, вокруг него поставили «провинившихся». В присутствии остальных студентов и преподавателей книги сожгли. Их владельцев строго наказали. Было объявлено, что в свободное время можно читать журналы и книги только духовного содержания, а за слушание виновные будут из академии исключены.

Правда, подобный случай в истории русской православной церкви не единичен. Еще в 1796 году в Петербурге, Москве, Риге и Радзивилове (теперь г. Червоноармейск Ровенской области) были созданы смешанные цензурные комитеты, в которые входили по два представителя от светской власти и один — от синода. Они имели право уничтожать книги, «кои найдутся противными закону божьему, верховной власти или развращающие нравы». И они действительно сжигали «вредные» книги и преследовали тех, кто был заподозрен в их хранении. А на следующий год была создана московская духовная цензура, которая состояла исключительно из священников и подчинялась непосредственно синоду.

В 1828 году был утвержден устав духовной цензуры, действовавший без изменений вплоть до Октябрьской революции. Устав ставил перед духовными цензорами задачу: выискивать в произведениях «богохульные и дерзкие извращения вольнодумцев», мысли, «пахнувшие вольностью и неуважением к власти, от бога установленной», «неблагоприятные гражданскому правительству». Вместе со светской цензурой, вместе с III отделением духовная цензура старалась «обезопасить» царизм от появления книг, где пропагандировались идеи, направленные против правительства и православной церкви.

В 1864 году Александр II утвердил «Положение о начальных народных училищах», по которому в России были организованы губернские и уездные училищные советы. В губернских советах, состоявших из губернатора, архиерея, директора училища и двух представителей земского собрания, председательство возлагалось не на губернатора, а на архиерея. Это «Положение» Огарев метко охарактеризовал в «Колоколе» как «повышение иерархии в главную полицию над народным образованием», стремление правительства «втеснить иерархию в заведение просвещения»¹⁰.

Не удивительно, что в это время в учебных заведениях расширилось преподавание церковной «граммоты» — закона божьего, катихизиса, церковнославянского языка. «Колокол» показывал, что все это делалось, чтобы отвлечь народ от борьбы за свое освобождение. Царизм хочет, писал Огарев, «преднамеренно» создать умственный застой, «чтоб не дать людям понимать яснее и чрез то сохранить над ними свою несправедливую власть»¹¹. А в другой статье он очень точно раскрыл цель царского правительства: «Как можно больше привести обучение народа к одному знаменателю, т. е. к богословскому! Пусть его себе поет на клиросе с дьячками, а в остальном

⁶ В дореволюционной России в них учителя-энтузиасты обучали по воскресным дням неграмотных и полуграмотных детей и взрослых; в описываемое время — только взрослых.

⁷ См.: Н. Эйдеман. Твой девятнадцатый век, стр. 243.

⁸ «Колокол», л. 161 от 15 апреля 1863 г., стр. 1329.

⁹ Цит. по: Е. Ф. Грекулов. Православная церковь — враг просвещения. М., 1962, стр. 131.

¹⁰ Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, стр. 666.

¹¹ «Колокол», л. 207 от 1 ноября 1865 г., стр. 1696.

ничего не смыслит». Ведь если народ выучится «настоящей грамоте, да еще каким-нибудь реальным (т. е. точным, опытным, наблюдением доказанным) научным понятиям... тогда мало ли что ему в голову взойдет действительно человеческого»¹².

В 1866 году министром народного просвещения стал обер-прокурор святейшего синода граф Д. А. Толстой. За этим назначением крылась определенная линия царского правительства. Еще в 1816 году обе эти должности впервые совместил князь А. Н. Голицын, известный мракобес и, по словам Пушкина, «просвещения губитель». Через год министерство просвещения было объединено с духовным ведомством, ибо «основанием истинного просвещения» правительство считало именно религию¹³. Новое учреждение стало официально называться министерством духовных дел и народного просвещения. Тогда это была одна из мер царизма, перешедшего на путь реакции в связи с подъемом освободительного движения в России после Отечественной войны 1812 года. Подчиняясь непосредственно царю, светский чиновник обер-прокурор синода характеризовался как «око государя и стряпчий по делам государственным». Сосредоточение руководства синодом и новым министерством в руках одного лица еще более консолидировало деятельность этих учреждений, ставило просвещение в прямую зависимость от церкви.

И вот полвека спустя — опять такая же акция. Герцен расценил ее как дальнейший шаг царского правительства на пути усиления реакции в ответ на выстрел Каракозова¹⁴ и стал внимательно следить за деятельностью нового министра.

В сентябре 1866 года Д. А. Толстой в обращении к учителям саратовской гимназии сказал, что до тех пор, пока будет занимать должность министра народного просвещения, не допустит, чтобы училище превращалось «в притон противообщественных и противогосударственных теорий», чтобы вступающие на учительское поприще использовали его «для распространения разрушительных идей».

В связи с этим Герцен публикует в «Колоколе» статью под названием «Грязь». Он сравнивает деятельность Д. А. Толстого с поведением члена главного управления училищ М. Л. Магницкого, реакционера и гонителя передовой профессуры Казанского университета, а саму речь министра называет «иезуитской» (XIX, 152). Через некоторое время «Колокол» публикует корреспонденцию, в которой передает дошедшие до редакции слухи о том, что Д. А. Толстой направляет священнослужителей ревизовать светские учебные заведения, и с горечью спрашивает: правда ли это? (XIX, 338).

Новому министру доносили с мест о всех замеченных «недостатках» в работе учебных заведений. В «Колоколе» была напечатана заметка (скорее всего Герцена) «Нетерпимость, невежество и полицейское вмешательство православного духовенства». Гневом проникнуто редакционное вступление: «Помещаем целиком отвратительный донос Филарета, архиепископа черниговского, как новое и наглое доказательство того, что делает с просвещением лицемерное направление министров-богословов и ослов в клубках» (XIX, 341).

Архиепископ Филарет доносил Д. А. Толстому, что в числе книг, разосланных еще при прежнем министре в сельские училища, есть произведение А. Суворина¹⁵ — «Боярин Матвеев», весьма вредное для народа. «По суду Суворина... — пишет архиепископ, — благочестивые предки дурно делали, когда «вселяли в него (в ребенка) убеждение, что только одна православная вера греческого исповедания — истинная и настоящая... а все другие... — богопротивные ереси» (XIX, 342).

Не понравился Филарету и утверждение автора о том, что наши предки заставляли детей «учить часослов, псалтирь, апостольские деяния», в то время как им «более полезно знание арифметики, лечебника и космографии». Для сочинителя, делал вывод архиепископ, все святое —

пустота. Кроме того, книга «домогается ослабить в народе даже верность подданного государю своему... Каждый по присяге обязан доносить начальству о заговоре против государя и государства... а Суворин пишет: «Теперь всякий порядочный человек считает за ужас и крайнее бесчестье не только быть доносчиком, но и быть только подозреваемым в доносе на кого-нибудь».

Наконец, последнее «обвинение»: подстрекательство к бунтам и неповиновению. «Вот как рисует Суворин, — продолжал Филарет, — правительство времени царя Алексея Михайловича: «Тогда правительство не обращало никакого почти внимания на народ. Его грабили воеводы, притесняли владельцы, не жалело правительство... Какое же последствие из того? — делал вывод архиепископ. — Бунты и неповиновение народа правительству. Поучительная же книжка Суворина для народа!»

В конце своего письма Филарет просит министра, чтобы впредь все книги «для епархиальных сельских училищ, в предупреждение ошибок, вредных для церкви и государства, какова ошибка о книжке Суворина, присылались не к директору гимназии, как сделано при бывшем министре просвещения, а к председателю губернского училищного комитета на его распоряжение». В редакционном заключении «Колокола», написанном, видимо, Герценом по этому поводу, сообщается: «Впредь министерство будет предварительно книги высылать на духовную бойню черниговского владыки».

В 244—245-м номере «Колокола» от 1 июля 1867 года была напечатана статья Герцена «Цензурный бред». Поводом для нее послужил следующий случай. Литератор П. А. Гайдебуров сделал сокращенный перевод (с немецкого) второго тома книги В. Вундта «Душа человека и животных». Отпечатанный экземпляр, в соответствии с законом о печати от 6 апреля 1865 года, он до выпуска в продажу тиража представил в Петербургский цензурный комитет. Светская цензура, не желая брать на себя ответственность, препроводила книгу в цензуру духовную, устав которой предписывал представлять рукопись, а не уже напечатанную книгу. В итоге тираж был задержан, а Гайдебурова как издателя предали суду, который приговорил его к недельному заключению в тюрьме и денежному штрафу.

Герцен назвал это дело бессмысленно-безобразным: к наказанию приговорен человек, не совершивший преступления. «...Законы, — писал он, — должны быть... писаны определенно»¹⁶, власть духовной цензуры ограничена ее районом, то есть церковной литературой, а науку правительство пусть «оставит от нее свободною». Иначе может оказаться запрещенным «всякий учебник астрономии, потому что по религии — солнце останавливалось с приказа Иисуса Навина, а по математике оно останавливаться не могло. После этого ни одной научной книги нельзя будет ни переводить, ни писать» (XIX, 295).

Наука должна быть свободна (в данном случае под словом «наука» Герцен подразумевал и просвещение) от пут религии, бюрократизма, косности, ограничений царской цензуры — такова была заветная мечта издателей «Колокола». И за это они выступали последовательно и страстно.

¹² Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. II, стр. 203, 204.

¹³ «Сборник постановлений по министерству народного просвещения», т. I. СПб., 1864, стр. 971.

¹⁴ 4 апреля 1866 г. революционер Дм. Каракозов стрелял в Александра II.

¹⁵ А. С. Суворин (1834—1912 гг.) — реакционный журналист и издатель. Книга «Боярин Матвеев» (М., 1864) написана, когда ему еще были присущи либеральные взгляды.

¹⁶ До выхода закона о печати от 6 апреля 1865 г. и в светскую, и в духовную цензуру требовалось представлять рукопись.

„БОЖЬИ ПОСЛАННИКИ“ ИЩУТ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ

В. КОНИК, кандидат философских наук

Руководящий центр свидетелей Иеговы, расположенный в районе Нью-Йорка — Бруклине, крайне встревожен влиянием советской действительности на приверженцев этого религиозного течения. «Люди в Советском Союзе покидают религию. Младшие поколения набираются понятий, которые отдаляют их от религии... В сознании большинства религия вытесняется безбожием, материализмом, наукой... спортом, культурой...» — пишет журнал «Пробудись!» (1973, № 11).

Именно поэтому такое большое значение бруклинские идеологи придают миссионерской деятельности. «Все свидетели Иеговы — проповедники», — говорится в журнале «Сторожевая башня» (1973, № 5). Каждый верующий должен «служить в качестве представителя и оратора бога на земле».

Заокеанский центр внушает верующим, что только проповедническая деятельность «делает человека счастливым». Свидетели Иеговы должны «радоваться привилегии отдавать свое время, энергию и деньги на миссионерскую работу» («Сторожевая башня», 1975, № 11). «Те, кто не проповедует доброй новости о царстве, не попадут в царство божье» (там же, 1971, № 8). Согласно вероучению свидетелей Иеговы, своим приверженцам и миссионерам бог прощает самые тяжкие преступления.

В капиталистических странах ряды организации пополняются главным образом благодаря проповеднической деятельности «от дома к дому». Каждому верующему определяют район, который он систематически обходит и в коротких проповедях пропагандирует свое вероучение.

В нашей стране, по словам руководителей краевого комитета свидетелей Иеговы в СССР, «главным способом миссионерской работы является случайное свидетельство, проповедование при каждом удобном случае: на предприятии, в поле, по пути на работу и т. д.». Для этой цели используются также праздники православной церкви, когда люди по традиции посещают друг друга, выезд на сезонную работу в другие районы страны, работа в сфере обслуживания, где люди вступают в контакт друг с другом, свадьбы, похороны...

Так, в станице Незлобной и городе

Георгиевске Ставропольского края на пасху свидетели Иеговы приходили на кладбище и пытались внушать свои религиозные убеждения тем, кто навещал могилы близких.

С наступлением весны некоторые свидетели Иеговы организуют строительные бригады и выезжают в колхозы и совхозы района и края, где, работая по трудовым соглашениям, проводят миссионерскую деятельность среди населения.

В Закарпатской области были случаи, когда бригады, выезжающие летом на заработки в восточные районы страны, комплектовал кто-либо из свидетелей Иеговы и включал в нее тех, кого наметили для вовлечения в организацию. Члены бригады, находясь в материальной зависимости от бригадира, на протяжении нескольких месяцев подвергались религиозной обработке. Им запрещали посещать клубы, кино, библиотеки, общаться с другими людьми. Того, кто противился этому, исключали из бригады, он лишался заработка. Это приводило к тому, что кое-кто в конце концов принимал крещение. Таким образом был вовлечен в организацию свидетель Иеговы М. Ю. Кус — житель села Тарасовки Тячевского района. Впоследствии Михаил Юрьевич убедился в лживости «божественных истин» и порвал с религией.

Тех, на кого пал выбор, миссионеры стремятся заинтересовать чтением религиозной литературы. Они оперируют стоящими перед человечеством острыми проблемами, в частности доказывая, что только религия способна помочь людям устранить угрозу новой мировой войны.

В 1975 году бруклинские пастыри предписали своей пастве еще один вид миссионерской деятельности — распространение печатной проповеди «Известия царства». Один из путей — опускать тексты в почтовые ящики.

Практикуются выступления наиболее искусственных миссионеров перед неверующими и приверженцами других вероисповеданий. Если первая попытка увенчивается успехом, ставится новая задача: добиться повторной встречи, склонить заинтересованное лицо к регулярным занятиям, подготовить его к восприятию вероучения. «Думай о том, что мы стремимся искать людей, которые

обнаруживают овцеподобные качества, и помочь им попасть в загон», — наставляет книга «Слово твое — светильник ноге моей».

Понимая, что время может погасить интерес, вызванный первой беседой, миссионеру предписывают не откладывать надолго повторное посещение. На этот случай рекомендует: «Не держи длинную речь, а дай владельцу квартиры возможность также высказаться... Вначале люди, которых ты посещаешь, слушают тебя, может быть, с некоторым равнодушием, но как только они начинают ставить вопросы, было бы мудро видеть в них ключ к их интересу продолжать беседу. Если ты знаешь библейские ответы на поставленные вопросы, то не медли отойти от темы, которую подготовил, и ответить на них... Необходимо больше терпения».

Рекомендуется предельно тщательно готовиться к беседам: «Всегда прежде обдумай, что ты желаешь сказать людям, которых встретишь».

Подобные советы даются для бесед с попутчиками в поезде, гостями, соседями, соучениками и т. д.

Особенно поощряется домашнее изучение Библии: «Домашние библейские изучения являются самым важным средством, чтобы передать людям точное познание истины». В процессе изучения Библии рекомендуется использовать молитву: «Было бы уместно каждую неделю начинать изучение молитвой, в которой ты просишь Иегову о его благословении, и заканчивая молитвой, в которой ты благодаришь за все то драгоценное, чему научились в этом изучении». Библейские студии продолжают и после того, как новообращенный сам начал проповедовать, и даже после принятия им крещения.

Огромное значение придается обряду водного крещения. Прежде чем его принять, новообращенный должен усвоить вероучение свидетелей Иеговы, «изменить свой образ жизни... преобразовать свой разум соответственно мыслям бога», понять значение обряда. Крещение у свидетелей Иеговы — не очищение от грехов, как в православии, не таинство, а публичное подтверждение принятия веры, которое символизирует «самопожертвование... решение человека безоговорочно и безусловно творить волю бога Иеговы» (а точнее руководителей организации).

Обряд крещения совершается обычно в водоеме (реке, озере, котловане). Принимающие крещение заходят в воду и по очереди подходят к специально выделенным «братьям». Положив руки на голову новообращенного, «брат» троекратно окунает его в воду, произнося при этом слова крещения. Возраст прозелитов роли не играет: от детского до преклонного.

Руководители организации свидетелей Иеговы требуют, чтобы верующие главное внимание обращали на вовлечение в общину членов своей семьи, других родственников, а также соседей и знакомых. Бруклинский центр стремится превратить семью в религиозную ячейку, где близкие укрепляют друг друга в вере.

В связи с ростом общеобразовательного и культурного уровня верующих у руководителей свидетелей Иеговы возросла потребность в образованных кадрах. Поэтому отдельным, наиболее проверенным молодым верующим теперь разрешается учиться в вузах и средних специальных учебных заведениях.

Важный источник пополнения организации — приверженцы других христианских учений. Свидетели Иеговы активно работают с баптистами, адвентистами седьмого дня, пятидесятниками, православными. Стремясь таким образом увеличить свою паству, бруклинский центр обвиняет «ложные религии» в том, что они отвергли бога, распространяют «демонические учения», повинны в войнах и угнетении людей.

Свидетели Иеговы, как и последователи других вероисповеданий, ориентируются на людей, которых постигло несчастье: смерть близких, болезнь, увечье и т. д. Растерянность, тяжелое душевное состояние служат наиболее удобной почвой для работы с людьми. «Между прочим, легчайшей является работа на кладбище...» — говорится в пособии «Школа царственного служения». Журнал «Пробудись!» (1969, № 6) дает проповедникам такие советы: «Когда знакомые страдают от тяжелой утраты близкого или увечья, хорошо быть понимающим и сочувствующим... Было бы совершенно нормальным пролить несколько слез... Приводите библейское доказательство, что мертвые воскреснут с помощью силы божьей. Говорите детям о воскресении. Их маленькие сердца и разумы будут пылать интересом... Дети погибших будут уверены, что увидят своих родственников во время воскресения».

Порвавшая с этим вероисповеданием В. Д. Пеляжская из Молдавии вспоминает: «Я в возрасте 23 лет попала в заключение... В это трудное для меня время я встретила с Н. И. Степанюк... Начала она убеждать меня, что от «власти Сатаны» нельзя

ждать ничего хорошего, что правду и заступничество можно получить только у всемогущего бога Иеговы, став его свидетелем. Степанюк старалась оказать мне и некоторые мелкие услуги»¹.

Свидетели Иеговы стремятся распространить свое вероучение по всей земле. С этой целью поощряется миграция верующих. Верующим нашей страны также рекомендуется менять места жительства, ездить в другие области во время отпусков. В пособии «Школа царственного служения» говорится: «Отпуск предоставляет хороший случай проповедовать в отдаленных областях».

Для подготовки миссионерских кадров бруклинский центр создал разветвленную систему. Проповедников готовят на еженедельных сходах, где изучают книги, брошюры и журналы общества «Сторожевой башни», обучают методам пропаганды вероучения. Этим же занимаются в школах проповеднического служения, а также в ходе совместной миссионерской работы «зрелых» и начинающих свидетелей Иеговы.

На первых этапах миссионерства проповедники не всегда раскрывают свою принадлежность к организации свидетелей Иеговы. Их учат маскировать свои цели. Журнал «Служба царства» в статье «Выполнение порученного возвещения» наставляет: «Разговор надо вести умело, чтобы слушающие нас люди не догадались, что мы хотим им сказать, и не оградили себя. Поэтому мы должны быть ознакомлены с тем, что делается в мире, чтобы могли обстоятельно говорить на любую актуальную тему, переходя от нее к Библии».

Бруклинские идеологи разработали целую систему запугивания. Наказаниями пугают верующих за непосещение сходов, за несоблюдение многочисленных запретов и ограничений, особо за пассивное отношение к миссионерству.

Запугиванием верующих принуждают распространять учение, а вовлекаемых в организацию принимать крещение. Новообращенный, становясь приверженцем конфессии, надеется таким образом избавиться от страха, не подозревая, что теперь страх будет сопровождать его до самой смерти или до разрыва со свидетелями Иеговы.

Верующим предписывают жертвовать деньгами и всем своим имуществом, побуждают их ограничивать себя в самом необходимом: питании, одежде, рекомендуют поменьше заботиться о своих близких. Советуют отдавать богу все, «вплоть до последнего гроша», авторы «Сторожевой башни» (1961, № 1) внушают своим последователям, что они должны быть «полны решимости... отрешиться от всего своего эгоистического имущества...»

Издания свидетелей Иеговы постоянно призывают верующих не думать о будущем, посвятить все свое время, силы, жизнь проповеднической деятельности. Выполнение гражданских обязанностей объявляется делом второстепенным. Все вопросы личной жизни свидетелям Иеговы рекомендуют решать с учетом того, как это отразится на миссионерской деятельности.

«Многие отданные богу христианские мужчины и женщины решили остаться некоторое время холостыми, чтобы быть более свободными для служения Иегове, — наставляет молодежь «Сторожевая башня» (1970, № 2). — Некоторые решили в последние дни этой старой системы вещей (до армагеддона. — В. К.) остаться холостыми. Другие решили остаться определенное время холостыми, чтобы стоять в пионерском служении...»².

Тем же людям, которые вступили в брак, рекомендуется поменьше времени уделять семье: «Христианский муж понимает, что его отношение к богу должно занимать первое место в жизни... Ему не следовало бы допускать, чтобы брак мешал ему служить богу... чтобы земные связи, в том числе узы брака... занимали слишком важное место в жизни...» Верующим советуют не обзаводиться детьми или иметь их поменьше, чтобы не тратить на детей деньги и время, необходимые для миссионерской деятельности.

В брак разрешается вступать только с единоверцами. От молодых верующих требуют не допускать общения с иноверцами, а тем более с неверующими, так как это может «привести к браку между ними». В связи с тем что примерно две трети свидетелей Иеговы составляют женщины, многие из них остаются одиночками.

Лишь незначительная часть свидетелей Иеговы осмеливается на брак с неверующими. Бывает, что такой брак заключается с согласия руководства организации. Но... «знай теперь, что мне родители разрешили выйти за тебя с условием, что я вовлеку в организацию нового брата по вере», — заявила через год после свадьбы жительница Братска Ульяна Ткачук своему мужу Николаю Легошину.

Пытаясь вовлечь в организацию мужа, Ульяна пугала его армагеддоном. Домом и хозяйством она не занималась, часто забирала детей

¹ В. Ерофеева, И. Дору. Тайна «свидетелей Иеговы». Ставрополь, 1968, стр. 85, 86.

² «Пионерами» называют миссионеров, ежемесячно затрачивающих не меньше 100 часов на поиск заинтересованных, делающих 35 повторных посещений и ежедневно проводящих домашние библейские студии.

и уезжала с ними к своим родителям. Все попытки Николая наладить отношения не увенчались успехом. В конце концов он вынужден был с женой расстаться. Взяв двух старших детей, Николай переехал в Сызрань. Спустя несколько лет он вступил в новый брак. Об этом рассказала газета «Восточно-Сибирская правда» в июне 1977 года.

Похожая история произошла в семье рабочего службы доставки газа Иркутской области Василия Тетерина. В организации, рассказывал он, упрекали мою жену в том, что она не проявляет большой активности, не работает над тем, чтобы я стал свидетелем Иеговы. А так как она была бессильна сделать это, они предлагали ей разорвать брак со мной и вернуться к своему первому мужу, который изъявлял желание стать «службой Иеговы». В данном случае у свидетелей Иеговы ничего не получилось: они не только не приобрели «брата», но потеряли и «сестру».

Тяжелую жизненную драму пришлось пережить Андрею Мошняге, сотруднику объединения «Сельхозтехника» города Вознесенска Николаевской области. Женившись, он вскоре оказался вовлеченным в организацию свидетелей Иеговы. Родители и друзья помогли Андрею порвать с ними, пытались помочь и его жене. Но молодая женщина под влиянием единоверцев ушла от мужа.

Руководству организации свидетелей Иеговы помогает держать верующих в состоянии постоянного напряжения догмат об армагеддоне. Сроки последней битвы Иеговы с Сатаной предсказывались много раз и всегда сопровождалась угрозами о поголовном уничтожении тех, кто не примет крещения³.

Как только в 1967 году был объявлен очередной срок армагеддона (октябрь 1975 г.), начался приток новообращенных. Так, если по годичным миссионерским отчетам в 1965 — 1966 годах крещение во всех странах, где имеются организации свидетелей Иеговы, приняли около 60 тысяч человек, то в 1968 — 1969 годах их число возросло более чем вдвое, а в 1973 году — почти в пять раз. В этот период активность свидетелей Иеговы возросла и в нашей стране. Но после провала и этого апокалиптического пророчества тысячи свидетелей Иеговы порвали с организацией. Чтобы помешать этому, бруклинские пастыри с мая по октябрь 1976 года в 35 странах провели 137 конгрессов. Во всех выступлениях на них пастве внушалось, что надо продолжать активную проповедническую деятельность. Миссионерам раздавали новое пособие «Добрая новость», чтобы сделать вас счастливыми». Для молодежи подготовили книгу — «Извлекая наилучшее из твоей молодости», где утверждалось, что самое лучшее для

молодежи — это «поставить на первое место в своей жизни служение богу». Людям пожилого возраста было обещано, что вступление в организацию поможет им избавиться от болезней.

В мае 1977 года «Сторожевая башня» заявила, что отход от религии объясняется влиянием дьявола: «Сатана занимает людей их эгоистическими материалистическими стремлениями... Лишь немногие принимают благую весть о царстве... Сатана старается потянуть возвещателей царства в свой лагерь».

Отход верующих довольно значителен, и поэтому Бруклинский центр после 1975 года даже перестал обновлять ежегодные отчеты. Ведь они свидетельствуют, что каждый второй новообращенный спустя некоторое время после крещения порывает с организацией.

Одни отходят от этой «истинной» религии, убедившись, что она, по сути дела, ничем не отличается от всех других. Вторым претит система эксплуатации религиозных чувств, требование не жалеть «времени, усилий, жертв для святого служения...» Третьи не хотят мириться с тем, что они — «рабы Иеговы и не живут для своего удовольствия».

В результате заокеанские руководители были даже вынуждены изменить свое отношение к тем, кто порвал с их верой. Еще не так давно таких людей всячески порочили, считали предателями, запрещали верующим общаться с ними. Теперь же ушедших заверяют, что если они «проявят смирение» и «возвратятся, то не будут «унижены друзьями бога», им «будут очень рады».

Пропагандист, прежде чем беседовать со свидетелями Иеговы, должен хорошо изучить их вероучение. Мне вспоминаются встречи со свидетелями Иеговы в Братске несколько лет назад. Анализ каждого элемента учения бруклинских богословов я начинал с просьбы к верующим рассказать, как они понимают данное положение. В ответах обычно повторялось то, что содержится в изданиях общества «Сторожевой башни» последних лет. После этого я знакомил слушателей с давними толкованиями того же вопроса, которые нередко в корне отличались от современных, а иногда были прямо противоположны им. При этом я подчеркивал, что и первые и вторые толкования преподносились как божьи, а не человеческие мысли. А бог, согласно Библии и представлениям верующих, не изменяет своих «откровений».

Сначала таким образом рассматривались легко доступные вопросы. Например, как был казнен Иисус Христос и как свидетели Иеговы относятся к кресту. Мне отвечали, что Христос был прибит не к кресту,

а к столбу, при этом верующие замечали, что православные и католики, носящие крестики на шее, поклоняются орудия казни, а последователи истинной религии — свидетели Иеговы — этого не делают. В ответ я показывал журналы «Сторожевая башня», изданные до 1932 года, с крестом, изображенным на обложке. Приносил я и книги основателей вероучения — Русселя и Рутерфорда, где были помещены рисунки распятого на кресте Христа. Присутствовавшие на первых беседах рассказывали о них своим единоверцам и во время следующих встреч желающих защитить бруклинские истины становилось все меньше.

Пропагандистскую работу среди свидетелей Иеговы затрудняет нехватка подготовленных кадров. Пополнить их можно было бы за счет более активного привлечения к идейно-воспитательной работе людей, порвавших с этим вероисповеданием.

Пропагандистам следует знать о том, что разногласия среди руководителей свидетелей Иеговы по поводу путей преодоления кризиса, а также борьба между ними за власть привели к расколу. В начале 60-х годов свидетели Иеговы в СССР разделились на сторонников тогдашнего руководителя краевого комитета свидетелей Иеговы П. Зятка и так называемую оппозицию. Руководство той и другой группировок многие годы писало друг на друга коллективные и индивидуальные жалобы в бруклинский центр. Под давлением рядовых верующих кое-где образовались группы так называемых нейтралитов, которые не примыкают ни к той, ни к другой стороне. Они порвали связи с бруклинским центром, отказались принимать его «божью пищу», сдобренную антикоммунистическими и антисоветскими выпадами. Постоянная вражда между «братьями во Христе» раскрыла глаза многим рядовым верующим, они поняли цену заверениям о том, что их руководители «назначены самим Иеговой» для передачи верующим «божественных истин».

Можно сказать, что и в идеологии, и в повседневной практике свидетелей Иеговы наиболее ярко проявились те особенности, которые ныне в той или иной степени характерны для многих других конфессий. Речь идет о кризисе веры, о постоянном и настойчивом стремлении привлечь в свои ряды новых приверженцев, прежде всего — молодых, о стремлении миссионеров истолковать в свою пользу те или иные события и явления политической и общественной жизни. Все это необходимо учитывать в атеистической работе.

³ Подробнее об этом см. в статьях «Истоки ложных пророчеств», «Провалы ложных пророчеств». «Наука и религия», 1975, № 3, 4.

Литература, искусство

Живая Тундра

Василий ЛЕДКОВ

Повесть

Ненецкий писатель Василий Николаевич Ледков известен повестями и рассказами о суровой природе Севера, его неутомимых тружениках. Родившись в семье оленевода, писатель на долгие годы сохранил интерес к мировосприятию детей тундры.

Заслуженное признание читателей получили его поэтические сборники «Дети моего стойбища» и «Быстроногий олененок». Некоторые произведения писателя переведены на языки народов СССР, например одна из последних повестей «Синева в аркане» выпущена киевским издательством «Молодь».

Повесть «Живая тундра», которую мы начинаем публиковать, переработана писателем специально для нашего журнала.

Лютый, мороз!
Рези, пурга!
А солнцу — быть!
Оно — сильней!

пела бабушка, и лицо ее от песни светлело. Бабушка держала меня под мышки, и я, счастливый, прыгал у нее на коленях.

Это, видимо, было в то лето, когда привязывали меня к шесту, чтобы не убежал в тундру, где небо и земля гудели от комаров. Если часто открывать полог, то в чум, в котором и так много всяких дыр, набьется комарье. А комары... Всяк знает, что такое — комары!

Я у всех спрашивал, мол, где взяли меня? А они улыбались, переглядывались долго. Отец, мать и бабушка говорили, что нашли меня в кустах ивняка, среди лягушек на равнине Надер, на самой солнечной стороне Большой Земли¹. Говорят, поначалу бабушка с мамой мне и имя хотели дать Тямдэ — Лягушка. Но отец так им сказал: — Нет. Человек — не лягушка! Сын мой

И внук мой
рано не умрет:
Он нынче — Василей,
живучий Василей! —

Василеем будет. В поселке сына моего русского друга так зовут. Хороший он мальчик.

Я родился в месяц Большой Темноты — в декабре. Месяцами Малой и Большой Темноты у нас называют ноябрь и декабрь, потому что в это время года до середины Орлиного месяца — января — солнце над чумом вообще не показывается. Как говорит бабушка, оно спит за синим поясом земли и неба в своем золотом чуме.

...В то запомнившееся лето все лужи и болота будто испарились. Нахальные комары лезли и в рот, и в нос, и в глаза. От них я иногда плакал. Молча плакал. Это как-то заметил отец и сказал:

— Э-хэ! Сын мой. Ты, вижу, — слабый человек!.. Комары одолели! Разве можно так... мужчине?.. Что будет, если «белые комары» полетят?!

¹ Большая Земля — Большеземельская тундра.

Рисунок В. Иванова.

— Комары?! Белые?! — от удивления у меня даже в голове зазвенело!

Отец смотрел на меня. На щеках у него то и дело появлялись забавные круглые ямочки, глаза смеялись.

— А комары эти... белые... кусаются? — спросил я осторожно.

— Этого не скажу, — ответил он после недолгого молчания, потрогал рыжие усы и добавил: — Всякое бывает. Кого они кусают, а кого... Это — долгий разговор. Поживем — увидим.

В голове у меня пуще прежнего зазвенело. Отцу я ничего не сказал. И пусть. Олени летом быть без пастуха не могут. Потому я медленно побрел к пустым нартам отца и закричал:

— Хой! Хо-ой! Хо-о-ой!..

Залаяли собаки — будто я на самом деле на оленей кричу. А олени-то мои ничего не слышат, они ведь не настоящие: рога, воткнутые в землю. Я их всю весну собирал, но проталинам бежал, когда олени рога теряли.

Я играл в оленей и пастуха, но, как назло, «белые комары» не давали ни о чем другом думать. И тут пришла мысль: «Спрошу-ка у матери!»

— Ты что, Василий? — удивилась мать. — Запыхался-то! Будто от волка бежал. Что с тобой?

— Ничего.

— Может, бешеный песец! — округлила глаза бабушка.

— Да нет, — отмахнулся я и спросил: — А эти... «белые комары»... скоро полетят? Мама улыбнулась, взглянула на бабушку. Лицо у бабушки вытянулось, брови изогнулись, как концы натянутого лука, сужившиеся глаза совсем закрылись.

— Не знаю, внучек, — сказала она. — Уходя весной, мать Инея забыла сказать об этом. А я не знаю, когда полетят «белые комары». Поживем — увидим.

«Фу-ты, какое колдовство! Будто все сговорились!» — возмущился я, устало сел на латы² и, даже не спросив, кто такая мать Инея, выщипывал мех лисьего воротника.

— Хэ! Комары... белые... когда, интересно, полетят? А? — вслух удивлялся я, чтобы слышали мать и бабушка, а сам уже катал по латам бабушкин медный наперсток.

Бабушка вставала, тащила меня на нежирую половину чума, привязывала к шесту, сама садилась на прежнее место и продолжала вить из оленьих жил нитки. Бабушка вила нитки, мать шила малицу. В чуме чадил дымокур, слоями до самого макодана³ висел неподвижно горький от горячего дерна дым, потому что вся тундра нудела от комаров. Комары лезли во все дыры. Одно лишь от них спасенье — дым! Но мне было ни до комаров, ни до дыма. На конце веревки я метался, как собачка на поводке, кувыркался, пытаясь развязать незаметно хитрый узел на спине, и напевал песенку о том, что мама моя самая красивая на земле и нет на свете бабушки добрее моей. Сам пел, а глаза косил на них.

Они переглядывались, молча подходила ко мне бабушка и развязывала узел. Я прыгал, смеялся и — стрелой на улицу.

Так запомнилось лето, когда проснулось во мне сознание.

— А ведь и правда он выжил! — много лет спустя смеялась бабушка. Она задумчиво поднимала глаза к макодану, ее круглые, испещренные морщинами лицо как будто сжималось в комочек. — А разве я знала, что Василий рано не умирают? — она роняла сухие руки себе на колени. — Обидно же было: все братья до него и до

трех лет не дожили. Хэко ушел на втором году жизни, в том же возрасте утонул Харп. Матрия искалечил бешеный олень, и мальчик угас на руках у отца в полтора года. Уж этого-то парня — Христа ради! — хотелось сохранить. Как-никак, парень помощником отцу будет. Вот и берегла, как могла. Отец и мать его Василием назвали. А мне что было делать? И пела: — А Солнцу — быты! Оно — сильней! И внук мой рано не умрет: Он нынче — Василий, живущий Василий!

Бабушка улыбалась и продолжала: — Эх-ха! А Василии-то разве не умирают рано? — спросил меня дед Василий Пыря, как только песню услышал. — Нет, Василии не умирают рано, — заявила я, даже сама вроде бы поверила. — Ты, говорю, сам на себя погляди: белее зимы голова-то! И борода... как снег! Точно сугроб на груди! А он, — показываю на внука, — тоже Василий. Старик улыбался довольно, тряс белой бородой. А я ведь... просто так пела:

— Лютой, мороз! Реви, пурга! А Солнцу — быты! Оно — сильней!..

Бабушка пела, как прежде, но голос ее сильно дрожал.

Прошли годы. И вот уже более трех десятилетий слова и мелодия этой нехитрой песенки звучат во мне неотступно. То ли я на самом деле слышал, как пела бабушка, и, счастливый, прыгал у нее на коленях, то ли все это врезалось в память со слов бабушки — понять трудно: больно много воды утекло с тех пор, да и бабушки моей, дожившей до ста семи лет, давно нет в живых.

Самое раннее детство мое прошло в чуме отца и осталось в памяти только какими-то пятнами, похожими на сочно-зеленые островки буйного лета, высвеченными на миг лучами солнца. Иногда мне кажется, что детство было всего лишь одним днем. Прерванное войной, оно и было коротким...

Чум наш стоял на берегу извилистой реки, каких много в тундре. Пахло снегом, ягелем, талой ольхой. У нас были свои олени. Сколько — не знаю. Отец говорил, что оленей надо беречь, ибо их очень легко загнать в котел.

— Нет, не загнать оленей в котел! — возражал я. — Их много, они большие. А в наш котел и голова-то оленья не влезет!

— Ты неправ, — качал головой отец. — Котел мал, да его каждый день надо наполнять.

— Это, конечно, так, — соглашался я.

— То-то, — улыбался отец. — Никогда, сынок, такого не будет, чтобы раз и навсегда наполнить котлы.

Возразить я не мог, потому что каждый день надо было что-то есть, и обычно к полудню мы невольно тянулись глазами к черному от сажи котлу. После сытной и вкусной еды становилось радостно на душе, светлело в глазах. Одно оленье мясо, конечно, приедалось. Отец ловил в озерах и реках рыбу, стрелял гусей, бил зайцев. Мы с сестрой охотились на пуночек — полярных воробьев — силками, мать ставила капканы на канюков. Только бабушка возле чума каждый день с иголкой да жилами возилась. Словом, у всех были свои заботы.

Дни были похожи друг на друга. Солнце над тундрой с каждым днем поднималось все выше и выше, от яркого снега слепило глаза. Быстро росли проталины, делалось все теплее и теплее. Отец редко появлялся в чуме. Если и бывал — упряжка его

с тремя подсаночными всегда стояла наготове. Наскоро поев, он снова уезжал. Наверное, к оленям, потому что стада возле чума мы давно не видели. Было тихо, скучно. Какое уж там веселье без оленей? Только при охоте на пуночек все забывалось.

Мать еще с утра кутала младшего братишку Мехэлку в теплое заячье одеяло, сажала в железное корыто, которое тащила, как санки, по насту крутого берега. Прямо на снегу у нее стояли капканы с красными приманками для канюков. Приманками были куски оленьего легкого, а иногда и просто лоскутки красной материи, которые привязывались к ниткам запада и опускались осторожно в распахнутую пасть настороженного капкана. Глупые канюки, конечно, не понимали опасности, падали камнем из-под самых облаков, где обычно парили, высматривая добычу, вонзали кривые когти в лакомый кусок и оказывались в железных челюстях ловушки.

Суп из десятка тушек пуночек очень вкусен — язык проглотить! Этот волшебный наваристый бульон особенно любил отец. Но нам с сестрой ловить пуночек становилось все труднее: проталины росли, разбегались по тундре, и птички рассеивались по ним — не заарканишь ветер на просторе!

Пропадая целыми днями в тундре, отец в последнее время возвращался чаще всего без добычи. Только иногда он бросал на латы двух-трех куропаток или одного гуся. Этого, конечно, для нашей большой семьи оказывалось мало. Отец был невестел, и потому нам тоже становилось грустно. А однажды, подавленный, он принес какого-то похожего на зайца, но очень темного зверька и сказал:

— Проглядел. Собака поймала... О кочку стегануть! — пришлось.

Приглядевшись, я узнал маленького оленя с маленькими копытцами на длинных, тонких ногах. Ну, самый настоящий олень, только очень маленький, и рогов у него нет. Он лежал неподвижно. Не дышал.

— Олененок! — крикнул я, не совсем еще веря своей догадке.

— Да, сын. Это — олененок. Вернее, был он олененком... Отец идет, — сказал отец и добавил, как бы оправдываясь: — Ловить рыбу или охотиться на гусей теперь я не могу: оленей надо стеречь, за оленятами глаз да глаз нужен.

Решение в моей голове созрело сразу, но я сделал вид, что обиделся, и, отвернувшись, обронил не слишком тихо и не так громко:

— Сам говоришь, глаз да глаз, а мы тут... ничего не знаем: у нас тоже... глаза!

Отец будто не слышал моих слов, он разговаривал с мамой:

— Чую, суп опять из канюка? Из пуночки не отказался бы.

— Есть и из пуночки... да в маленьком котле сварила: наши охотники только пять пуночек поймали, — объяснила мать, поглядывая на нас.

— Что так плохо? — отец удивленно спросил, поворачиваясь в нашу с Сандрой сторону. — Что так плохо, а? Охотники? — потом снова заговорил с мамой. — Давай уж, какой есть. Пора пуночки, видно, прошла. Снега сходят, и птички разлетаются. Но ничего: скоро куропатка зато-

² Латы — широкие доски, которые служат в чуме полом.

³ Макодан — верхушка чума с отверстием для выхода дыма.

кует. По всей тундре уже трескотня идет.

— Каб-бэ! Мяк-мяк-мяк! — как бы в подтверждение его слов раздалось вдруг где-то возле самого чума.

Меня теперь куропаточья перебранка мало интересовала, я тайком натянул пимы, надел малицу, вышел из чума — и вот уже сидел на нартах отца. Сначала я боялся, что отец попросит меня сойти с нарт, пошлет в чум, но он точно не видел меня: развязал на заднем копыле нарт конец вожжи, наматал его себе на руку, взял молча хорей, гикнул на оленей, и мы поехали. Сильными толчками нарты запрыгали на кочках, грудь и лицо обдало крупными брызгами грязной воды из-под копыт.

Мы поехали в стадо...

Вечер был тихий и теплый. Перед заходом солнца летали в одиночку и стаями гуси, где-то далеко на болотах раздавались трубные звуки лебедей, простор наполнился картавым куропаточьим говором, на все голоса переливались воробьи, синицы, кулики. Вскоре так же неожиданно, как и началось, замолкло все, тундра погрузилась в сон. Прозрачную тишину нарушал только топот оленьих ног. Шлепая по лужам, я промочил насквозь пимы и либты⁴.

Утром ногам было холодно, даже пощипывало. Об этом я отцу не говорил, хотя, может быть, он и так все видел. Я крепился, бегал возле нарт, прыгал, делая вид, что мне очень хорошо и весело, да к тому же я знал, что мы скоро поедем в чум, где есть и огонь, и теплые пимы. Было мне только жаль, что за всю долгую ночь не появилось ни одного нового олененка. «Пусть, — думал я, — это не беда, что нет нового олененка, зато я по-настоящему пасу стадо. А новые олениа, может, не каждый день появляются? — И успокаивал себя. — Будет еще день, когда я сам своими глазами увижу, как из-за подола неба побежит к нам маленький, тонконогий олешек...»

— Ну что ж, Василий? Ночь мы с тобой, кажется, провели! — сказал отец. — Можно сказать, ночь мы хорошо провели. А как же иначе-то? Так и должно быть: ведь мы на этот раз не в два, а в четыре глаза смотрели. Ни лисы, ни орлы не тревожили стадо. Олени целы — это главное. Жаль, ни одного нового олененка! Но не горюй, — он огляделся вокруг и добавил: — А, впрочем, это, может, к лучшему? — опять огляделся вокруг. — Небо мне что-то не нравится: хмурое, и ветер просыпается.

Я смотрел на небо, на синие, четкие дали и ничего особенного не замечал: небо как небо, земля как земля. Только теперь мне казалось, что от всего на земле и на небе веет синим холодом. Желая отогреть забнувшие ноги, я снова прыгал по кочкам возле нарт. Отец ходил по пастбищу, наклонялся, что-то трогал руками, долго стоял на берегу, потом вернулся и сказал, шумно хлопнув обеими руками по малице:

— Худо, сын! Очень худо! Снег уже, видишь, пошел.

Я только сейчас увидел, как кружились в воздухе редкие, пушистые снежинки.

— Потом он не так будет играть — повалит, в такую погоду не оставишь оленей без присмотра: телята еще слабые. В этих местах полно жилых песцовых нор, а рядом под присмотром ястребиной семьи есть гусиная колония. Песец разбойник, его ноги кормят. В снегопад или в туман ястреб, как пастух, ничего не

видит. Этим и пользуются песцы: гусиными яйцами полакомятся, а заодно и олененка в кусты утащат. Хитрый это народец, плутоватый! О-очень плутоватый! Но и трусливый! — отец взглянул мне в лицо, и у него брови на переносице сошлись. Спросил тревожно: — А на тебе, сын, и сухого места, наверно, нет?

— Нет, — говорю я. — Малица у меня сухая... только вот ноги забнут: вымокли.

— Эт-то ла-а-адно, — как-то загадочно протянул отец. — Вот и пошел снег, снежинкой каждой с телячьей шкурой! Ладно. Холода, может, не будет. Снег мокрый — на лету тает. От него все можно ожидать. Плохо, если сразу после него мороз...

Снег уже валил густо, превратив все вокруг в одну серую непроглядную мглу, таял в лужах, на наших лицах. Отец явно любовался снегопадом.

— Придет еще время, в дни ледохода точно такой же снег пойдет!

Мне было не до гусей, не до снега: ноги окоченели, вода стекала под капюшон малицы, разливалась по груди, было мерзко, сыктотно. Сквозь серую мглу бродившие возле нас олени казались непомерно большими, мохнатыми.

— Снег... Какой красивый снег идет! — сказал я как можно бодрее, а сам почувствовал холод даже на языке.

— Красивый снег, — задумчиво подтвердил отец и обернулся ко мне. — А тебе не холодно? — Брови у отца запрыгали — как крылья у птицы. — Зря, вовсе зря пимы-то намочил. Забнут ноги-то?!

— Нет, — ответил я, стараясь казаться бодрым, но всего передернуло. Губы задрожали. Спросил: — Теперь всюду-всюду на земле снег идет, да?

— Всюду ли на земле снег... — Он потер ладонью лоб. — Я не знаю, сын. Мир велик. Может, где-то снег, где-то солнце...

— Снег... выдохнула устало, а с языка будто само слетело: — А в чуме-то... огонь. Чай, наверно, пьют?

Вдруг глаза отца сделались большими, круглыми и он сказал, будто запел:

— Э-э-э! У тебя и ноги-то, вижу, сломались! — он обеими руками вцепился в голенища моих пимов, попытался выдернуть из них ноги, да не тут-то было. — Ну-ка, ну-ка! Сними пимы-то! Скорее! И лицо-то у тебя без кровинки... точно цингой заболел! Быстрее! Так! Видишь, пятки — что камни!.. Как лед! — Он мямл в своих теплых ладонях мои ступни и пальцы ног, побелевшие от сырости. — Что молчишь? Весь ведь в ледышку превратился! В нашем деле, брат, нельзя молчать. Тоже мне... пастух... навязался. Невидимкой на нарты полез! Но ничего... оленей любить надо.

А снег все валил. Густой, мокрый. Потом пошел вперемешку с дождем. Вода за пазуху текла не только с подбородка, она уже просачивалась через все швы малицы. Оброненное отцом «навязался» покалывало сердце, потому что я вовсе не навязывался, а просто сел к нему на нарты и только!

Отец заставил меня согнуть ноги, собрал и затянул ремешком, как горловину мешка, подол моей малицы. Так мне стало теплее, согрелись и ноги.

— Ну? Лучше? — спросил он, и в голосе его слышалось недовольство, досада.

— Тепло, но... все равно вода...

— Вылезай и из капюшона, ныряй весь в малицу, — приказал он.

Потом он меня сунул еще во что-то похожее на мешок, видимо, доху из оленьих шкур — совик, и мне стало тепло, хотя рубаха на мне была мокрая до нитки.

А вскоре меня, не спавшего всю ночь, забрал незаметно сон. Проснулся я от сильных толчков и понял, что мы едем — прыгают на кочках и сугробах нарты.

— Берите своего охотника! — откуда-то издавала донесся голос отца.

— Ой, господи! — услышал я крик отчаяния матери.

— Вот беда-то! Во-от беда! — вопила испуганно бабушка.

Я лежал, боясь шелохнуться, с нетерпением ждал, что еще скажут. Но... шумно распались узлы, стягивавшие малицу, и я, мокрый от пота, вывалился на латы возле танцующего пламени костра. От яркого света заслезилась глаза, мне лень было даже шевельнуться.

— Жив! — выдохнула всей грудью мать и в смешном поклоне опустилась на колени возле меня, будто я для нее был живым сядзем — идолом.

— Ти... ти... ти... — хлопала себя ладонями по коленям бабушка. Она, видимо, хотела что-то сказать, но от радости ничего не получалось, кроме: — Ти...

— Толковый будет пастух, — очень серьезно сказал отец. — Это ничего, что так случилось — все у него впереди. Всю ночь глаз не сомкнул. А погоду я сам проглядел.

— Слово-Песня⁵ по ветру несло. У ивняковой реки за чум зацепилось. Зацепилось за кончик шеста и через макодан в чум опустилось.

На устье ивняковой реки, на берегу большого озера жили старик и старуха. Двое жили. Детей у них, видно, не было — нет о них речи, — начала, как обычно, бабушка после утреннего чая, когда догребли в золе последние угли и в чуме стало прохладно.

— Это были, бабушка, ты и наш дедушка, который умер, да? — дернуло меня за язык.

Бабушка замолкла. Она долго смотрела на меня то ли зло, то ли обиженно. Нахмурившееся вдруг ее лицо постепенно ожило, и она сказала:

— Нет, внучек. Это — сказка. Давным-давно это было. Умей слушать.

Но на языке у меня был новый вопрос: — Давным-давно мы, конечно, тоже были?

— Нет, внучек: другие люди жили. Нас тогда и на свете не было. — Она потрогала за ухом. — Но души наши, конечно, были. Душа, она не умирает. Она через много-много лет в другого человека вселяется.

— Как это — другие люди? Разве, кроме нас, есть еще люди?!

— Другие люди? — у бабушки округлились глаза. Она развела руками. — Много людей. Разных. Но ты... — она смотрела на меня укоряюще, мол, дай же досказать.

— Рассказывай, — смутился. — Я больше не буду.

— На берегу большого, как небо, озера жили в одиноком чуме старик и старуха, — снова начала бабушка.

Я как будто видел этот чум, горбившегося старика, щуплую старушку с круглым лицом, то есть все-таки видел своего умершего недавно деда и свою бабушку.

— Детей у них не было, — повторила бабушка. — Были ли у них олени — неизвестно. Птицы, конечно, были: их полно

⁴ Пимы — меховые сапоги; либты — меховые чулки.

⁵ Слово-Песня — связующее лицо в сюжете ненецких сказок.

в тундре. И в большом, как небо, озере, возле которого стоял чум старика и старухи, жили только две рыбы: Щука и Хариус.

— Только две?! — удивился я.

Бабушка взглянула на меня, покачала головой.

— Да, только две: Щука и Хариус. Дружно жили рыбы. Еды хватало. В воде много трав озёрных, ракушек полно, жучков, червячков — все рыбе еда, но как-то Щуке захотелось чего-то более сытного, вкусного. Долго она думала, чего ей хочется, но в гневе на свою безмозглость хватанула зубастой пастью Хариуса и съела. Старик и старуха поймали неводом рыбу-Щуку и съели ее. С тех пор и стали звать их Пырерками — Полущуками. Пошли дети тоже Пырерки, — кончила бабушка.

— И — все?! — с досадой спросил я, готовый слушать хоть целый день.

— Все, — подтвердила бабушка, подняла глаза к маководу и добавила: — Вот потому мы и не едим щуку: от нее пошел род Пырерков. По отцу-то вы — Паханзеды, но мать ваша...

— Пыррей! — чуть не оглушила меня Сандра, ворвавшаяся в чум с улицы.

— Да, смотрит она глазами рода Пырря, — задумчиво говорит бабушка.

Мы жили в поселке, куда всей семьей переправились на большой лодке. До осени нам придется жить здесь, а осенью снова вернутся олени, и отец пообещал, что мы с ним поедем на охоту. А пока шел пятый день, как отец уехал на путину. При нем мне не удавалось сходить и ознакомиться с поселком. Он уходил туда то рано утром, когда я еще спал, то просто не брал меня с собой, торопясь на какие-то собрания. Только однажды, по пути в магазин, мы с мамой заходили в большой дом, где никто не жил, но былолюдно. Были тут мужчины, но среди них я увидел несколько женщин в брюках. Мужчины и женщины перебирали сети, сворачивали их и носили к лодкам, на берег. Это было еще до отъезда рыбаков.

Потом я не ходил в поселок. Одному было страшно: между домами бродили огромные собаки, они рычали, лаяли, кидались на людей в малицах, а другой одежды у меня еще не было. Собак в поселке много. Все время стоял над рекой лай, визг и вой. Собаки скукали по хозяевам, уехавшим на путину. Сначала я не понимал, для чего людям такие большие собаки и так много, но бабушка объяснила, что нужны они для езды. Зимой поселковые люди ездят на них, как на оленях. Есть у нас, у ненцев, даже слово «вэнодэтта» — собакооленевод. Это люди, у которых нет оленей, да они и не умеют за ними смотреть. Вот и ездят на прожорливых и кусачих собаках. Какой уж это человек, если он ездит на собаках! Лентяй и только!

Я представил себе, как ездят на собаках, и мне это показалось смешным и забавным. Хотелось увидеть «вэнодэтту» самому, но было лето, никто не ездил на лающих оленях, и вскоре я забыл о собачьих упряжках...

Весь вечер шел дождь, громыла гроза. Я несколько раз выбежал под проливной дождь босиком и в одной рубашке, чтобы смыть грехи, которые, как говорила бабушка, может быть, скопились у меня с тех пор, как я заговорил: язык у человека, по словам бабушки, — грязная вещь, и он не всегда подчиняется уму. Небо висело низко, в темно-синей мгле металлись молнии, высвечивая реку и мокрый песок на

отмелях. Все живое, казалось, вымерло, гремело небо и вздрагивала земля. Бабушка и мама боялись разжигать огонь. При каждом ударе грома бабушка что-то шептала одними губами.

— Это война, внучек. Война. Это бывает в каждую весну: хозяин земли Черного хора пошел войной на хозяина земли Белого хора. Стрелы у хозяина земли Черного хора каменные, а у хозяина земли Белого хора — ледяные. Ты слышишь, как гремит? Это гремят полозья их воинов. Почва там — одни камни. Копыта оленей и железные полозья нарт высекают искры. Это — молнии, стрелы их.

Я слушал бабушку, и меня охватывал страх. Когда я уснул, мне снился шаман — он стучал дробью по бубну. А когда я проснулся, весело горел огонь. В языках пламени трещали сухие поленья. Пламя торпливо лизало черные от сажи днища котла и чайника. Пахло едким дымом, непривычным для тундры, и густым ароматом вареной куропатки. Через весь чум тянулись золотыми нитями лучи солнца. На улице было тихо, слышался только отдаленный лай поселковых собак.

— На небе тоже есть собаки? — спросил я у бабушки, вспоминая ее вчерашний рассказ о войне хозяина земли Черного хора с хозяином земли Белого хора.

Она засмеялась, потом сказала: — Нет, внучек. На небе нет собак. И бога тоже нет. Его нет нигде. А то, что я рассказывала вчера во время грозы, — красивая сказка. Старая ненецкая легенда. Но вера у человека всегда должна быть. Вера в добро. Это и есть совесть, которая всегда чиста. Она ничем не может быть замаранной.

Мне теперь не хотелось верить словам бабушки, потому что вчерашняя красивая сказка была больше похожа на правду, и я сказал обиженно:

— Почему тогда придумывают сказки? Зачем?

— Хэ! — улыбнулась бабушка. — Это же мечта! А мечта, она всегда красива. Через мечту люди хотят быть лучше, добрее и красивее. Никто не живет без мечты.

— Это, конечно, так, — машинально сказал я, а на языке у меня вертелся уже новый вопрос, на который, думаю, наверняка не ответит бабушка: — А солнце? Оно разве — не бог?!

— Нет, конечно. Оно ведь не умеет думать. Как мы без огня не можем жить, так и земля наша не может жить без солнца, без его тепла. Не будь солнца, все на земле замерзло бы, все покрылось льдом. А бога придумали люди. Древний человек сам себе придумал бога и верил в него. Хотел он видеть его похожим на себя. В детстве я тоже верила в бога. Да и взрослой уже верила. Очень боялась идолов, шаманов, грома пугалась, а вот один русский, которого сам царь насильно отправил в тундру и который потом убежал и долго жил у нас в чуме, прячась от стражи, на многое открыл нам глаза. Он-то и рассказал, как устроен мир.

Земля наша, оказывается, вовсе не плоская, как говорили деды, и не на спинах китов держится в море, и не солнце вокруг земли ходит, а, наоборот, земля вокруг солнца идет, она — круглая, как шар, и вертится. Потому бывают и утро, и день, и ночь. Об этом долго рассказывать, ты, Василий, когда станешь взрослым, сам все узнаешь. Теперь не то, что раньше: все люди учатся, тундра умной стала, дети больше стариков знают. На наше горе!

Я знал, что мать и отец мои не верят в бога, а бабушка... я смотрел теперь на

нее с открытым ртом, как глупый, и ничего не понимал, потому что она мне всегда казалась набожной, и потому спросил:

— Тогда почему вчера, когда была гроза, ты крестилась?

Бабушка засмеялась, лицо у нее покраснело заметно.

— Привычка, — ответила она коротко и добавила: — Много у людей разных привычек. — Потом она посмотрела на маму. — Ведь знаешь, что нет ни бога, ни черта, а жутко, когда гром или темнь и рядом нет людей.

Я еще хотел спросить, почему она вчера заставляла меня стоять под проливным дождем и градом, но заговорила мама:

— Так уж, наверно, устроена жизнь. Слабый всегда боится сильного. Отсюда и страхи. Любая стихия грозна и безжалостна. Что человек перед ней? Песчинка!

— Это верно, — плыла руслом своей мысли бабушка. — Человеку трудно бороться со стихией, но стихия же учит его жить, бороться за себя, за свое существование, она открывает человеку глаза на природу своих тайн. Я тогда, может, пропустила бы мимо ушей рассказ «бунтовщика», как называли убежавшего от охраны русского, но случилось вот что.

Помогая убежать «бунтовщику», мы уже были далеко в тундре. Олени нуждались в отдыхе. Ближился вечер. Но тут разыгралась внезапно пурга, ветер, казалось, задул со всех сторон. Разом все заволокло. Не различить, не понять, где что. Земля и небо сделались одинаково серыми. Как говорится, не видно и своей вытянутой руки. Носа на лице не видно! И сбился с пути. Голая тундра. Ни кустика нигде. Да откуда же быть? Это же Пай-Хой. И трое суток бесилась пурга. Было немного мороженого мяса, мы его съели в первый же день. А ветер не то что людей — оленей на четырех ногах валит. Холод да еще голод зубы кажет. Что же делать? Снежную нору, которую вырыли для укрытия, пришлось оставить, и поехали, куда полозья катятся. Равнина вроде бы кончилась, пошли небольшие сопки, а вскоре на одном из холмов наткнулись вдруг на место жертвоприношения. На святое место. Здесь были олени череп, стояло более сотни больших и малых деревянных идолов, были полозья сломанных саней и копылья.

Остановились мы, решили принести в жертву одного из упряжных оленей, чтобы вымолить у бога хорошую погоду, но наши намерения понял «бунтовщик» и запретил это занятие.

— У бога, как и у царя, пощады не просят! — сказал он, почернев лицом, и стал ломать идолов, которые стояли на сопке, а нас заставил собрать обломки саней, и вскоре на подветренном склоне той же священной сопки раздул большой костер.

— Теперь только огонь наше спасение! — сказал он. — А оленя можете забить. Не боги, мы сами его съедим. Больше пользы будет!

— Дед ваш, — бабушка смотрела на нас с Сандрой, — согласился, хотя полные страха его глаза невольно тянулись к вершине сопки, где недавно еще стояли идолы, пылающие теперь в костре.

— Нельзя так гневить бога! — сказал он дрожащими губами, но оленя забил.

А когда мы уже сидели у костра и ели поджаренное мясо, ветер вдруг запнул, небо вызвездило.

⁶ Пыррей — так говорят о женщине из рода Пырря (Пырерка).

— Что это?! Мы так жестоко осквернили святое место, а пурга стихла?! Что же это бог-то?! Разве не видит?! — недоуменно разводил руками ваш дед.

— Нет бога, — спокойно сказал «бунтовщик» и добавил с улыбкой. — Не было его и не будет!

— Еще и смеешься, остроголовый?! — зло выдавил ваш дед. — Есть бог, и гнев его ты сам узнаешь! На своей шкуре узнаешь! Я не верю твоим вракам!

— Хочешь — верь, хочешь — не верь, но бога как не было, так и нет. Его никогда не будет. Скоро и царя не будет, а солнце не перестанет греть землю! Помни это.

— Сияк! — зло бросил ваш дедушка, встал, и вскоре мы уже были в пути. В небе ярко горели звезды, между ними золотой рыбкой сверкал только что родившийся месяц. Мы ехали в стойбище приуральских ненцев, откуда «бунтовщик» ушел к своим за Каменем, где варят железо.

Ни в тот день, ни через месяц, ни через годы никакой беды с нами не приключилось, а того русского мы встретили через двадцать лет в нашем же Пэ-Яха. Царя уже не было, «бунтовщика» теперь называли Товарищем. Большим начальником он приехал посмотреть, как мы живем. И встретились в день выборов в Верховный Совет. Голова у нашего товарища была вся в серебре, но на лицо он выглядел молодо. Мы не сразу узнали его.

— Здравствуйте, Артем и Анисья! — выпалил он, как только вышел из самолета, и обнял нас крепко.

Потом мы угощали его в чуме, много говорили о новой жизни и вдруг наш товарищ спросил с улыбкой:

— Ну и как бог? Ни со мной, ни с вами он вроде бы ничего не сделал? Все живы и здоровы!

— Ты, однако, прав, видимо, товарищ! — сказал ваш дед и от стыда у него даже закрылись глаза. — Так-то вот.

Бабушка смотрела на меня и Сандру, круглое ее лицо будто бы светилось изнутри.

— И с тех пор я навсегда перестала верить в существование бога. Но старая привычка креститься во время грозы все же осталась, никак не могу отвыкнуть, — заключила свой рассказ бабушка, опрокидывая на блюдце свою пустую чашку.

После чая я вышел на улицу. Солнце светило ярко, небо было высокое и голубое, только далеко над горизонтом, как большое пламя, горели лохмотья облаков. Сочно-зеленая трава и листья карликовых березок, еще мокрые от ночного дождя, вспыхивали под лучами солнца разноцветными искрами.

Я стоял на голом месте возле чума. Здесь были нарты, на которые можно было присесть. Я смотрел задумчиво на дома. Люди в поселке, видимо, тоже просыпались: то в одном, то в другом месте начинал валить из труб дым.

— Эй, что ты торчишь, как пугало! Не видишь, что кулики кружат? — раздался чей-то звонкий голос.

Я обернулся. Недалеко от меня стоял, пригнувшись, мальчик в малице. В руках у него были лук и стрелы.

Кулики сделали еще один круг возле меня, снизились было над большой лужей, но не сели, удалились в сторону желтевших в отдалении песков. Мальчик в досаде махнул рукой и подошел ко мне.

— Тоже мне: нашли место для чума! — ворчал он недовольно.

— А что? Чем плохое место? — удивился я.

— Чем-чем? — возмутился мальчик. — Я здесь всегда на куликов охочусь. Я их от самого Бабьего моря гоню, а ты тут сесть им не дал, — сказал он, глядя себе под ноги. Потом он поднял голову и уставился мне в лицо.

Мы долго смотрели друг на друга. Вдруг он улыбнулся:

— Ты кто такой?

— Я?

— Не дед же Матвей! Ты, конечно!

— Василей... А по-взрослому: Микул Вась. Паханзеда.

— Василей? Как — Василей?! Да ты еще имя-то свое толком не знаешь! Василий, наверно? Вася?

— Нет! Василей! — отрезал я.

Мальчик развел руками.

— Гм... А я — Василий. Лаптандер, — он протянул мне грязную, запачканную в глине руку. — Будем знакомы: Вася Лаптандер.

Он приходил ко мне почти каждое утро. Ходил к нему и я. Жили Лаптандеры в поселке. Позже я узнал, что их семья никогда не имела оленей.

— Не скучно все время в доме жить? — спросил я однажды.

Надо было видеть, как он удивился.

— Хэ! Думаешь, лучше в чуме кости морозить? — бросил он.

Я удивился, но сказал как можно спокойнее:

— Чум — не дом, где всегда кислый воздух. В чуме всегда чистый воздух, и места всегда новые.

— Фу! В чуме я и дня не проживу: зимой — холодно, летом — комары.

Мне почему-то стало неловко за привычное свое жилище.

Но Вася оставил эту тему.

— А у тебя, Василей, лук есть?

— Как нет?

— Хорошо, что есть лук, — сказал Вася. — Пойдем на куликов. Я хорошие места кормежки знаю. Куликам там и счета нет! За глиняную речку пойдем. В отлив она совсем высыхает. Это — за вашим чумом. Но — чур! — чтобы Едрена гачь не видела.

— Хэ, Едрена гачь! — удивился я. — Это еще что за имя?

Вася улыбнулся.

— Это не имя. Едрена гачь — это она так ругается. Ее все зовут Анна Фатеевна или Фатей Анна. Как-нибудь я тебе покажу ее, — Вася поднял голову, прислушался. — Во, слышишь? Вот она.

Слух мой уловил чей-то голос, но я ничего не понял.

— О-о! Едрена гачь! Опять воду мутит! — раздалось у меня над ухом, когда, выйдя от Васи Лаптандера, я шел по берегу к чуму и смотрел на плескавшихся в воде наших ребятишек.

Грозный окрик женщины всполошил их, они разбежались кто куда. Какой-то мальчишка-заморыш, держа в руках один пим, растерянно крутился на одном месте. Женщина подошла к мальчишке широким шагом, схватила его за плечи и повернула к себе.

— А, птенчик! Опять ты мне попался! — сказала громко Едрена гачь, чтобы слышали все, кто, прячась за валунами, корягами и кочками, смотрели с любопытством на нее.

Мальчик стоял возле своего пима, склонив виновато голову, и всхлипывал.

— Уж попался мне второй раз — не прощу! — громыхала Едрена гачь, держа мальчишку за плечо. — Снимай штаны-то! Сам добром снимай!

Деваться было некуда. Едрена гачь сняла

сапоги, схватила мальчишку под мышки и побрела в воду.

— Сколько раз надо говорить, едрена гачь, а? Ид ерв⁹ не любит, чтобы мутили его воду!.. Жить что ли надоело, едрена гачь. Дедушка Ид ерв не терпит долго, едрена гачь! Схватит за ногу и к себе в подводный дом утащит!

Мальчишка бил руками и ногами, вертел головой, пытаясь укусить женщину, но так крепко держала его. Когда вода стала выше колен, Едрена гачь посадила мальчишку в воду и начала погружать. Она опустила сначала его до пояса, потом до горла, затем быстро толкнула под воду и так же быстро вытащила.

— Вот тебе! Вот! Всех буду крестить, кто попадется! Кто воду мутить будет!

Мне жалко стало этого мальчишку, и не помню как, но я оказался возле пима на гальке. Когда Едрена гачь уже на берегу шлепала мальчишку по худому задку, я сказал:

— Нальзя так, тетя. Он — сустуй!¹⁰ Больно ему и... холодно.

Нахмуренное лицо женщины вдруг улыбнулось, но тут же снова сделалось серьезным.

— Пусть больно! Пусть Ид ерва не гневит! — сказала она и отвернулась. Потом снова обратилась ко мне и добавила уже нормальным своим голосом: — Я-то что! Искупаю и — все. А Ид ерв с такими шалунами играть не будет: затащит под воду и шею сломает. У него и так, наверно, голова болит и глаза замутились? Он тоже хочет солнце видеть.

Схватив пим, мальчишка побежал и начал карабкаться на обрывистый берег. Из-за большого валуна высочилла какая-то девочка и подала ему второй пим. Мальчик связал вместе тесемки, закинул пимы за спину и они — видимо, брат и сестра — вместе полезли на крутой берег.

Я поспешил в чум, чтобы настрогать стрелы и рано утром выйти на охоту.

Не помню, сколько уже раз мы с Васей ходили на куликов. Это занятие мне понравилось. Вставали рано, когда люди в поселке еще спали, и шли с луками на лайду, пахнущую глиной, гнилью трав и мхов, застойной морской водой. Проплавали там весь день, ползали на животе, подкрадываясь к безобидным маленьким куликам-плавункам, которые мало кого боялись и из-за своей беспечности становились нашей легкой добычей. Мы возвращались мокрые, но с полными сумками трофеев. За мокрую одежду нам, конечно, крепко доставалось от матерей, да и плавунки наши не пользовались у них популярностью.

— Снова кулики! — возмущалась мать. — Что толку? Были бы гуси или турпаны, а то — одна кожа да кости! — трясла в руках мою облезлую малицу.

— Будут и гуси, — тихо говорила бабушка.

Мать словно не слышала ее:

— Видишь, как малицу-то сгноил? И пимы!.. В чем будешь ходить, как похолодает?

⁷ Остроголовый — оскорбительное название русских.

⁸ Сияк — враль.

⁹ Ид ерв — хозяин воды, водяной.

¹⁰ Сустуй — тощий, неупитанный.

Я понимал, что виноват. Такое не раз уже было. Но я знал, что мать пошумит и перестанет, поэтому молчал. А на следующее утро мы с Васей снова уходили на лайду. Тайком уходили. Это повторялось каждый день. У нас на лайде были теперь у каждого свои места лова. На участок друг друга мы не ступали, если даже и видели много плавунков.

Дневные наши трофеи доходили до тридцати и более штук у каждого. Перестали браниться и матери, потому что одна камбала надоедала. Не ругали они нас еще и потому, что мы с Васей уже носились по лайде не в малицах и пимах, а босиком да в легких охотничьих штанах и рубашках, цвет которых трудно было определить.

Однажды, когда солнце стояло высоко над головой, я вдруг заметил на своем участке затаившегося в траве самца турпана — гагу-гребенушку. На большую, как гусь, птицу, конечно, трудно было охотиться с палкой, но у меня перехватило дыхание. Из поездок с отцом на весеннюю охоту я знал, что турпан, которого у нас называют иногда морской куропаткой, — птица не из пугливых, порой к токующим турпанам даже на упряжке можно подъехать на расстояние вытянутой вожжи, но то бывает весной. Когда до турпана осталось каких-то пятьдесят шагов, я лег и пополз на животе, вспарывая грудью лайденную жижу. Временами я приподнимался на локтях и видел, что птица не чувствует опасности. Я полз дальше. Расстояние между нами медленно, но сокращалось. Когда до птицы можно было достать вытянутым тынзеом, к моему удивлению, турпан по-прежнему сидел спокойно, только иногда, если чавкала подо мной вода, он медленно, даже лениво как-то поворачивал голову, осматриваясь. Я замирал. Турпан подбирал аккуратно крылья, принимал удобную позу и замирал, сонно покачивая шеей. «Спит», — решал я и полз дальше.

Когда через час я, не чуя земли под собой, подлетел к чуму, держа на вытянутой руке над головой большую птицу, бабушка от удивления не могла ничего сказать. Волоча птицу за желтую лапу, сестра бегала вокруг нас и твердила:

— Вэй, нармоты!.. Вэй, нармоты!..

Нармоты — так называют у нас турпана. Потом, когда все утихомирились, мать взглянула на меня, перевела взгляд на птицу и спросила осторожно:

— Молодец, сын, что такую большую птицу принес. И ты наконец нашим кормильцем стал, — она взглянула на бабушку и добавила, кажется, больше для себя: — Растет сын... растет. А мы?

— Не молодеть же нам, — отозвалась бабушка со вздохом.

Радости моей не было предела. «Вот бы отец видел!» — думал я, сам не в силах оторвать взгляда от птицы.

Окончание следует

КАК ХРИСТОС ПЕРЕСТАЛ БЫТЬ БОГОМ

М. РЫБИНА,
А. КОЧЕТОВ,

доктор философских наук

И. Н. Крамской. Портрет П. М. Третьякова. 1876.

И. Н. Крамской. Портрет И. И. Шишкина. 1880.

Полесовщик. 1874.

Н. Н. Ге. Что есть истина?
1890.

И. Н. Крамской. Автопортрет. 1867.

Если вдуматься в историю мирового изобразительного искусства, так или иначе связанного с христианскими идеями, невольно обращаешь внимание на то, что ему не удалось создать художественно-убедительные образы ни бога-отца, ни бога-сына. И как бы по контрасту с этим, особенно с образом Христа, стоит богородица. До сих пор волнуют нас ее потрясающей силы изображения и в лучших произведениях средневековой иконописи, и в картинах эпохи Возрождения. Везде она — человек, мать и этим близка людям. Самые светлые, высокие идеалы гуманизма органически сливались в лучших ее изображениях с реалиями земной жизни, с чувствами, печалью, радостью людей. Этот чудесный сплав передавался изобразительными средствами, земными красками, которые и составляют «оружие» художника.

Куда бледнее художественная трактовка образа Христа как бога-сына. В картинах с мадонной он, как правило, — лишь сопровождающая мать фигура, младенец, еще не ставший мессией, спасителем.

Передать ярко и образно приемами изобразительного искусства иллюзорное представление о несуществующем просто невозможно. Только отказ, — иногда, возможно, и не до конца осознанный, — от традиционной религиозной трактовки Христа как сына божьего и самого бога открывал перед художниками путь к подлинному мастерству в его изображении. Иначе говоря, настоящие шедевры в посвященном изображению Христа искусстве появлялись там, где он по сути своей из бога превращался в человека. Это уже был не сверхъестественный персонаж, и вызывал он чувства, в принципе противоположные христианским требованиям смирения и покорности.

Такой поворот в изображении Христа особенно зримо произошел в русской живописи второй половины XIX века, в искусстве критического реализма, выразившего становление революционного сознания передовых людей России.

Эпоха эта характерна весьма острыми социальными процессами. Отмена крепостного права, этапы подъема народно-освободительного движения в 1859—1861 и 1879—1880 годах и смены их периодами жесточайшей реакции — вот важнейшие ее вехи. То было время, предшествовавшее распространению идей научного социализма и созданию марксистской партии. И время это, естественно, нашло свое отражение в искусстве. Вспомним: гиганты художественной литературы, «могучая ку-

чка» в музыке, «передвижники» в изобразительном искусстве...

Революционные устремления передовой русской интеллигенции стали одной из главных тем художественного творчества. Оно не могло пройти мимо осмысления ее поисков пути к народу. А в условиях многовекового господства православия художники для изображения революционных идей нередко обращались к христианской символике. «Евангельская легенда в ее нравственном содержании, — отмечает советский исследователь Г. Г. Поспелов, — нужна была для обобщающего осмысления сочувствия угнетенным, а главное — соотносилась с жертвенным путем современной интеллигенции».

Эта мысль подтверждается и самими тогдашними прогрессивными художниками. Так, в записной книжке И. Н. Крамского говорится, что для живописцев и ранее очень часто «Библия, Евангелие и мифология служили только предлогом к выражению совершенно современных им страстей и мнений...» В своих письмах он также неоднократно подчеркивал: «Историческая картина постольку интересна... поскольку она параллельна... современности», «историческую картину следует писать только тогда, когда она дает канву, так сказать, для узоров по поводу современности, когда исторической картиной, можно сказать, затрагивается животрепещущий интерес нашего времени»¹.

«Первой ласточкой» принципиально нового подхода к изображению евангельских сюжетов была грандиозная картина А. А. Иванова «Явление Христа народу», над которой художник работал 20 лет. Христа на этой картине, по существу, нет. Он так удален, что не мешает зрителю сосредоточить внимание на широком, густо «заселенном» переднем плане, где в психологически острых портретах выражена суть произведения. Как по-разному слушают эти старцы и подростки, выходцы из разных слоев общества, представители разных национальностей Иоанна Крестителя, вещающего о пути к спасению. Идейный центр картины — раб, на измученном лице которого слились воедино и проблеск надежды, и саркастическая усмешка, — знаем, мол, этих проповедников справедливости.

Картина, выставленная в 1859 году, вызвала восторг передовых людей и возмущение консерваторов, один из которых — В. В. Розанов дал ей тем не менее удивительно точное определение: «Разве это «Явление Христа народу»? Это же затмение Христа народом — вот что это такое».

Постепенно и в других произведениях облик Христа теряет атрибуты божественного. А. С. Суворин, редактор газеты «Новое время», представи-

Слева:
И. Н. Крамской.
Христос в пустыне. 1872.
Крестьянин с уздечкой. 1873.

¹ И. Н. Крамской. Письма, статьи, т. 2. М., 1966, стр. 167, 164.

тель черносотенно-шовинистической критики, писал с ненавистью: «Художники стали демократизировать самую фигуру и лицо Христа. Они стали вырывать его из области старых представлений и бросать в толпу, как одного из толпы». А по поводу картины Н. Н. Ге «Что есть истина?» он заметил, что в образе Христа художник показал «очень ординарного рабочего, нечесанного, в бедной одежде, с злыми глазами, с каким-то сумрачным, угрожающим видом». Критик понял, что Пилат и Христос в этой картине олицетворяют противоположные социальные силы: «С одной стороны, богатство, власть, сытость, с другой — бедность и изнурение. Бедность говорит об истине, богатство пренебрежительно спрашивает: «Что есть истина?»

Среди основанных на евангельских сюжетах произведений одно из лучших — картина И. Н. Крамского «Христос в пустыне». Образ Христа волновал художника на протяжении чуть ли не всей жизни. Через него Крамской пытался ставить и решать большие вопросы реальной действительности. У него было даже намерение создать серию картин на сюжеты из жизни Христа. Еще учеником Академии художеств он впервые лепит его голову. А в 1867 году создает первый вариант «Христа в пустыне». Лишь эту картину ему удалось завершить из всего задуманного.

Над другой картиной, посвященной этой тематике, — «Хохот» — И. Н. Крамской трудился много лет, никому ее не показывая. Она была задумана в развитие предыдущей темы. В незаконченном виде «Хохот» был представлен на посмертной выставке работ художника — в 1887 году. Современники отмечали идейную близость этих двух произведений, хотя они совершенно различны по своему подходу к теме. Первая картина — однофигурная, вторая — многофигурная и многоплановая, со сложной композицией. На римском дворике стоит осужденный на смерть окруженный толпою Христос. Его никто не понимает, более того, над ним смеются.

«В первой картине, — отмечал известный критик В. В. Стасов, — вечный трагический вопрос всякой высокоинтеллектуальной натуры: «Быть или не быть?» в трудную историческую минуту жизни; во второй картине — тот хохот грубых людей, та насмешка, то непонимание, тот позор, которыми всегда и везде толпа преследовала и казнила мысль и деятельность великих начинателей, истинных благодетелей рода человеческого»².

«Христос в пустыне» — результат многолетнего напряженного творчества. В многочисленных набросках с натуры, в этюдах постепенно кристаллизовалась форма, способная вместить идею, эмоциональный настрой

картины. Путешествуя, художник вглядывался в природу, ища в ней гармонирующие с настроением его произведения краски. Крымские пейзажи помогли ему в этом поиске.

Евангелия сообщают, что дух божий увел Христа в пустыню, где в течение сорока дней и сорока ночей его искушал дьявол, обещая ему «все царства мира и славу их» за отказ от порученной ему богом-отцом миссии искупления людских грехов. От этой евангельской легенды и оттолкнулся Крамской. Однако ничего, кроме названия, не напоминает нам о ней в картине. Чем ближе мы знакомимся с Христом, рожденным кистью Крамского, тем сильнее охватывает нас ощущение, что этот человек уже знаком нам. Не самого ли Крамского и его современников, готовых к самопожертвованию во имя народного блага, олицетворяет он?!

Перед нами — погруженный в глубокую думу человек. Изнуренное лицо, усталые полужакрытые глаза, сжатые губы. В нем происходит тяжелая внутренняя борьба. «Вся фигура, — отмечал писатель И. А. Гончаров, — как будто немного уменьшилась против натуральной величины, сжалась — не от голода, жажды и непогоды, а от внутренней, нечеловеческой работы над своей мыслью и волей, в борьбе сил духа и плоти, и наконец в добытом и готовом одолении...»³

Художник поставил «вечный» вопрос: по какой же дороге пойти — совершить подлость во имя собственного благополучия или пожертвовать ради блага людей всем, что дорого в жизни? Кажется, что этот измученный человек может сломиться, не устоять перед искушением уйти от борьбы. Но посмотрите в картину еще и еще раз. Нет, фигура как бы «заряжена» незримой пружиной: крепко сжаты руки, лежащие на коленях, упрямы изгибы губ, слегка раздуты ноздри... В этом образе воплощены решимость совершить подвиг, пойти на жертву ради человеческого блага. Дадим слово самому Крамскому: «Все мы переживаем в своей жизни такие критические минуты, разница в размере интересов...»⁴.

На первый взгляд может показаться, что картина «Христос в пустыне» противоречит другим произведениям передвижнического круга. Ведь в русской живописи этого периода есть произведения, открыто выражающие неприятие действительности, ненависть к угнетателям народа, к средствам угнетения, в том числе к религии и господствующей церкви.

Вспомним, к примеру, такие картины, как «Сельский крестный ход на пасхе» и «Трапеза» В. Г. Перова, «Отказ от исповеди перед казнью» и «Крестный ход в Курской губернии» И. Е. Репина (формально не принадлежавшего к Товариществу пере-

движных выставок, но сердцем всегда бывшего его сторонником), «Встреча иконы» К. А. Савицкого. Однако эти произведения, за исключением репинского «Отказа от исповеди перед казнью», были более антиклерикальны, чем атеистичны. Их открытая антицерковная направленность — линия наиболее прямая и понятная. В более полной форме протест против духовного гнета церкви выражался в то время в произведениях, использовавших религиозные сюжеты.

Российская действительность выдвигала на историческую арену конкретные яркие личности, посвятившие свою жизнь борьбе за справедливость, добро; интеллигентов в высоком смысле этого слова. Достаточно вспомнить декабристов, революционных демократов, петрашевцев... Крамской создал собирательный их образ, отразил их жертвенный путь, по его собственным словам, в форме «иероглифа», «олицетворяя абстракт». В фигуре Христа символически воплощено подвижничество русской интеллигенции. Это форма — лучшая, самая чистая, какую мог найти Крамской для своей идеи, отмечали современники художника. Ему был важен «не сам Христос... а та отвлеченная идея, которая была у него в голове...» — писал В. В. Стасов.

Непреходящая ценность картины заключается в воплощении художником в образе Христа этической проблемы отношения к общественному долгу. И хотя на выбор сюжета оказал влияние просветительский, утопический характер социально-политических идей Крамского, нам, современным зрителям, эта картина позволяет более глубоко понять место интеллигенции в развитии России второй половины XIX века, увидеть свои собственные колебания между примирением с окружающей пошлостью и решимостью вступить на путь борьбы за народное дело, полный лишений и страданий.

По сути, Крамской обращался к советам русской интеллигенции, призывая ее к ответственности за судьбы народа. И картина воспринималась как манифест передовой интеллигенции, через религиозный сюжет в ней были отражены актуальные проблемы современности. Крамской сам подчеркивал, что Христос — «не больше как человек — человек!». Христос в его понимании — идеал, к которому должен стремиться каждый. В нем воплощен человек, полный прекрасных

² В. В. Стасов. И. Н. Крамской, по письмам его и статьям. Духотомник. М., 1952—1954. Том 2, стр. 116—117.

³ И. А. Гончаров. Собр. соч., т. 8. М., 1955, стр. 229—230.

⁴ И. Н. Крамской. Письма, статьи, т. 1. М., 1965, стр. 218—219.

замыслов, прокладывающий для себя путь воплощения их в жизнь. «Мой бог — Христос», — писал Крамской, — величайший из атеистов».

Понимание Крамским атеизма представляет для нас интерес. Свои мысли об этом художник развивает в письме И. Е. Репину от 30 января 1874 года. Он считает, что атеистом в настоящем, высоком смысле слова является человек, «черпающий силу только в самом себе». Конечно, терминология, которой в этих рассуждениях пользуется Крамской, непривычна для нас. Он, например, говорит, что атеизм — «последняя, высшая ступень развития религиозного чувства», что «молитва творит чудеса», причем понимает под «молитвой» активный отпор подавлению благороднейших побуждений несправедливостью, эгоизмом, тупостью и зверствами людскими. Если такое «молитвенное состояние» пришло, то и влияние художника «на действительность будет несокрушимо, а последствия необъятны и качественно и количественно»⁵. Какое уж тут «религиозное чувство», какая «молитва»?!

Личность художника, его мысли, колебания, поиски, несомненно, наложили отпечаток на созданный им образ Христа. «Я написал своего собственного Христа, только мне принадлежавшего, и насколько я, единица, представляю из себя тип человека, настолько, стало быть, так и есть — ни больше, ни меньше», — писал Крамской. Отвечая В. М. Гаршину на вопрос о сущности художественного образа картины, он говорил: «...Это не Христос... Это есть выражение моих личных мыслей».

При том, что основная тема картины — ответственность за благо людей, выбор жизненного пути — раскрыта Крамским инсказательно, через религиозный сюжет, конкретно-историческая реальность, отраженная в ней, уходит в подтекст, в сферу ассоциативности. Недаром художник придавал столь большое значение словесному истолкованию картины.

Наиболее концентрированно инсказательное значение этой работы раскрыто художником в письме В. М. Гаршину от 16 февраля 1878 года: «Я вижу ясно, что есть один момент в жизни каждого человека, мало-мальски созданного по образу и подобию божью, когда на него находит раздумье — пойти ли направо или налево... Мы все знаем, чем обыкновенно кончается подобное колебание. Расширяя дальше мысль, охватывая человечество вообще, я, по собственному опыту, по моему маленькому аршину, и только по нему одному, могу догадываться о той страшной драме, какая и разыгрывалась во время исторических кризисов. И вот у меня является страшная

потребность рассказать другим то, что я думаю».

Дискуссия вокруг «Христа в пустыне» отражала не только чисто художественные достоинства и недостатки картины, но и отношение различных социальных кругов к новому развивающемуся в искусстве направлению — реализму, к Товариществу передвижных выставок. При этом представители реакционной критики резко выступали против трактовки традиционного религиозного сюжета. Однако в целом картина получила положительные отзывы, особенно в прогрессивной печати. Отмечалось, что она дышит «правдою и реальностью исполнения».

«Христос в пустыне» выдержал испытание временем. И сегодня, спустя сто десять лет, картина волнует нас, будит совесть, призывает к борьбе с подлостью, мещанством, лицемерием и ханжеством; убеждает, что есть более высокие ценности, чем мирок личного благополучия.

Было бы ошибкой, однако, сводить поиски Крамским художественной формы, отражающей современную ему жизнь, лишь к образу Христа. Если в ранний период своего творческого развития художник выражал свои представления о добре, зле, справедливости в христианских формулах, то с годами его все меньше и меньше удовлетворяла условная фигура Христа. Возможно, именно поэтому картина «Хохот» осталась незаконченной.

Крамской ищет новые формы для выражения своих взглядов. Он открыто поэтизирует в своем творчестве тех, кто идет по пути борьбы со всем антигуманным, реакционным, — создает ряд портретов передовых людей своего времени. В них он уже не в форме «иероглифа», а языком высокого реализма выразил лучшие черты, присущие прогрессивной русской интеллигенции.

Вглядитесь в его портрет певца родной природы И. И. Шишкина. В нем удивительно органично сочетались приметы широты и мудрости русского крестьянина с чертами, свойственными художественным натурам, особо тонко умеющим и чувствовать и дарить другим прекрасное. А как точно передан беспощадный ко всему попирающему человеческое достоинство взгляд Льва Николаевича Толстого, взгляд, который, по свидетельству современников, нелегко было выдержать. Недаром, заказывая Крамскому для Ясной Поляны повторение этого портрета, Софья Андреевна просила художника несколько этот взгляд «притушить».

Смотрите, какой взыскательный отбор тех современников, облик которых (не без подсказки П. М. Третьякова) обессмертила кисть Крамского, сумевшего при всей неповтори-

мости каждого выделить у своих персонажей черты высокой общественной значимости: М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. А. Некрасов, И. А. Гончаров, Т. Г. Шевченко, Д. И. Менделеев, сам П. М. Третьяков. Какой глубиной философского видения современности, тонкостью психологического проникновения в личность, социальной направленностью таланта надо было обладать, чтобы создать галерею образов тех, кто воплотил в делах своих решимость к подвигу, к которой звал Крамской в своем «Христе».

С не меньшей силой психологического анализа раскрывает художник высокий духовный мир тех, ради чьего блага боролись воспеты его кистью представители передовой русской интеллигенции. В портретах крестьян Крамской заставлял видеть личности, людей с неповторимыми индивидуальными чертами характера, глубиной чувств, остротой мысли. 15 последних лет своей жизни он, несмотря на занятость дававшими ему средства к жизни заказными портретами, писал и писал крестьян. В большинстве случаев мы не знаем их имен. Наряду с «Миной Моисеевым», это — «Крестьянин с уздечкой», «Созерцатель», просто «Портрет крестьянина». Но они навсегда остаются в памяти. Это — люди, за счастье которых надо бороться.

Наибольший интерес в этой серии представляет «Полесовщик», или, как назвал его Крамской, «Этюд мужика в простреленной шапке». Перед нами — образ сурового, мужественного «мужика-бунтаря». В нем художник с большой силой отразил протест, зарождавшийся в русском мужике. Крамской писал П. М. Третьякову: «Мой этюд в простреленной шапке по замыслу должен был изображать один из тех типов (они есть в русском народе), которые многое из социального и политического строя народной жизни понимают своим умом и у которых глубоко засело неудовольствие, граничащее с ненавистью»⁶.

Широка была идейная палитра русской живописи второй половины XIX века. И лучшие ее произведения критикуют царизм, выражают готовность идти на борьбу с ним. В этой многообразной палитре важное место занимают и «Христос в пустыне», воплощающий трагизм и величие этой борьбы, и «Полесовщик», который как бы вторит словам встреченного как-то Крамским в лесу мрачного крестьянина: «...Погоди, уж, барин. У нас — свой суд!»

⁵ И. Н. Крамской. Письма, статьи, т. 1, стр. 230, 226, 231.

⁶ И. Н. Крамской. Письма, статьи, т. 1, стр. 133, 447, 446.

⁷ И. Н. Крамской. Письма, статьи, т. 1, стр. 298.

румынская свадьба

В северо-западной части Румынии находится край, издавна называвшийся Цара Оашулуй. Как и соседний Марамуреш, это этнографическая зона с ярко выраженной индивидуальностью, которая проявляется в разнообразных областях народной культуры. Северный фольклор с его выразительностью, виртуозными танцами, изящными костюмами хорошо известен в стране и даже за рубежом благодаря гастролям местных ансамблей и выставкам народного искусства.

Много премий получили фольклорные ансамбли и народные умельцы Цара Оашулуя и Марамуреша на всех трех Национальных фестивалях румынской песни. Этнографы ведут обширные исследования в этой зоне страны, где ярко утверждаются традиции, сохраняя завидную молодость, а среди крестьян широко бытуют народные обычаи.

Самые важные события календарного или хозяйственного цикла (например, Новый год, выгон скота на пастбище и т. д.) сопровождаются древними обрядами. Главные моменты, связанные с жизнью людей, начиная с рождения, тоже отмечаются ритуалами многовековой давности. В большинстве случаев они уже лишены своего традиционного магического начала, приспособлены к новым социальным условиям, к современному мировоззрению и художественным вкусам.

Свадьба была и остается значительным жизненным событием, и связанные с ней церемонии — это богатый обрядовый комплекс, когда фольклорные тексты, музыка, танцы, красочность костюмов выливаются в подлинный народный праздник.

В целом свадьба в Цара Оашулуйе, как и в Марамуреше, включает в себя такие традиционные обряды, как сватовство, приглашение гостей, увоз невесты из родного дома, прибытие свадебной процессии в дом жениха. Здесь-то чаще всего и устраивается заключительное большое застолье. В качестве примера приведем свадьбу, характерную для села Кэмэрзан.

Первый важный элемент свадебной церемонии — плетение венка. Этому посвящены определенные песни, которые, в частности, воспевают основные последующие моменты праздника. Например, церемонию увоза невесты, когда кропят водой и дарят жареную пшеницу, желая этим плодородия как будущему хозяйству, так и самой молодой паре.

Заметка перепечатана с небольшими сокращениями из журнала «Румынские горизонты», 1982, № 1.

*Жених и невеста в традиционном свадебном наряде, уезд Марамуреш.
Фото из журнала «Румынские горизонты»*

Особую роль во время свадьбы играют символические дары. Несущий свадебный флаг, например, получает от тещи деревянную курицу, кукурузные початки, связанные полотенцем калачи, тарелки, бутылку той знаменитой цуйки, что делают в этих краях. Такие дары вручают во время заключительного торжества — большого застолья. Оно тоже сопровождается традиционными народными присказками, в которых пожелания перемежаются с шутками, создавая праздничную обстановку. По этому же случаю исполняют обрядовые танцы вроде танца калачей, сопровождаемого пожеланиями молодоженам мира и согласия как двум голубкам.

Во время большого застолья жених, невеста, родители и несущий флаг произносят тосты — нечто вроде фольклорного диалога в стихах. В них в образной форме воспеваются молодожены и их достоинства, звучат добрые пожелания новобрачным.

Небезынтересно отметить и социальные рамки, в которых играют свадьбу. Как и в других зонах страны, жители села принимают в ней исключительно широкое участие, что служит проявлением солидарности, поддержки складывающейся семьи со стороны общества: молодоженам по-

могают провести свадьбу, создать собственное хозяйство. Ибо всякая свадьба в Кэмэрзане, как и повсюду в Цара Оашулуйе и в Марамуреше, — это особый праздник, своего рода мост в будущую жизнь.

Александр ПОПЕСКУ,
доктор исторических наук

вокруг „чуда,,

В сентябрьском номере «Науки и религии» за 1981 год был опубликован перевод статьи Милана Милошевича из югославского еженедельника «НИН», в которой приводились высказывания председателя Комиссии Союзного исполнительного веча СФРЮ по отношениям с религиозными организациями доктора Александра Фиры. «В некоторых религиозных общинах, — говорил он, — иногда злоупотребляют религией в политических целях. Мы сталкиваемся и с опасными для нашего общества попытками соединения религии с национализмом».

О подобных негативных явлениях вновь напомнили события, происшедшие летом 1981 года в одном из районов Герцеговины. О них сообщили средства массовой информации СФРЮ. В частности, газета «Борба»

15 августа 1981 года поместила сообщение агентства Танюг под заголовком «Выступление против завоеваний революции». В тот же день другая белградская газета — «Политика», ссылаясь на сообщения сараевского телевидения от 13 августа того же года и республиканской газеты «Освобождение» от 14 августа, опубликовала статью «Богородица» сеет национализм».

Что же произошло в Герцеговине? — говорилось в ней. Оказывается, все началось с «чуда»: в небольшом местечке Читлук шестерым детям якобы явилась дева Мария. Эти «воочию видевшие мать Божию» — родом из трудных семей и, по мнению психиатров, проявляют «признаки религиозной истерии». И хотя часть югославского католического духовенства отнеслась скептически к «чудесному явлению богородицы», вскоре в святое место потянулись толпы паломников. Они вытаптывали поля, табачные плантации, срывали уборку персиков. Дельцы из числа католических церковных активистов не замедлили организовать среди верующих сбор пожертвований на новоявленную «святыню». Таким путем были собраны миллионы динаров, золото и валюта. Но церковным бизнесом дело не ограничилось.

Около святого места стали появляться усташские лозунги. Была задержана группа юнцов из деревни Липно, которые, возвращаясь из Читлука с «поклонения богородице», распевали националистические песни о «вожде хорватов» — главе усташей Павеличе. Сообщение об этом вызвало всеобщее возмущение. Агентство Танюг напомнило о том, что в годы войны усташа зверски уничтожили сотни тысяч мирных жителей.

Усташа — хорватские фашисты, партия которых была основана Анте Павеличем, ставшим в годы гитлеровской оккупации «фюрером» маприонеточной Хорватии. Они снискали печальную известность еще в 1934 году, когда по заданию фашистских разведок совершили известное «марсельское убийство» французского министра иностранных дел Луи Барту и югославского короля Александра, выступавших против реваншизма и агрессии фашистских держав в Европе. А в годы войны усташа были верными прислужниками Гитлера и Муссолини, создали лагерь смерти в Ясеноваце и Старой Градишке. При этом они тесно сотрудничали с католическим духовенством, многие представители которого тоже участвовали в погромах и убийствах. Усташа физически истребили на подвластной им территории всех евреев, а также сотни тысяч исповедовавших православие сербов вместе с их священниками. И все эти ужасы творились с благословения или молчаливого согласия ставленника Ватикана архиепископа заг-

ребского кардинала Алоиза Степинаца, долгие годы возглавлявшего католическую церковь не только в Хорватии, но и во всей Югославии¹.

Как известно, в последние годы наследники усташей активизировали свою подрывную деятельность, совершают жестокие террористические акты против представителей СФРЮ в США, Австралии, ФРГ, Швеции, Бельгии и других странах Запада, где они нашли приют после разгрома фашизма.

Югославские газеты рассказали о том, что 12 августа 1981 года Читлукская организация Социалистического союза трудового народа (ССТНЮ) резко осудила враждебную выходку группы юнцов из Липно. В принятой по этому поводу резолюции подчеркивалось, что националистические, проусташские элементы стремятся подорвать дружбу и братское единство сербов, хорватов и «мусульман»². Столь же единодушно националистическую вылазку осудил и сельский сход самой деревни Липно.

Поведение группы юнцов, писала газета «Освобождение», «находится в непосредственной связи с так называемым явлением богородицы в общине Читлук». Белградские газеты отмечали, что «по единодушному мнению местной общественности это явление богородицы было не случайным. Оно запрограммировано из единого центра и инспирировано отдельными представителями католической иерархии». Напомнив, что в СФРЮ свобода вероисповедания гарантирована законом, югославская пресса подчеркнула: реакционные круги католической и других церквей злоупотребляют чувствами верующих, манипулируют ими и используют религию для постыдных политических целей.

Мы, писала в этой связи «Борба», вместе с верующими совершали революцию и строили новую жизнь. Но нельзя допустить, чтобы под видом религии протаскивались проявления враждебного проусташского национализма. «Политика» напомнила, что подобные эксцессы уже имели место в тех же местах еще в 1971 году и использовались клерикальными националистами для подрыва дружбы народов под флагом «либерализации». Газета «Освобождение» отмечала, что такие тенденции характерны не только для католических клерика-

¹ См.: М. М. Шейнман. Ватикан во II мировой войне. М., 1951, стр. 175—176; И. Марьянович. Освободительная война и народная революция в Югославии. М., 1956, стр. 51—53.

² Так в Югославии называют славян, обращенных в ислам в период многовекового османского ига. Они не считают себя ни сербами, ни хорватами, а лицами «мусульманской национальности», хотя говорят на сербо-хорватском языке. Босния и Герцеговина — единственная из 6 республик СФРЮ, в которой ни одна национальность не составляет большинства населения.

лов. Так, жители Борика осудили проявления великосербского, а Порича — мусульманского национализма. А вот теперь, писала газета, и жители Липно заклеили проявления национализма как подрыв братства и единства народов Югославии.

С. МЕЛАМЕД,
историк

очаг славянской культуры

В IX веке на территории современных Моравии и Западной Словакии возникло славянское Великоморавское княжество. Оно объединило славянские племена — предков чехов и словаков. В годы правления князей Сватоплука и Моймира II Великоморавская держава настолько окрепла, что смогла устоять перед напором Восточнофранкского государства. Именно в тот период здесь развернули свою деятельность выдающиеся славянские просветители Кирилл и Мефодий, создавшие первую славянскую азбуку — кириллицу, литературный язык и письменность.

Тогда же на территории Великоморавского княжества возникают различные ремесла, развивается торговля. Об этой державе упоминают различные западные и византийские источники. Важнейший из них — булла папы Иоанна VIII (880 г.), в которой признается суверенитет великоморавского князя Сватоплука.

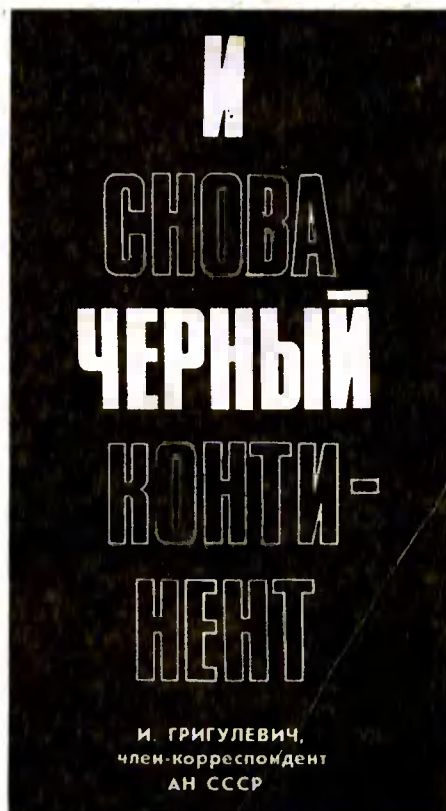
Эти свидетельства после 1945 года были дополнены археологическими находками. Они подтвердили, что в Великоморавском княжестве существовали поселения городского типа с высокоразвитыми ремеслами и торговлей. Сюда в 863 году из славянского города Солуни (ныне Салоники, Греция) пришли братья Кирилл и Мефодий и заложили здесь основы славянской письменности. Таким образом, жители княжества уже в середине IX века входили в число немногих народов Европы, имевших свою письменность и литературу.

В 1954 году Институт археологии Чехословацкой академии наук под руководством академика Йозефа Поулика начал проводить раскопки близ Микульчиц неподалеку от Годонина (Словакия). Здесь были открыты фундаменты 12 церквей, княжеского дворца, остатки захоронений, жилищ и укреплений. В мужских захоронениях обнаружены позолоченные бронзовые шпоры, а в женских — золотые и серебряные монеты и украшения. Судя по находкам археологов в Микульчицах, в Великоморавском княжестве процветало производство металлических изделий, кузнечное, бочарное, ткацкое, гончарное ремесла, стекольное дело и др. В частности, изделия великоморавских ювелиров, найденные в Микульчицах, вызывают восхищение замечательным мастерством художественного исполнения. Археологи полагают, что когда-то здесь располагалась резиденция великого князя. Теперь эта территория объявлена культурно-историческим заповедником.

Искусство Великоморавского княжества связано не только с античным, но и с восточным искусством. Самобытная славянская культура этого государства оказала значительное влияние на развитие всей центрально-европейской культуры.

За рубежом

В феврале нынешнего года Иоанн-Павел II в 9-й раз после своего избрания на папский престол выехал за пределы Италии и посетил четыре страны Черной Африки — Нигерию, Бенин, Габон и Экваториальную Гвинею. Это был его второй визит в этот регион. Первый состоялся в мае 1980 года, когда римский понтифик совершил 11-дневную поездку по 6 другим африканским республикам¹.

ВАТИКАН «ОТКРЫВАЕТ» АФРИКУ

Как обычно в таких случаях, международная печать пыталась ответить на вопрос, почему папа Войтыла зачастил в Черную Африку.

Во время его первого визита в Африку отмечалось, что, несмотря на количественный рост католиков на Черном континенте в последние годы, ватиканские дела там обстоят далеко не блестяще.

Несколько веков тому назад католическая церковь пришла сюда вместе с колонизаторами. Подобно им, она тоже считала африканцев дикарями, нуждавшимися в опеке миссионеров-европейцев, которыми руководила ватиканская конгрегация пропаганды

веры. С крушением колониальной системы империализма в 50—60-х годах нашего века «святому престолу» пришлось менять свое отношение к Африке — так сказать «открывать» ее для себя заново. И чтобы поправить дела церкви на этом континенте, завоевать симпатии африканцев, туда и потянулись папы.

С того времени, как Войтыла побывал в Африке, прошло неполных два года. Они были насыщены многими событиями. Иоанн-Павел II продолжал свои зарубежные поездки. В том же 1980 году он побывал еще во Франции и Бразилии, в 1981 году — на Филиппинах, в Японии и на острове Гуам.

Реакционные террористические центры совершили в мае 1981 года покушение на жизнь Иоанна-Павла II². Он был тяжело ранен и много месяцев с трудом выздоравливал. До этого в Сальвадоре реакционеры убили местного архиепископа Ромеро³.

В сентябре 1981 года папа опубликовал свою третью энциклику «Лабorem exerceat» («О человеческом труде»). Она не привлекла большого внимания. Почти незамеченной прошла и такая важная в истории церкви дата, как 20-летие со дня созыва II Ватиканского собора. В печати появились сообщения, что неминуема отставка Войтылы из-за его якобы безнадёжно подорванного покушением здоровья.

Чтобы прекратить распространение подобных слухов, папа стремился показать, что он в хорошей форме.

Папские нунции во всем мире зондировали почву, добываясь приглашения Войтыле посетить ту или иную страну. Различные правительства в принципе были готовы принять папу, но конкретных сроков не назначали. И не только из политических соображений. Многие из них просто не решались гарантировать Иоанну-Павлу II личную безопасность, опасались за состояние его здоровья. В этих условиях ему не оставалось ничего другого, как согласиться на повторный визит в Африку.

КАТОЛИКИ В АФРИКЕ

По данным «Британского энциклопедического ежегодника» (1978 г.), в Африке насчитывалось 134 миллиона мусульман, 153 миллиона последователей местных анимистических культов и других религиозных течений и 137 миллионов христиан, в том числе 68 миллионов протестантов, 54 миллиона католиков и 15 миллионов монофизитов (эфиопская и коптская церкви).

Католические источники приводят несколько иные цифры. Они утверждают, что доля последователей этой конфессии в современной Африке якобы увеличивается быстрее, чем на других континентах. В 1980 году на

450 миллионов населения там насчитывалось будто бы 52 миллиона католиков, а теперь — 56, то есть рост на 4 миллиона всего за два года⁴.

Но даже если эти цифры соответствуют действительности (как известно, церковники любят преувеличивать численность своей паствы), то и тогда католиков в Африке — не более 12—13 процентов ее населения, то есть явное меньшинство. Больше всего их в бывших франко-бельгийских, испанских и португальских колониях. И это вполне понятно, так как в их метрополиях римская церковь всегда была господствующей. В бывших же английских и немецких колониях захватчики опирались главным образом на протестантских миссионеров.

И хотя Ватикан в последние годы взял курс на африканизацию местных церквей, в том числе их епископата, тем не менее, по данным парижской буржуазной газеты «Монд» (12 февраля 1982 г.), духовенство Черного континента все еще на 70 процентов состоит из европейцев.

Еще в 1969 году Павел VI во время своего двухдневного визита в Кампалу (Уганда) расточал комплименты в адрес негритюда. Его примеру следует и нынешний папа, расхваливающий «африканскую самобытность». С благословения святого престола теологи рассуждают о вращении христианства в чуждую для него культуру, о необходимости «освобождать» африканские народы от религиозной отсталости. «Мы, — пишет нынешний архиепископ Парижа Жан-Мари Люстигер в статье «Молодость церкви» («Монд», 12 февраля 1982 г.), — все еще слишком критически относимся к колониальной эпохе — и это наша ошибка».

Однако из рядов африканского духовенства раздаются трезвые голоса. «В Черной Африке, — считает, например, камерунский кюре Жан-Марк Эла, — задачи Евангелия вписываются в мир, который финансовые державы решили превратить в резерв рабов и дешевой рабочей силы. Задача церкви в этих условиях ясна: ежедневно во имя Евангелия способствовать подлинному освобождению угнетенных».

Факты, однако, говорят не столько об успехах католицизма в Африке, сколько о мощном развитии там

¹ См. об этом в статье И. Григулевича «Папа путешествует...» «Наука и религия», 1980, № 12 (при м. ред.).

² См. об этом статью И. Григулевича «Вокруг выстрелов на площади святого Петра». «Наука и религия», 1981, № 9 (при м. ред.).

³ См. об этом статью И. Григулевича «Гнев и боль Сальвадора». «Наука и религия», 1981, № 12 (при м. ред.).

⁴ По тем же источникам в начале XX в. здесь был 1 миллион католиков, в 1930 г. — 6 миллионов, а в 1950-м — 12 («Корьере делла sera», 12 февраля 1982 г.).

революционного процесса. Консолидировались революционные режимы в Алжире и Ливии, вступили на путь революционных преобразований бывшие португальские колонии, социализм стал путеводной звездой Эфиопии, добилась независимости Зимбабве, усилилась борьба против бесчеловечной расистской системы апартеида в ЮАР и т. д.

ГИГАНТ НА НИГЕРЕ

Из девяти дней, которые Иоанн-Павел II провел на сей раз в Африке, пять пришлось на самую многонаселенную африканскую страну — Нигерию, где проживают около 100 миллионов человек.

В далеком прошлом на ее территории существовали королевства Борну и Фульбе. С XVI века европейцы промышленно здесь работоторговлей. В прошлом столетии сюда начали проникать англичане, основавшие колонию Невольничий берег. К концу века они завладели королевством Бенин, а в 1914 году создали колонию Нигерию. Ее население всегда сопротивлялось английским захватчикам, но только в 1960 году ему удалось добиться независимости.

Империалисты, однако, не смирились с поражением. Они разжигали межплеменную рознь, устраивали военные перевороты. В 1967—1970 годах в стране разразилась гражданская война между центральным правительством и отделившимся Восточным районом («республика Биафра»), за спиной которой стояли западные нефтяные монополии. Они пытались расколоть Нигерию и тем самым ослабить ее, но силы национального единства одержали верх. Сейчас эта страна — парламентская республика, а ее президент Шеху Шагари — мусульманин умеренных взглядов.

Недра Нигерии богаты ценными ископаемыми, в особенности нефтью, которой добывается более 100 миллионов тонн в год. В целом в ее экономике господствует иностранный монополистический капитал.

В этом самом населенном государстве континента живут более 200 племен и народностей, которые говорят иногда на несхожих языках, находятся на разных уровнях социального развития, исповедуют разные верования. В городах сосредоточено до 18 процентов населения. В одной лишь столице — Лагосе проживают свыше 4 миллионов человек. Наиболее крупные из нигерийских народностей — йоруба и хауса (по 20 млн. каждая), ибо (около 15 млн.), фульбе (7 млн.), ибибио и канури (5 млн.).

Около половины нигерийцев — мусульмане. Ислам стал проникать сюда с конца XVII века и быстро завоевал прочные позиции, в отличие от христианства, которое навязывали колони-

заторы. Среди нигерийских мусульман преобладают малекиты (один из толков суннизма). Христиане (в большинстве — протестанты) составляют всего около пятой части населения. В стране действует англиканское миссионерское общество.

Католические епархии возглавляют 3 архиепископа и 25 епископов. В 1977 году число патеров достигло 1400. Большинство из них теперь африканцы. Для католической церкви в Нигерии, как и в других африканских государствах, характерна высокая степень организованности. Здесь действуют различные миссионерские общества, монашеские ордена, 4500 католических школ и колледжей, в которых обучаются более 800 000 человек. Есть духовные семинарии, издаются католические газеты и журналы.

Кроме того, в стране существуют независимые христианские церкви и секты. Самые крупные из них — туземная баптистская церковь, секта херувимов и серафимов, апостольская церковь Христа, объединенная африканская церковь и эдонациональная церковь бога. Хотя в целом эти культы насчитывают не более 2,5 миллиона последователей, они пользуются определенным влиянием среди городского населения. Имеются в Нигерии и так называемая эфиопская общинная церковь, коптская африканская ортодоксальная апостольская миссия и некоторые другие христианские исповедания монофизитского толка.

Наконец, около 30 процентов нигерийцев придерживаются традиционных местных анимистических верований. Здесь проживают около пятой части всех африканских анимистов. Впрочем, вера во всякого рода приметы, предзнаменования, «дурной глаз» и т. п. вообще пронизывает весь быт большинства местных жителей, в том числе христиан и мусульман.

ПЯТЬ ДНЕЙ В НИГЕРИИ

Именно этой стране папа римский и уделил наибольшее внимание во время своего визита в Западную Африку. Чтобы обезопасить его от возможных покушений, Иоанну-Павлу II предоставили в Лагосе специальный автомобиль с пуленепробиваемыми стеклами. Кстати сказать, во время его пребывания в Западной Африке тамошние власти предпринимали небывалые меры предосторожности. Судя по газетным сообщениям, только в Нигерии было арестовано несколько десятков вооруженных лиц, пытавшихся приблизиться к папе.

В итальянском пассажирском самолете «Каналето», доставившем Иоанна-Павла II из Рима в Лагос, его сопровождала свита из 30 человек и 60 иностранных журналистов. В Лагосе все шло по намеченному плану.

Папу встретил президент Нигерии Шеху Шагари. Выйдя из самолета, понтифик поцеловал землю, после чего его отвезли на местный стадион, где он отслужил мессу. Затем последовали всякого рода официальные визиты и встречи.

Иоанн-Павел II побывал в четырех провинциальных центрах страны, рукополагал нигерийцев в священники и епископы, встречался со студентами, школьниками, дипломатами, с членами местной польской колонии. И по своему обыкновению говорил, говорил... О чем? Да, как и в прежних поездках, об экономических и социальных проблемах, о блестящих перспективах, ожидающих Черный континент, о любви католиков к африканским традициям, о желании церкви искоренить бедность.

И все же в выступлениях папы прослеживалась одна главная тенденция: стремление установить контакт с мусульманскими лидерами, достигнуть взаимопонимания, а если удастся, и единства действий с ними. Как и его предшественники на святом престоле, Войтыла одержим грандиозными прожектами, призванными, по его мысли, изменить ход событий в мире. Не последнее место в этих планах отводится альянсу креста и полумесяца, которого уже давно добивается нынешний понтифик. Именно с этой целью он ездил в Турцию, об этом говорил на Филиппинах, неоднократно предлагал такой пакт лидеру иранской революции аятолле Хомейни. Подобный зондаж, однако, пока что лишь разъярил правых исламских экстремистов, один из которых — «серый волк» турок Агджа стрелял в папу 13 мая 1981 года.

Иоанн-Павел II надеялся, что в Нигерии сможет возобновить, вернее начать, столь дорогой его сердцу диалог с исламом. Он рассчитывал на то, что здесь, в отличие от других мусульманских стран, для этого существует более благоприятная почва: ведь на берегах Нигера в прошлом религиозные разногласия не приводили к кровавым столкновениям между христианами и мусульманами, хотя именно в сегодняшней Африке христианство и ислам соперничают в борьбе за влияние на массы. Встреча папы с исламскими деятелями намечалась на 14 февраля 1982 года в горде Кадуна. Однако она так и не состоялась. Представитель местных исламских кругов Ибрагим Сулейман опубликовал резкое антикатолическое заявление, в котором отмечал: «Европа систематически использовала христианство в своих низменных целях (торговля рабами, колониализм, неоколониализм). Борясь с исламом, оно никогда не выступало как независимая сила, а всегда услужливо действовало в интересах преступной, жадной и эксплуататорской Европы».

И тем не менее, прибыв в Кадуну,

Иоанн-Павел II зачитал там заранее заготовленную речь и призвал мусульман к сотрудничеству с католиками «во имя нашей веры в бога». В ней говорилось и о том, что христианство и ислам имеют «много общего», содержались призывы «бороться за политическую мудрость, искоренение дискриминации, основанной на расе, цвете кожи, этническом происхождении, религии и половых различиях». Однако нигерийские мусульмане отвергли этот призыв, как, впрочем, и их единоверцы в остальных частях «исламского мира».

ЕЩЕ ТРИ СТРАНЫ

17 февраля Иоанн-Павел II покинул Нигерию и прибыл в столицу Народной Республики Бенин (в прошлом французская колония Дагомея) — г. Котону. Это сравнительно небольшая республика с населением в 3,5 миллиона человек, пестрым в этническом и религиозном отношении. Около 2 миллионов из них — приверженцы традиционных местных анимистических верований. Большинство из полумиллиона бенинских христиан составляют католики, столько же здесь и мусульман. В стране также имеется около 20 афрохристианских сект, насчитывающих в своих рядах четверть миллиона последователей.

После того как Бенин обрел независимость (1960 г.), у него не раз возникали конфликты с католической церковью, которая пыталась там удерживать под своим контролем всю систему просвещения и медицинского обслуживания. Кстати, первым африканцем, посвященным в кардиналы в 60-х годах, стал бенинец Бернарден Гантен, ныне возглавляющий ватиканскую комиссию «Справедливость и мир». Он сопровождал папу в этой поездке.

Из Котону Иоанн-Павел II в тот же день направился в Экваториальную Гвинею. 80 процентов 400-тысячного ее населения считаются католиками. Газеты отметили, что папа вылетел туда на самолете ЯК-40. Он посетил столицу страны город Малабо на острове Диско (в прошлом остров Фернандо-По) и город Бата на материке (бывшая испанская колония Рио-Муни).

В 1968—1979 годах во главе этой страны находился президент Франсиско Масие Нгема Бийого, католик по вероисповеданию. То было, по сути, диктаторское правление, сопровождавшееся всякого рода зверствами. Однако церковь служила этому режиму верой и правдой. Но в 1978 году, когда она отказалась провозгласить Масие живым богом, тот упразднил и ее, выслав за границу всех священников. Год спустя в Экваториальной Гвинее произошел переворот и диктатор был казнен. Новые власти восстановили католическую церковь, при-

гласив для этого 120 испанских миссионеров.

17 февраля Иоанн-Павел II прибыл в столицу Габона Либревиль. До 1960 года эта страна была французской колонией. Около 80 процентов ее населения (1,2 млн.) — христиане, главным образом католики. И хотя президент республики Омар Бонго в 1973 году, после посещения Ливии и Египта, перешел из католичества в ислам, утверждая, будто он больше подходит африканцам, это не помешало ему оказать папе пышные почести.

В этих трех странах Иоанн-Павел II встречался и с духовенством, и с властью имущими, говорил на разные темы, но нового ничего не сказал. Писали, что в конце своей поездки он выглядел утомленным и, казалось, стремился произвести впечатление, будто он еще в «хорошей форме». 19 февраля папа вернулся в Рим.

Так завершился второй визит Иоанна-Павла II в Африку. В предыдущий раз он посетил здесь 6, а теперь — 4 из 52 африканских государств. Покидая Габон, папа сказал: «Не говорю вам — прощайте, а — до свидания». Из чего можно было заключить, что он еще не раз намерен побывать на Черном континенте.

Каковы же результаты его второй поездки? Если не считать газетной шумихи, то Ватикану и на сей раз не удалось укрепить на Черном континенте свои связи с исламом. Что касается проповедей и высказываний папы, то они, как и все предыдущие, вряд ли войдут в историю в силу обилия общих мест и банальностей. Учитывая негативное отношение Иоанна-Павла II к участию духовенства в антиимпериалистической, освободительной борьбе, высказанное им в речи на III конференции латиноамериканского епископата (Мексика, город Пуэбла, 1979 г.), вряд ли следует ожидать, что страдающие от неокOLONIALИЗМА африканские народы пойдут по пути, на какой ориентирует их Ватикан.

Со всего света

ПО ДОЛЛАРУ ЗА ВЫСТРЕЛ

Среди сувениров, которые продаются на площади святого Петра в Ватикане, появились магнитофонные кассеты с записью звуков выстрелов, произведенных здесь в мае 1981 года по папе римскому. Бизнес на покушении пока идет неплохо, хотя пятиминутная запись стоит целых три доллара. Кассеты изготавливаются официальным рупором «святого престола» — радиостанцией «Радио Ватикана».

В условиях научно-технической революции, оказывающей мощное воздействие на различные стороны жизни мусульманского мира, когда уже невозможно отрицать роль и значение науки и необходимость научных знаний, мусульманские богословы все более активно стремятся доказать превосходство религии, подчиненное положение науки, ее неспособность познать мир и объективную истину. Мусульманской философии приходится также реагировать на быстро меняющуюся политическую и социально-экономическую обстановку, часто затрагивающую традиционные исламские институты и отношения, сужающую социальную базу религии. Труды современных мусульманских богословов, гибко приспосабливающих положения ислама к условиям эпохи, подтверждают известные слова В. И. Ленина о том, что с уменьшением социальной базы религии возрастет удельный вес утонченных и наукообразных форм защиты ее основных положений¹.

Сегодня в исламской философии ярко прослеживаются черты фидеизма — того явления, которое В. И. Ленин охарактеризовал в своей работе «Материализм и эмпириокритицизм» как «учение, ставящее веру на место знания». Фидеизм — это наукообразная защита религии, он отводит науке второстепенную, вспомогательную роль в вопросах познания объективной истины. Ленинское понятие фидеизма также имеет в виду религиозную фальсификацию науки, онаучивание веры, использование для ее утверждения и действительных научных проблем. Дело еще и в том, что научно-техническая революция ставит перед исламскими философами проблемы, имеющие социальное-мировоззренческий смысл.

В современной исламской философии весьма разнообразны приемы фидеистической трактовки, например, соотношения ислама и естествознания. Один из них — стремление представить Коран и другие мусульманские источники как средоточие не только высших истин о боге, мире и человеке, но и методов познания, а также всех конкретных знаний, необходимых человеку в его жизни.

Так, заключая вышедшую в Висбадене в 1966 году двухтомную «Историю мусульманской философии», ее авторы делают вывод о том, что ислам всегда был религией, покровительствующей наукам и поиску знания. Во время дискуссии по вопросам технического прогресса в арабском мире представитель Египта Сабет уверял, что поиск знания — неотъемлемая часть исламских ценностей². Мусульманский автор из Южной Африки Д. О. Каджек считает, что только исламский метод пригоден для познания, ибо содержит индукцию, дедукцию и другие принципы научного мышления, а кроме того, и методы конкретных наук («Исламик ревю», 1963, апрель—май—июнь). Пакистанский мусульманский ученый К. А. М. Яхья, работающий в департаменте физики Даккского университета, в статье «Святой Коран и наука» («Исламик ревю», 1966, август—сентябрь) уверяет, что многие современные научные принципы предвосхи-

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 380.

² См.: Там же, стр. 10.

³ См.: — In: «Technical Transfers in the Arab World», Oxford — New York, 1978, p. 201.

ИСЛАМСКИЙ ФИДЕИЗМ СЕГОДНЯ

А. ИСМАИЛОВ, кандидат философских наук

щены в Коране. Так, согласно его концепции, парность творения и коранические семь небес — указания на симметричность мира и на наличие семи планетарных орбит. Яхья утверждает, что в Коране есть также указание на связь горообразования с землетрясениями.

Мусульманский ученый из Шри Ланки Т. Б. Джалиль считает, что ответы на фундаментальные вопросы естествознания можно получить, лишь обратившись к Корану и ортодоксальной исламской традиции. В статье «Создание мира» («Исламик ревю», 1963, август—сентябрь) он пишет, что нашел в тексте Корана указание на то, что Земля сотворена после создания Галактики, а это «соответствует новейшим данным о том, что Земля — молодая планета». Это, по его мнению, еще раз подтверждает, что религия всегда идет впереди науки, прокладывает ей путь, а ученые, делая открытия, лишь расшифровывают священное писание.

Согласно этой разновидности мусульманского фидеизма, подлинная наука немислима без Корана. Прием фидеисты, разумеется, предают забвению целые эпохи в истории ислама, когда наука жестоко преследовалась и принималась. И как отголосок тех времен воспринимается сегодня стремление мусульманских богословов представить науку лишь как вспомогательное средство для познания божественных законов.

Профессор мусульманской юриспруденции университета в Карачи К. А. Фаруки, сопоставляя Коран и окружающий мир, утверждает, что Коран содержит мудрость творца в семантике текста священного писания, а мир — в законах природы, раскрываемых современной наукой.

«Если Коран — слово божье, то эти природные феномены — дело божье. И только когда мы поймем соотношение между аятом божьего слова и аятом божьего дела, мы сможем адекватно понимать ислам», — пишет он в книге «Ислам сегодня и завтра». По мнению Фаруки, изучение природы необходимо главным образом для познания сокровенного смысла божьего слова.

Другой пакистанский богослов Х. Х. Камаль-уд-Дин, основавший в Англии Уокингскую мусульманскую миссию и литературный трест, убеждает, что в самих эпитетах Аллаха, которыми его наделяет Коран, заключена информация о законах природы. В доказательство он приводит такие определения: «собирающий», «оттапливающий», «сохраняющий», «знающий меру», «смешивающий» («Исламик ревю», 1966, февраль — март). То обстоятельство, что в некоторых формулировках законов природы употребляются слова, встречающиеся и в Коране, а наука раскрывает свойства и признаки природы, для обозначения которой также используются слова и понятия обывденного языка, мусульманские ученые объявляют свидетельством того, что в Коране заключена вся наука. Но могут ли одни только эти слова, взятые вне определенного научного контекста, раскрывать сущность происходящих в природе процессов? Сами по себе они не могут выражать ни законов при-

роды, ни конкретных свойств природных тел, ни меры вещей. В Коране такие слова употребляются для обозначения каких-то признаков фантастических объектов, для изображения религиозной картины мира — то есть искаженных представлений о нем. Фидеисты в данном случае используют смысловую многозначность и универсальную применимость слов обывденного языка для того, чтобы выдать религиозные утверждения за положения науки.

Известный переводчик Корана на английский язык М. Мухаммад Али в статье «Концепция бога в исламе» («Исламик ревю», 1963, апрель—май—июнь) считает отличительной чертой Корана (по сравнению с другими религиозными книгами) особую аргументированность существования бога. В чем же, по его мнению, состоит такая аргументированность? Оказывается, в происхождении применяемых для обозначения Аллаха слов. Вот, например, слово «рабб». Оно обычно переводится как «господь». Но имеет и другие значения — «воспитатель», «завершающий», «регулирующий». На этом основании Мухаммад Али делает вывод, что Коран отражает существование в мире единого закона и строгого контроля за его выполнением. Бог постоянно руководит миром, пишет он, в соответствии с человеческой натурой и своей волей. Сознывая шаткость своих аргументов, основанных на принципе наивного антропоморфизма, теолог оговаривается: хотя действия Аллаха и действия человека обозначаются одними и теми же глаголами, антропоморфизм недопустим.

Видимая тождественность слов, применяемых в Коране и в науке, не исключает противоположности научных и коранических представлений. Теологи могут сколько угодно утверждать, что из Корана выводятся все современные научные факты и что это делают те, кто обладает «истиной откровения». Однако никто из них не сможет вывести из Корана научного заключения или связать таковое с текстом священной книги, придав ему символическое значение, если предварительно не ознакомится с содержанием научного заключения. Без этого не помогут все упреждения в «символике».

Тем не менее символическое истолкование Корана — весьма распространенный прием мусульманского фидеизма. Современный крупный исламский теолог-энциклопедист С. Х. Наср считает, что для человека останется скрытым смысл космологического текста (явлений природы), если он не научится понимать значение текста священного писания. Согласно Насру, единство природы невозможно постигнуть при помощи лишь естественных наук. Мол, только символическое толкование Корана дает такую возможность, так как в нем содержится полная интерпретация природы на языке людей. «Ученые обращаются в настоящее время к религии, чтобы вновь найти священные основы для самой науки», — пишет он в книге «Встреча человека и природы». Разнообразные приемы, применяемые Насром для доказательства согласованности религии и науки и вместе с тем для показа превосходства

религии, сводятся к абстрактному требованию ощущения единства природы. Все науки, говорит он, зависят от «божественной истины», цель познания — не открытие нового, а возвращение к «первопричине»⁴.

Одна из главных идей книги Насра «Человек и природа» заключается в том, что современный человек утратил «духовное» значение природы, а сама она, вследствие этого, лишается всякого смысла. Эта утрата означает разрушение гармонии между человеком и богом. При этом современные кризисные явления во взаимоотношениях человека и природы Наср ставит в вину материалистическому мировоззрению, его пониманию природы.

Чтобы уяснить истинный смысл существования человека в природе, надо, по мнению Насра, смотреть на нее сквозь призму «священного текста». А для этого лучше всего подходит метафизика, которую Наср считает настоящей наукой о реальном, о происхождении и цели вещей, об Абсолютном и относительном в свете Абсолютного. «Это столь же строгая, точная, ясная и достоверная наука, как и математика, но достигнуть всего этого можно лишь посредством интеллектуальной интуиции...» — пишет он.

Только исламская метафизика, действующая в рамках традиций, опирающихся на откровение, утверждает Наср, может дать подлинное знание о мире. А это знание у него принципиально предполагает превосходство религии над разумом. Причем, по мнению Насра, относительные знания науки образуют лишь подступы к подлинному знанию первопричины и цели вещей. Наср противопоставляет им «незыблемые» метафизические принципы, опирающиеся на Коран, и упрекает многих современных фидеистов в том, что они, хотя бы и косвенно, ставят истины науки на один уровень значимости и достоверности с «истиной откровения». Однако, строго говоря, таких мусульманских фидеистов совсем немного. В основном модернистски настроенные мусульманские богословы признают лишь относительную, условную ценность науки и утверждают, что истина ей недоступна.

Вспомним, что говорил по этому поводу В. И. Ленин: «Современный фидеизм вовсе не отвергает науки; он отвергает только «чрезмерные претензии» науки, именно, претензию на объективную истину»⁵. И действительно, как мы видели, богословы сейчас говорят, что науки могут подняться только до охвата внешней видимости мира, а сущность его постигается лишь с помощью откровения. При этом они не отвергают новые научные гипотезы и теории, которые более глубоко раскрывают сущность явлений. Более того, богословы даже признают, что методы экспериментального и теоретического по-

⁴ К. А. Faruki. Islam Today and Tomorrow. Karachi, 1974, p. 337.

⁵ S. H. Nasr. The Encounter of Man and Nature. London, 1968, p. 15.

⁶ S. H. Nasr. An Introduction to Islamic Cosmological Doctrines, p. 280.

⁷ S. H. Nasr. Man and Nature, London, 1976, p. 81.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 127.

знания совершенствуются, что наука дает людям все более полное и адекватное знание о мире. Однако они игнорируют диалектическую взаимосвязь абсолютного и относительного в познании, преувеличивают условный и преходящий характер научного знания в каждую эпоху, на этой основе доказывают необходимость религии, которая, мол, одна дает знания о вечном, абсолютном, неизменном.

Вот типичное в этом отношении утверждение таких фидеистов: «...Наука верит в существование энергии, которую нельзя осязать органами чувств, если даже снабдить их самыми точными приборами. Как будто наука тем самым кладет свою руку на руку религии, призывая людей: «Верьте в невидимое! То, что вы не видите, во много раз больше того, что вы видите» (статья в журнале «Маджалла Рабита ал-алам ал-ислам», издающемся в Мекке, 1974, № 8). Подобные идеи исламские богословы распространяют среди рядовых верующих во многих развивающихся странах»⁹.

По сути, современные мусульманские фидеисты в какой-то мере повторяют устремления защитников религии времен кризиса физики, охарактеризованные В. И. Лениным: «Мы вам отдадим науку, гг. естествоиспытатели, отдайте нам гносеологию, философию,— таково условие сродительства теологов и профессоров в «передовых» капиталистических странах»¹⁰.

Свои мысли о гармонии ислама и науки, о том, что только религия указывает пути к духовному и нравственному прогрессу, мусульманские идеологи внушают массам при помощи самых современных средств информации. При этом модернисты понимают, что толковать аргументы «священного писания» сегодня надо с помощью фактов и языком доступным, соответствующим нынешнему времени. Вот почему они предупреждают, что исторические и логические формы выражения содержания Корана условны и в каждую эпоху эту священную книгу надо читать по-новому, только тогда раскроется «бесконечная мудрость слова Аллаха». Эти предупреждения обращены и к тем людям, которые на основе аллегорий хотят найти в Коране буквально предсказания всех открытий науки, всех технических достижений. «Мы должны...— пишет М. Аль-Новахи в статье «Проблемы модернизации в исламе»,— изменить наше истолкование любого религиозного текста, который находится в кажущемся конфликте с ними (научными открытиями). — А. И., понимая его не столько буквально, сколько фигурально»¹⁰.

Аль-Новахи относится к тем наиболее дальновидным мусульманским богословам, которые стремятся не только затушить явную несовместимость современной науки и исламских догм, но и найти возможности «сосуществования» религии с научно-техническим прогрессом в обозримой перспективе.

А научно-технический прогресс, коснувшийся, как уже говорилось, в разной степени почти всех сторон жизни мусульманских стран, ставит перед теоретиками ислама все новые и новые проблемы. В условиях капитализма достижения науки и техники служат не удовлетворению насущных потребностей трудящихся, а получению монополистами сверхприбылей. В результате усиливается национальный гнет, обостряются межнациональные противоречия, растет безработица. Хищничес-

кая эксплуатация природных ресурсов, неконтролируемое воздействие на природу приводят к нарушению экологического равновесия, угрожают существованию человечества. Однако мусульманские богословы усматривают причины всего этого не в социально-экономической природе капитализма, а в ориентации на науку и технику, в забвении высших духовных ценностей, которые, по их мнению, заключены в религии, считают это результатом односторонней материалистической ориентации.

Так, руководитель Всемирного мусульманского конгресса Инамулла-Хан говорит, что гуманизм, материализм и развитие техники в равной мере вызвали повышенную привязанность человека к благам материального мира¹¹. Как видим, для мусульманских теологов, как и для всех идеалистов вообще, характерна неспособность дать реальную оценку материальным факторам, влияющим на жизнь общества. Вследствие этого они, сознательно или бессознательно, преувеличивают роль религии, представляют ислам главным нравственным регулятором, единственным способом постижения человеком сокровенного смысла бытия и т.п.

«Никакое социально-экономическое толкование недостаточно для объяснения того, почему такая научная революция, как на Западе, не произошла еще где-либо»¹²,— утверждает С. Х. Наср. Единственной фундаментальной причиной этого он считает якобы существующее на Востоке особое отношение к природе и противопоставляет так называемую западную традицию познания природы восточной, которая, по его утверждению, позволяет раскрывать мистическое содержание явлений окружающего мира. А такое созерцание природы возможно лишь при условии возврата людей в доиндустриальную докапиталистическую эпоху.

При этом материалистические традиции великих ученых средневекового Востока Наср противопоставляет западным традициям, приписывая их научные достижения, заслуги перед человечеством, энциклопедичность их знаний лишь «мусульманскому принципу их отношения к природе». Ибо только этот принцип, по мнению Насра, позволяет выявить ее внутреннее единство, якобы являющееся воплощением божественного единства и мудрости.

История науки, однако, убедительно показывает: научный материал, который служит предметом мировоззренческого общения на данном этапе, со временем расширяется и изменяется, а это обуславливает изменение и развитие мировоззренческих форм. Диалектический материализм отрицает наличие непреодолимой грани между относительной и абсолютной истиной, он «признает относительность всех наших знаний не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине»¹³. «...Человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания»¹⁴,— отмечал Ленин, критикуя религиозистов в «Материализме и эмпириокритицизме».

Рассмотрение коранической картины мира, например, показывает, что основные

мусульманские представления о природе — это результат абсолютизации примитивных знаний и ограниченной практики в период возникновения ислама. Не существует метафизики, которая не зависела бы от конкретных знаний и представлений людей. Во всех религиозных картинах мира и натурфилософских системах (порой вопреки их создателям) в явной или завуалированной форме присутствуют конкретные знания, хотя в большинстве случаев они и оказываются втиснутыми в рамки идеалистических конструкций.

В наши дни мусульманские богословы стремятся представить религиозную метафизику как абсолютную систему знания, не зависящую от положительных наук. Однако, по их же мнению, из метафизики выводится не только содержание современных наук, но и то, что они могут дать в перспективе. Таким образом, диалектический характер развития науки, заключающийся в переходе от знания сущности вещей одного порядка, как об этом говорил Ленин, к сущности более глубокого порядка, и связанную с этим относительность научной истины эти богословы выдают за ограниченность возможностей науки и противопоставляют ее исламу, якобы обладающему вечными истинами.

В трудах современных мусульманских фидеистов можно заметить три цели, которых они добиваются различными способами. Прежде всего они хотят разграничить предмет науки и религии — с тем чтобы оставить за исламом решение общих мировоззренческих вопросов. Во-вторых, они стремятся показать «гармонию» религии и науки при превосходстве религии. Наконец, они откровенно утверждают зависимость науки от религии. При этом наиболее радикальные исламские модернисты признают, что и религия, за исключением основных догматов, может развиваться по мере социального и научного прогресса. Но это происходит, согласно их представлениям, только из-за необходимости решать земные проблемы. Однако и обоснование необходимости изменения социальных доктрин ислама они стараются отыскать в самих основах священного писания и никак не признают реальных причин, заключающихся в том, что религия в новых условиях тоже стремится соответствовать материальным и духовным запросам масс.

Следует в заключение отметить, что в современном исламском фидеизме отнюдь нет единства по проблемам, занимающим сегодня мусульманский мир. Объединяет их лишь стремление доказать превосходство религии над наукой. А подходы к решению этой задачи весьма многообразны. Но при этом все такие разрабатываемые ныне идеалистические системы, все многочисленные формы физического, психологического, физиологического, кибернетического идеализма и другие способы воздействия на умы людей тут же ставятся на службу фидеизму, как на это указывал еще В. И. Ленин.

Г. М а х а ч к а л а

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 297.

¹⁰ «Muslim World», Hartford, 1975, vol. 65, № 3, p. 175.

¹¹ «God and Man in Contemporary Islamic Thought». Beirut, 1972, p. 14.

¹² С. Н. Наср. Man and Nature, p. 98.

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 139.

¹⁴ Там же, стр. 137.

Автор «Путешествий Гулливера» Джонатан Свифт (1667—1745 гг.) был настоятелем кафедрального собора святого Патрика в Дублине. В одной из своих проповедей он говорил о тех прихожанах, которые засыпают в церкви, а другую — о гордыне — начал так:

— Существует три рода порочной гордыни: гордыня своим происхождением, гордыня богатством и гордыня талантом. О третьем «грехе» я распространяться не стану, поскольку среди вас нет никого, кто мог бы иметь его на своей совести...

При очередном посещении Лондона Свифт встретился с неким молодым графом, который не преминул сообщить ему о том, что его род ведет свое происхождение с VIII века. Позднее писателя спросили, какое впечатление на него произвел этот молодой человек.

— Он похож на ботву картофеля, — ответил Свифт, — самая ценная часть которого покинется под землей.

УЧЕБНИК КУРЬЕЗЫ

Во время одной из своих поездок Свифт со слугой заночевал в сельской гостинице. Утром он обнаружил свои башмаки нечищеными и потребовал от лакея объяснений. Тот стал оправдываться тем, что дорога, мол, очень грязная и башмаки все равно вновь окажутся забрызганы.

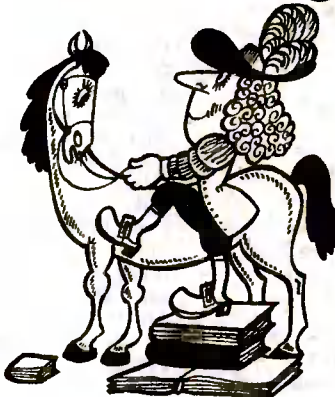
Свифт помолчал и велел собираться в путь. Но ведь мы еще не завтракали, озадаченно возразил слуга.

— Это не беда, — заметил Свифт, — ведь ты же вскоре снова проголодаешься.

Свифт неоднократно обращал внимание на нужду, в которой жил его родной ирландский народ под властью англичан, и настоятельно призывал их помочь ему. Когда, будучи в Лондоне, он опять заговорил об этом, то в ответ услышал, что философу полагалось бы знать, как утолять потребности, умеряя свои желания.

— Я понял вас так, — яростно отвечал Свифт, — что мы должны обрубить себе ноги, коль у нас нет башмаков.

Автор «Оперы нищих» Джон Гэй, писатель Александр Поп и Свифт были друзьями. Как-то они обсуждали состояние духовной жизни британского общества и пришли к выводу, что бедняки испытывают нужду во всем; горожане — в просвещении, а дворяне страдают, если можно так выразиться, от частого общения с лошадьми.

— Самое скверное, — сказал однажды Гэй, — что в потоке дураков более невозможно заметить, когда всплывает великий ум.

— Это неверно, — возразил Свифт. — Когда в мире появляется действительно блестящий ум, его безошибочно можно узнать уже по одному тому, как все глупцы немедленно ополчаются против него.

Многие хотели знать, как Свифт составляет свое суждение о книгах. Ведь в них так много разных воззрений и теорий, что трудно прийти к какому-нибудь определенному мнению.

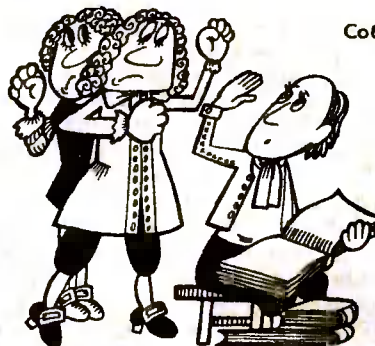
— Вовсе нет, — возразил Свифт. — Если взгляды автора расходятся с моими, стало быть, он заблуждается.

В 1737 году архиепископ Хаг Боултер, снискавший всеобщую ненависть населения Зеленого острова своей антиирландской позицией, обвинил Свифта, будто тот восставил против него чернь.

— У меня не было такой надобности, — ответил Свифт, — но стоит мне лишь намекнуть, как вас разорвут на части.

Собрал И. СВИРСКИЙ

Рисунки
В. Шарковой.

О том, что иудейский клерикализм служит сионизму, прикрывая его империалистические цели и деяния «небесной» санкцией, давно и хорошо известно. Менее известно другое: среди евреев, живущих в капиталистических странах, есть религиозные группировки, отдельные священнослужители и рядовые верующие, в той или иной степени оппозиционные к сионизму (не говоря уже об иудаистах в СССР и других социалистических странах, которые в подавляющем большинстве осуждают сионизм).

Сразу же оговоримся, что в буржуазных государствах влияние антисионистских элементов в иудаизме значительно слабее, чем антиимпериалистических кругов в христианстве. Напомним, что только в США насчитывается более 300 еврейских, в том числе иудаистских, организаций, из которых 70 носят откровенно сионистский характер. На XXIX конгрессе (1978 г.) Всемирной сионистской организации (ВСО) сообщалось, что она объединяет в своих рядах (разумеется, в капиталистических странах) 900 тысяч человек. Впрочем, кажущаяся внушительность этих цифр отнюдь не свидетельствует о безраздельном господстве сионизма. Даже в таком сионистском государстве, как Израиль, более 60 процентов опрошенных евреев не считают себя сионистами¹.

Деятельность иудаистов-антисионистов не столь заметна не только в силу их малочисленности и организационной распыленности, но и из-за того, что далеко не всегда можно найти критерий, который позволил бы отнести их к демократическим силам и одновременно отделить от тех, кто норовит упрятать за «критической» фразой отнюдь не позитивные воззрения. На первый взгляд, установить такой критерий вроде бы просто: если верующий ведет борьбу с сионизмом или по крайней мере порицает его, значит он — противник еврейского буржуазного национализма. Но принять безоговорочно подобный «тест» нельзя, потому что тогда в среде иудаистов прогрессивных политических взглядов попадут и ...крайне правые. Ведь и в Израиле, и на Западе на платформе неприятия сионизма стоят некоторые фанатичные члены иудаистской секты хасидов, равно как и обосновавшаяся в Иерусалиме ультраортодоксальная группировка «Нетурей карто» («Стражи града»).

Эти религиозные экстремисты тоже осуждают сионистов, но не за их преступления перед человечеством, а за то, что те «подменили мессию», так сказать, сорвали выполнение «возложенной на него богом Яхве задачи воссоздания еврейского государства», осуществив ее «греховными мирскими средствами». Было бы абсурдно ожидать от таких фанатиков

ВЕРУЮЩИЕ ПРОТИВ СИОНИЗМА

М. ГОЛЬДЕНБЕРГ,
кандидат философских наук

Марчелу Абрамовичу Гольденбергу исполнилось 60 лет. Пропагандисты атеизма знают его как автора восьми книг, ряда брошюр и многих статей, разоблачающих фальсификации и идеологические диверсии клерикального антикоммунизма и сионизма. Всем этим работам присущи не только научная глубина и доказательность, но и публицистичность, что делает их острым оружием в современной идеологической борьбе. В Молдавии, где живет и трудится М. А. Гольденберг, он известен как опытный и квалифицированный лектор и пропагандист, в совершенстве владеющий ораторскими навыками и способный заинтересовать любую аудиторию.

С нашим журналом М. А. Гольденберга связывает многолетнее плодотворное сотрудничество, начало которому было положено еще в 1967 году. С тех пор на страницах «Науки и религии» увидело свет около полтора десятков написанных им статей. Желая юбиляру творческих успехов и всего наилучшего, предлагаем вниманию читателей его очередную работу.

понимания того, что сионизм никогда не ограничивался «программой создания еврейского государства», а преследовал под этим демагогическим лозунгом далеко идущие политические цели: восстановление контроля еврейской буржуазии над «своими» трудящимися, консолидацию позиций империализма. Таким образом, отвергая сионизм из соображений, ничего общего не имеющих со справедливыми мотивами и целями борьбы против него, эти поборники религии, по существу, отрицают право Израиля на существование.

Но вот что примечательно: официальный Тель-Авив относится к таким средневековым фанатикам не просто снисходительно, но даже с известным умилением. Ибо «оппозиция» подобного рода для сионистских правителей опасности не представляет. Более того, слепая приверженность ультраортодоксов букве и духу «Моисеева закона» может, с точки зрения радетелей сионизма, служить «образцово-показательным эталоном благочестия» для израильтян, а заодно и приманкой для состоятельных западных туристов-евреев.

Совсем другое дело, когда сионизм обличают иудаисты, во многом осознающие опасность, исходящую от

него. Их борьба в ряде случаев смыкается с той, которую ведут против сионизма мировые прогрессивные силы, и находит у них определенный отклик и поддержку. Демократически настроенные сторонники иудаизма, несмотря на свою малочисленность, наносят по сионизму достаточно болезненные удары, вызывая у его пропагандистов злобную реакцию.

Вот почему нам представляется, что есть более точные критерии, позволяющие выявить относительно реалистически мыслящих антиссионистов в иудаизме. Такие люди, с одной стороны, в союзе с прогрессивными силами борются против присущих сионизму прислужничества империализму, оголтелого антикоммунизма, экспансионистских устремлений, расизма, терроризма, религиозного насилия, разжигания эмиграционных настроений у евреев «диаспоры», братания с реакционными режимами во всем мире, а с другой — навлекают на себя ненависть международного сионизма.

Разумеется, их выступления не всегда последовательны и иногда направлены лишь против некоторых из перечисленных зол. Да и вряд ли можно ожидать сколько-нибудь исчерпывающей критики сионизма даже от наиболее резко осуждающих его иудаистов. Ведь в данном случае она неизбежно ограничивается рамками их религиозного мироощущения.

Итак, если принять во внимание все эти соображения, то можно не только выявить демократические элементы в иудаизме, но и разоблачить тех, кто норовит примазаться к ним.

В этом отношении следует в первую очередь отметить стремление некоторых буржуазных авторов приписать антиссионистское, демократическое содержание реформированному иудаизму. Так, вышедшая в Нью-Йорке «Энциклопедия сионизма и Израиля» утверждает, будто это течение считает сионистов помехой «всемирной миссии иудаизма», отрицательно относится к их призыву эмигрировать в Израиль. Оно якобы отвергло необходимость каких-либо связей между этим государством и евреями. Однако лидер наиболее крупной в современ-

¹ См.: Г. Баканурский. Там, где царит тора («Наука и религия», 1979, № 6); его же. Иудейско-сионистский союз и права человека. Киев, 1981, стр. 4. 26—27.

ном мире реформированной иудайской общины США (как и вся ее верхушка) раввин А. Шиндлер — ревностный адвокат сионизма и аннексионистской политики израильских верховодов. Он в свое время выезжал в Каир, чтобы содействовать сговору Садата с Бегинем.

Верно, конечно, что последователи реформированного иудаизма не проявляют желания эмигрировать в Израиль, но ведь не наблюдается оно и среди американских ортодоксальных иудеев. Между тем именно у реформированных иудеев чрезвычайно сильные позиции в среде крупной еврейской буржуазии США. Уже одно это свидетельствует о том, что ничего общего с подлинной демократией они не имеют. А тот факт, что несколько лет назад реформированная иудайская община США примкнула к Всемирной сионистской организации, говорит сам за себя.

Что касается по-настоящему антисионистских настроенных приверженцев иудаизма, то к ним следует отнести, к примеру, американского раввина Элмера Бергера. В своей критике сионизма он, конечно же, ссылается на бога и библейских пророков, обращается к религиозной аргументации. Но при всем том ратует против реакционного течения. А марксисты всегда выступают за совместные действия в защиту мира и социального прогресса со всеми, кто стремится разоблачать империалистическую реакцию. Ныне важную роль «в борьбе за права трудящихся, за демократию и мир», — отмечала Конференция коммунистических и рабочих партий Европы (1976 г.), — играют все более широкие католические силы, представители иных христианских религиозных общин и верующие других вероисповеданий².

Коммунисты не отгораживаются и от демократически настроенных людей, даже если те иной раз и ссылаются на священное писание. Осуждение сионизма, призыв ко всем честным евреям, в том числе и верующим, не только отмежеваться от него, но и бороться с ним, — все это сегодня более существенно, чем расхождение между атеистами и верующими в оценке библейских текстов.

С именем раввина Бергера связана деятельность двух относительно известных в США, хотя и численно незначительных антиссионистских религиозных организаций — «Американского совета для защиты иудаизма» и «Американских иудейских альтернатив сионизму». Они влияют и на действующую в Англии аналогичную «Группу исследований и действий по Ближнему Востоку».

Взгляды Э. Бергера, отражающие идейную платформу этих групп, изложены в его статье, опубликованной

в вышедшем в Мельбурне (Австралия) сборнике. Раввин протестует против огромных субсидий США и американских сионистских организаций Израилю. Он справедливо указывает, что эти деньги американских налогоплательщиков, в том числе и евреев, используются в милитаристских целях, способствуют продолжению оккупации захваченных арабских территорий, помогают сионистским планам иммиграции, в то время как израильские власти упорно противятся репатриации палестинских арабов. Бергер разоблачает стремление сионистов выдавать за антисемитизм любую критику в адрес Израиля или сионизма, отвергает лживый тезис, будто арабское сопротивление сионистским завоевателям есть проявление «сатанинских качеств арабов и их коллективного расизма, направленного против евреев». Он также клеймит израильское законодательство за то, что оно пытается распространить сферу своего применения за пределы Израиля и подчинить себе любого еврея, где бы он ни жил. А в самом этом государстве сионисты разжигают национализм, противопоставляют евреев неевреям, и это тоже служит одним из источников непрекращающегося конфликта на Ближнем Востоке.

Против сионизма выступает и некий раввин М. — в серии статей, опубликованных в 1976—1981 годах в Париже, в антиссионистском журнале «Израэл энд Пэлистейн». Автор разъясняет, почему не может открыть свое имя: живет он в США, где сионистские «ультра» не останавливаются ни перед чем, чтобы загнать отвергающих сионизм евреев.

Раввин М. сообщает, что в одной из синагог Бруклина группа верующих основала движение за «отлучение сионизма от иудаизма». Произошло это событие под влиянием резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, осудившей сионизм как разновидность расизма. По словам автора, сионисты стремятся придать иудаизму «полицейские функции», дабы держать в узде и тех, кто живет в Израиле, и евреев «диаспоры».

Достоинны внимания наблюдения этого раввина, относящиеся к бывшим советским гражданам еврейского происхождения, оказавшимся в США. Серьезные экономические и социальные трудности, языковой барьер и культурная несовместимость — вот что познали в Америке эти люди. Те из них, кому довелось побывать сперва в Израиле, говорит М., столкнулись там с нехваткой жилищ, безработицей, враждебностью местного населения, зловещими последствиями милитаризации.

Хотя раввин М. и не намеревался в своих статьях давать оценку эффективности нашей атеистической пропа-

ганды, однако произвольно он это делает, когда пишет, что иудайское духовенство США удручено не только безразличием новых иммигрантов к религии, но и их нежеланием посещать синагоги. Значит, тем евреям, которые покинули Советский Союз и кому из практических, конформистских соображений было бы выгодно афишировать в условиях капитализма «тяготение к вере предков», не так-то легко пойти на это. Видимо, атеистическое воспитание, полученное в нашей стране, оставило глубокий след в их сознании и поведении. Не менее важно и то, что данное свидетельство раввина фактически наносит ощутимый удар по домыслам о «насильственном искоренении» иудаизма в СССР: если у нас этим людям путь в синагогу был якобы перекрыт административными рогами, то как объяснить, что в США их не удается завлечь в храм божий?

Разоблачает М. и варварские, нередко кровавые проявления антисемитизма в США. Однако такие акты вандализма не только не тревожат сионистских главарей, но и даже в принципе рассматриваются ими как «благоприятный» фактор, способствующий «самосохранению» евреев, «оберегающий» их от сближения с неевреями и позволяющий рассчитывать на то, что хотя бы некоторые американцы еврейского происхождения «поймут необходимость» податься в Израиль.

Оценивая политику правящих кругов этого государства, раввин М. резко осуждает кэмп-дэвидскую сделку и агитацию за переезд евреев к подножию Сиона. Ведь она дает повод к «поискам» новых земель для иммигрантов, а стало быть, и к экспансии, которая неизбежно ведет к новой войне.

По мере того как сионисты США все откровеннее смыкаются с ультраправыми силами, там появляются новые архиреакционные группировки. Например, американский раввин С. Сигел, как сообщила израильская газета «Джерузалем пост» (4 мая 1981 г.), обрушился на «умеренность» сионистских организаций США, основывая при этом «Американский еврейский форум». По замыслу организатора, он призван крепче привязать американцев еврейского происхождения к самым воинствующим представителям администрации Рейгана. Евреи, по разумению этого раввина, должны приспособиться к «новой консервативной реальности», ибо те крайне правые деятели, которые «хороши для Америки, хороши и для евреев». У США, вещает Сигел, есть «идеальный образец», коему они призваны подражать, — Израиль. Только

² «За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе». М., 1976, стр. 33.

равняясь на него, уверяет он, Соединенные Штаты смогут совладать с «советским экспансионизмом и международным терроризмом». Вступивший в сколоченный Сигелом «форум» босс крупнейшей нью-йоркской организации республиканской партии Р. Розенбаум стал своеобразным соединительным звеном между сионистами и «ультра» в команде Рейгана.

Следует, однако, отметить, что, выставляя Израиль в качестве поводыря, за которым должны следовать США, воинствующий раввин всего лишь внес некоторые продиктованные новыми веяниями поправки (вроде ссылки на «международный терроризм, подогреваемый советскими экспансионистами») в старую сионистскую схему, которую итальянский журнал «Эспрессо» в 1980 году иронически изложил так: «Центром Вселенной является Израиль, вокруг которого как гигантский сателлит вращаются Соединенные Штаты».

Судя по всему, несмотря на демонстративно крайний консерватизм, «форум», созданный Сигелом, принципиально ничем не отличается от издавна существующих архиреакционных организаций монополистической еврейской буржуазии. Не исключено также, что его создание — своеобразный тактический ход: буржуазия любого национального происхождения выделяет из своей среды подчеркнуто непримиримых экстремистов в расчете на то, что на их фоне ее политические лидеры будут выглядеть «здоровомыслящими и знающими меру».

В противовес такому постоянному устремлению к крайней реакции рулевых американского сионизма в США возникла прогрессивная организация «Новая еврейская повестка дня». Ее основатель, руководитель и идеолог — раввин Джерри Серотта. При создании этой организации он рассчитывал не на служителей иудаизма (хотя небольшое их число участвует в ней), а на демократически и антисиионистски настроенные слои как верующих, так и неверующих, включая и евреев — членов Компартии США. А коммунисты, как известно, всегда чужды сектантской ограниченности; они не отвергают инициативу честного и — в условиях разгрома американской, в частности сионистской, реакции — бесспорно мужественного раввина.

Серотта правильно считает, что в США есть потенциальная база для развития демократических тенденций среди евреев, поскольку больше половины из них не связаны ни с синагогами, ни с традиционными иудайскими организациями, которые особо непопулярны у еврейской молодежи. И действительно, даже по сведениям, которые приводит сионистская «Джерузалем пост», на учредительной конференции «Новой

еврейской повестки дня» присутствовали 650 делегатов, а в организационный комитет вошли 3000 человек. Политические и мировоззренческие позиции этих людей неоднородны. Но все они в целом поддерживают антисиионистские и общедемократические программные установки, сформулированные Сероттой.

Суть их в том, что необходимо бороться за мир, за разоружение, прежде всего ядерное, за сотрудничество прогрессивно мыслящих евреев со всеми другими прогрессивными силами США, за преодоление отчуждения между неграми и евреями (возникшего, как известно, по вине сионистских заправил), за прямые переговоры Израиля с Организацией освобождения Палестины и за создание независимого палестинского государства.

В свою очередь парижская антисиионистская еврейская газета «Пресс нувель» (6 февраля 1981 г.) охарактеризовала «Новую еврейскую повестку дня» как организацию, объединившую определенные прогрессивные течения и небезуспешно стремящуюся распространить свое влияние на всю территорию США. Кроме целей, о которых уже говорилось, эта газета обратила внимание и на такие положения в программе новой организации, как солидарность со всеми народами, выступающими за национальное освобождение, против интервенционистской политики США и поддержки Вашингтоном любых диктаторских режимов, как выражение убежденности в том, что будущее евреев можно обеспечить только на путях борьбы за социальный прогресс.

Антисиионистски и демократически настроенные иудаисты есть и в самом Израиле. Так, значительный резонанс у мировой демократической общественности, в том числе и в Советском Союзе, получила изданная в 1975 году в Париже книга профессора Еврейского университета в Иерусалиме И. Шахака «Расизм государства Израиль».

«Я глубоко страдаю, — пишет он, — когда вижу, что большинство моего народа живет в состоянии вероотступничества. Вместо того чтобы обожать бога и осуществлять принципы справедливости... эти люди не только поступают наоборот, обретая убежище в самой зверской племенной системе, но и подрабают сук, на котором сидят». «Величайший пророк (речь идет о Моисее. — М. Г.) предостерег нас, — продолжает Шахак, — от опасности полагаться на силу, завещав веру в добродетель».

Подобные — впрочем, нередко встречающиеся в книге Шахака религиозно окрашенные суждения — дают основание видеть в нем иудаиста, непримиримо относящегося к сионизму. Его труд, аргументиро-

ванный огромным количеством документов, — убедительное обвинение против расистских порядков, которые израильские верховоды упорно насаждают, всячески стараясь в то же время скрыть их.

Итак, антисиионистские проявления в иудаизме в известной степени носят международный характер. Но, как уже говорилось, было бы преувеличением переоценивать возможности иудаистов-антисиионистов. И тут складывается парадоксальная на первый взгляд ситуация. Среди католического духовенства, например, демократическое крыло относительно явно сильнее, чем в иудаизме, несмотря на организованное противодействие, оказываемое ему Ватиканом, которое к тому же нередко принимает характер открытых репрессий вплоть до лишения «виновных» священнического сана. А в иудаизме международного центра нет, поэтому вроде бы некому и призвать к порядку непокорных. Казалось бы, в подобных условиях для политического плюрализма в рядах иудаистского духовенства открывается полный простор. Однако в этой среде на Западе преобладает дух неприкрытой политической реакции.

Чем это объясняется? Думается, тут следует выделить две главные причины. Хотя иудаизм никогда не имел мирового руководящего органа, есть, зато международные сионистские организации, сумевшие не только подчинить себе на Западе основные иудаистские объединения, но и оказывать на них давление, куда более эффективное, чем — папского престола на католиков. При этом важнейшим «цементирующим» началом служит сильнодействующий яд национализма, который многонациональная католическая церковь может использовать в несравненно меньших дозах.

Во-вторых, хотя христианские церкви тоже переживают тяжелые времена, однако в иудаизме этот кризис зашел гораздо дальше. Прогрессивно мыслящие евреи в подавляющем большинстве своем либо давно отошли от религии, либо никогда не были связаны с ней и не нуждаются ни в каком библейском обосновании своих убеждений и действий. К иудаизму такие люди чаще всего отношения не имеют.

Весьма широкое распространение просиионистских взглядов в иудаистских кругах капиталистического мира привело некоторых авторов к неправомерному выводу, будто иудаизм — «крайне», даже «самая» реакционная религия. При этом, однако, такие авторы забывают: для марксистов нет «лучших» или «худших» вероисповеданий. Нет, например, смысла взвешивать, что «предпочтительнее» — иудаистский догмат о «богоизбранном народе» или выте-

кающее из Корана деление людей на «правоверных» мусульман и нечестивых иноверцев — «гяуров», против которых надлежит вести «священную войну» («газават» или «джихад»).

В то же время необходимо проводить четкое различие между религиозной идеологией и политической линией отдельных церквей. Неумение разглядеть такое различие и приводит иной раз к неправомерным суждениям об особой реакционности иудаизма или какой-либо другой религии как таковой. Здесь следует быть особо точным: классификация религий по признаку большей или меньшей реакционности их догматического содержания бессмысленна, а сравнительный анализ политического курса тех или иных религиозных организаций не только уместен, но и необходим.

И в этом плане существуют заметные расхождения в позициях не только между церквями, но и внутри одной и той же церкви на разных этапах исторического развития или в различных социально-экономических условиях. Так, архиереакционная политическая направленность русской православной церкви на заре Советской власти, когда патриарх Тихон предал ее анафеме, претерпела впоследствии коренные качественные изменения. Несомненно также, что политическая деятельность католической церкви была намного реакционнее при Пие XII, чем при его преемниках. Не менее очевидна разница между политической ориентацией мусульманских деятелей, выступающих за прогрессивные преобразования в ряде стран Азии и Африки, с одной стороны, и подрывной деятельностью фанатичных «братьев-мусульман», прибегающих к кровавому террору, — с другой. И если анализировать таким же образом политические позиции зарубежного иудаистского духовенства, то с полным правом можно утверждать: они в основном крайне реакционны, по-

скольку подавляющее его большинство «освящает» сионизм.

Может возникнуть вопрос: если антиссионистские элементы в зарубежном иудаизме, особенно среди духовенства, маломощны, то стоит ли о них вообще говорить? Думается, что ключ к ответу мы найдем в оценке В. И. Ленинным деятельности депутата государственной думы священника Тихвинского. Действительное содержание христианских воззрений, указывал Ленин, вернее отражал реакционный епископ Евлогий, чем демократически настроенный священник Тихвинский. Отметив, что к христианскому учению марксисты относятся отрицательно, и сказав о «разногласиях с священником Тихвинским», Ленин тем не менее подчеркнул, что этот священник — депутат от крестьян — достоин «всякого уважения за его искреннюю преданность интересам крестьянства, интересам народа, которые он безбоязненно и решительно защищает»³.

Излишне доказывать, что ленинское отношение к тем представителям духовенства, которые выражают подлинные интересы трудящихся в эксплуататорском обществе, хотя неизбежно и составляют меньшинство клира, в одинаковой мере применимо к священнослужителям любого вероисповедания. Идеиные разногласия с ними марксисты-ленинцы отнюдь никак не затушевывают, но позитивный вклад их в освободительное движение масс одобряют и поддерживают.

Поэтому, при всей скромности их масштабов, заслуживают внимания также демократические и антиссионистские тенденции в иудаизме. Самим своим существованием противодействующие сионизму иудаисты способствуют развенчанию фальшивой схемы наших идейных противников, зачисляющих в ряды сионистов всех верующих евреев. К тому же постоянное падение идейных акций сионизма, социально-экономические неурядицы в Израиле, провал

кэмп-дэвидского сговора, терроризм сионистских главарей — все это со временем может привести к большей активизации оппозиционных сионизму сил, не исключая и тех, чей протест окрашен в религиозные тона.

По своему отношению к «вере предков» верующие евреи, проживающие в странах капитала, далеко неоднозначны. Есть среди них крайние, фанатики, есть и рядовые иудаисты и представители духовенства, делающие все возможное, чтобы их религия максимально содействовала реализации реакционных целей сионизма. Есть и такие, кто лишь по привычке соблюдает основные праздники и обряды. Есть также люди, которые к богу Яхве подходят сугубо утилитарно: годятся такие-то его наставления для «обоснования» сионистских притязаний — значит надо на них почае ссылаться, не годятся — отбросить, не задумываясь. Подобные ханжи и фарисеи, которым до религии нет никакого дела, если ее нельзя использовать в интересах сионизма, составляют сегодня немалую прослойку тех, кого в буржуазном обществе числят иудаистами. Наконец, есть среди верующих и демократически настроенные люди, прилагающие усилия для разоблачения сионизма и беззастенчивой политизации иудаизма. И есть, конечно, значительные массы евреев (их большинство), которые давно порвали с религией.

Одного только нет: единства общественных классов на основе иудаизма, о котором твердят сионисты. Нет никакой «братской солидарности» евреев на светской основе, нет ее и на вероисповедной. Как это ни прискорбно для шовинистической еврейской буржуазии, для сионистских заправил и связанных с ними реакционных иудаистских клерикалов!

Г. К и ш и н е в

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 157.

СКОЛЬКО СТОИТ СУЕВЕРИЕ

В Гонконге некоторые автомобильные номера стоят больше, чем сам автомобиль. Причина тому... суеверие. Многие жители этой британской колонии верят в магию чисел. Местные власти решили извлечь из этого выгоду и продают «счастливые номера» машин с аукциона. Такие «торги» уже принесли городской казне за последние 8 лет доход в два миллиона долларов.

«НАБОЖНЫЙ» КОМПЬЮТЕР

Компьютеры все шире используются в самых разнообразных сферах человеческой деятельности. Теперь дошла очередь и до религии. Профессор физики и богословия Майкл Парсонс из Даремского университета (Англия) поставил перед собой именно такую задачу. Он разрабатывает программу для ЭВМ, с помощью которой богомольцы смогут немедленно

получать ответы на самые различные вопросы, связанные с религией. Впрочем, в клерикальных кругах Англии к этим экспериментам относятся весьма скептически.

ОБОРОТЕНЬ

В каирском районе Матария жил, как он сам себя называл, шейх Мухаммед, занимавшийся прорицанием и исцелением. Больных он «лечил» «волшебными» травами и талисманами, а попавшим в беду давал «ценные» советы. Все это, разумеется, за плату. Как позднее выяснилось, «чудодею» покровительствовали два высокопоставленных чиновника. Когда наконец полиция под нажимом многочисленных жалобщиков, обманутых шейхом, вынуждена была арестовать шарлатана, то у него неожиданно отклеились усы и борода и взглядам изумленных блюстителей порядка предстала... женщина.

Со всего света

ВЕНЧАНИЕ НА ПОВОДКЕ

Ответом на традиционный вопрос священника при венчании: «Хотите ли вы взять в жены присутствующую здесь...» — было «Гав, гав!». Дело в том, что венчали... двух комнатных собачек. Пастор Майкл Гарман уже обвенчал четыре собачьи пары и вдобавок по парочке орангутангов, рыбок и попугаев. За одно такое «венчание» он берет 25 долларов. Дела его явно идут в гору, поскольку в штате Калифорния церковные «бракосочетания» животных становятся все более «популярными». Возникло даже специальное «брачное» бюро, хозяйка которого Шерли Мабиус дала ему название «Любовь на поводке». Здесь не только подберут подходящего «партнера», но и предоставят свадебные «платья», ужин и пастора — Майкла Гармана.

НЛ

овинни литературы

«АТЕИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ». М., Изд-во МГУ, 1982, 128 стр., 6 000 экз., 50 коп.

Книга дает детальное описание вузовской системы атеистического воспитания. На основании обобщения опыта различных вузов страны рассматривается методика атеистического воспитания студентов. Отдельные разделы посвящены атеистическому воспитанию студентов в процессе преподавания различных наук, подготовке будущих специалистов к пропаганде атеизма.

А. Варшавский. В ПОИСКАХ ПРЕДКОВ. Происхождение человека: миф и действительность. М., «Московский рабочий», 1982, 223 стр., 50 000 экз., 35 коп.

Не на небе, а на Земле следует искать тайну происхождения человека, его родословную, утверждал еще Дарвин. Сверхъестественному, церковному объяснению происхождения и развития жизни, происхождения человека наука противопоставляет анализ естественного хода вещей, все полнее раскрывая диалектико-материалистическую картину мира, в том числе и истинную историю происхождения человека. Особое место в книге уделено открытиям последних лет, значительно расширившим и углубившим наши знания о происхождении жизни и о становлении человечества.

С.-Х. Караспавов. СОЛУНСКИЕ БРАТЯ. Роман. Пер. с болг. М., «Прогресс», 1982, 623 стр., 100 000 экз., 4 руб. 50 коп.

Роман известного поэта и прозаика Слава-Христова Караспавова [родился в 1932 г.] повествует о жизни, деятельности и творчестве Кирилла и Мефодия, великих просветителей IX века, создателей славянской азбуки, ныне известной под названием кириллицы.

С. Тудор. ДЕНЬ ОТЦА СОЙКИ. Повесть. Пер. с укр. М., «Художественная литература», 1982, 336 стр., 50 000 экз., 1 руб. 70 коп.

Степан Тудор [1892—1941 гг.] — один из основоположников советской украинской литературы. Антиклерикальная сатирическая повесть «День отца Сойки», разоблачающая образ унитатского священника — святоши, эксплуататора, и сегодня не потеряла своей злободневности. Она направлена против политической реакции и религиозного мракобесия.

В. И. Ленин. О ЗНАЧЕНИИ ВОИНСТВУЮЩЕГО МАТЕРИАЛИЗМА. (Иллюстрированное издание). М., Политиздат, 1982, 63 стр. с илл., 5 000 экз., 65 коп.

«БУДДИЙСКИЕ ПАМЯТНИКИ КАРАТЕПЕ В СТАРОМ ТЕРМЕЗЕ. Основные итоги работ 1974—1977 гг.» М., «Наука», 1982, 200 стр. с илл., 3 000 экз., 1 руб. 40 коп.

Ю. С. Гуров. ОТ БЕЗРАЗЛИЧИЯ — К УБЕЖДЕННОСТИ. Актуальные проблемы атеистического воспитания молодежи. Чебоксары, Чувашское книжн. изд-во, 1982, 112 стр., 3 000 экз., 15 коп.

Э. А. Дурманова. ВАЖНЫЙ УЧАСТОК ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ. О работе партийных организаций Московской области по атеистическому воспитанию. М., «Московский рабочий», 1982, 77 стр., 25 000 экз., 20 коп.

В. Зуев. ПОЧЕМ ЧЕСТЬ, ГОСПОДА? Публицистический очерк о международном сионизме. Донецк, «Донбасс», 1981, 103 стр., 50 000 экз., 20 коп.

А. Б. Коган, В. И. Табачников. ОТРАВЛЕННОЕ ОРУЖИЕ. Критический очерк идеологии и политики международного сионизма. 2-е изд., перераб. и доп. Днепродзержинск, «Промінь», 1981, 174 стр., 25 000 экз., 35 коп.

Н. Г. Матвиенко. АРХИТЕКТУРНЫЙ АНСАМБЛЬ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОГО ЗАПОВЕДНИКА. Киев, «Будівельник», 1981, 117 стр. с илл., 78 000 экз., 90 коп.

В. Н. Никитин. КЛУБ ВОИНСТВУЮЩИХ АТЕИСТОВ (из опыта Ленинградского педагогического института им. Герцена). Л., Лениздат, 1981, 55 стр., 50 000 экз., 15 коп.

М. С. Пастух. УБЕЖДЕННОСТЬ АТЕИСТА. Актуальные вопросы научно-атеистического воспитания молодежи. Киев, «Молодь», 1981, 111 стр., 25 000 экз., 15 коп.

В. С. Семенов. ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ БРАХМАНИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ. Ритуальный символизм. М., «Наука», 1981, 181 стр., 4 300 экз., 1 руб. 50 коп.

В. Н. Тяжелов. ИСКУССТВО СРЕДНИХ ВЕКОВ В ЗАПАДНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ. М., «Искусство». Дрезден, «Ферлаг дер Кунст», 1981, 382 стр. с илл., 100 000 экз., 2 руб. 10 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

А. Автандилян. Воспитание атеистов. «Слово лектора», 1982, № 3, стр. 52—53.

МЫСЛИ БЕЗ НИМБА

- ♦ Бог правду видит. А неправду?
- ♦ Божье слово уникально тем, что никогда не подтверждается божьим делом.
- ♦ Плохие приметы ничем не хуже хороших — если в них не верить.
- ♦ О безграничности божьей милости охотнее всего говорят те, кому всевышний доверил свои финансовые операции.

Иван ИВАНЮК

г. Люберцы Московской области
♦ И те, кто вызывает о помощи к богу, получают ее от людей.

Борис КОВАЛЕРЧИК

г. Гомель

- ♦ Если все — от бога, то что же тогда от «лукавого»?
- ♦ Как только выбрала правильную дорогу — стала для церкви заблудшей душой.
- ♦ Еще не чудотворец, но уже угодник.

Николай КОЛЕСНИКОВ

г. Торез Донецкой области
♦ Воздевают руки к небу и в тех случаях, когда примеривают новый пиджак.

♦ Даже богу душу не хотел отдавать даром.

Николай ВОРОНКИН

г. Караганда

♦ Думали — нимб, а это на нем шапка горит.

♦ Бог создал человека из глины, чтобы его служители могли лепить из него, что им угодно.

♦ Святой правде может поверить только святая простота.

♦ Сначала опускался на колени, а потом все ниже и ниже.

Сергей БЕЛОУСОВ

А. Белов. Тема — атеизм. «Политическое самобразование», 1982, № 1, стр. 141—143.

Б. Вахтин. Гибель Джонстауна. «Новый мир», 1982, № 2, стр. 230—247.

З. Гочева. Антропоморфные изображения богов у фракийцев. «Вестник древней истории», 1981, № 2, стр. 155—161.

Д. Згерский. Религия как альтернатива? «Новое время», 1982, № 7, стр. 27.

Ю. А. Кимелев. Современная буржуазная философско-религиозная антропология. «Вопросы философии», 1982, № 1, стр. 140—145.

М. Мчедлов. Маневры современного клерикализма. «Агитатор», 1982, № 6, стр. 37—40.

И. М. Нахов. Философия киников. М., «Наука», 1982. Из содержания: «Наука и религия», стр. 85—97.

А. А. Радугин. Персоналистский интуитивизм как разновидность католической апологетики. «Философские науки», 1982, № 2, стр. 115—121.

Н. С. Семенкин, В. В. Сербиненко. Рецензия на кн.: В. А. Кувакин. Религиозная философия в России. Начало XX века. «Вопросы философии», 1982, № 1, стр. 167—170.

Т. А. Степанова. Деятельность миссионеров и колонизация островов Самоа (30—90 гг. XIX в.). В кн.: «Проблемы социально-экономического и политического развития стран Востока». Иркутск, 1981, стр. 40—42.

На 3-й странице обложки слева сверху вниз: Нурекское море в Таджикистане. Каракумский канал — река жизни. Узбекские гранаты. Эркин Нуралиева — механизатор совхоза «Большевик» Нарынской области Киргизии была делегатом XXVI съезда КПСС. Сокольная охота — давняя киргизская традиция.

Справа сверху вниз: Народный художник СССР, один из первых художников Туркмени Иззат Клычев. Горная дорога в Нурек. Цветут сады Таджикистана.

Фото Н. Софьиной, В. Иващенко и Фотохроники ТАСС

Сдано в набор 17.05.82.
Формат издания 60×90/8.
Подписано к печати 07.07.82.
А 01116.
Глубокая печать.
Кр. отт. 9,75
Условных печатных листов — 8
Учетно-издательских листов — 12,84

Тираж 400 000.
Зак. 02341.

Адрес редакции:
109004, Москва, Ж-4,
Ульяновская, 43, корп. 4.
Телефоны:
297-02-51, 297-10-89.

Ордена Ленина
комбинат печати
издательства «Радянська Україна»
252047, Киев-47,
Брест-Литовский проспект, 94.

Текст набран
с применением отечественного
фотонаборного
комплекса «Каскад»

33-13

В следующем номере

КАКОЙ ДОЛЖНА БЫТЬ

система мировоззренческого и нравственного воспитания в вузах и техникумах республики? Об этом размышляет министр высшего и среднего специального образования Литовской ССР, профессор Г. К. Забулис.

ПО ДРЕВНИМ ГОРОДАМ РУСИ

Статьей кандидата философских наук З. Тажуризиной, посвященной культуре древней Костромы, журнал начинает цикл публикаций о проблемах и путях совершенствования музейной пропаганды культурного наследия народа, использовании памятников церковного зодчества в идейно-политическом, мировоззренческом, патриотическом, эстетическом воспитании советских людей.

О ВЫСКАЗЫВАНИЯХ

ученых, поэтов и писателей по проблемам смысла жизни и миропонимания, собранных в книге «О вере и неверии», рассказывает статья — введение к этой книге кандидата философских наук М. Скибицкого.

ПРОБЛЕМАМ РАННЕГО И РАЗНОСТОРОННЕГО

развития детей, их духовному и физическому воспитанию посвящена статья писателя и социолога Юрия Рюрикова.

«ВСЕ ПЕРЕМЕНИТСЯ В МИРЕ...»

Воспоминания и размышления известного латышского писателя Яниса Ниедре.

КОМОРЫ: ТРАДИЦИЯ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

О прошлом и настоящем этого архипелага, изумрудным мостом перекинувшегося между Мадагаскаром и Африкой — очерк журналиста-международника С. Кулика.